

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

НОВОСИБИРСК

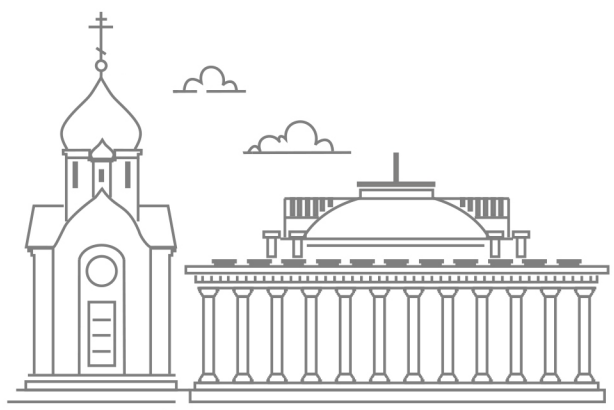
СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2026 №1 (13)

ISSN 2949-1568

SIBERIA HUMANITARIAN

2026

№ 1 (13)

Scientific-practical journal
Published 4 times a year

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Novosibirsk, Russia
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Novosibirsk, Russia
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Moscow, Russia
Elena V. Kiseleva, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Novosibirsk, Russia
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Sciences (History), Novosibirsk, Russia
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Sciences (History), Professor, Yekaterinburg, Russia
Türkan Olcay, Doctor of Sciences (Philology), professor, Istanbul, Republic of Turkey
Valentina S. Pel, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Novosibirsk, Russia
Andrei I. Savin, Candidate of Sciences (History), Novosibirsk, Russia
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Moscow, Russia
Alexander S. Smykalin, Doctor of Sciences (Law), Professor, Ekaterinburg, Russia
Marina Yu. Sorokina, Candidate of Sciences (History), Moscow, Russia
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Novosibirsk, Russia
Oleg D. Fedorov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Sochi, Russia
Boris L. Khavkin, Doctor of Sciences (History), Professor, Moscow, Russia
Denis V. Chernov, Candidate of Sciences (History), Novosibirsk, Russia
Marina V. Shakurova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Voronezh, Russia

EDITION

Editor in Chief Natalia M. Markdorf, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
Executive Secretary S.M. Koba
Editors: N.A. Zolotenina, N.A. Vnukova
Technical Editor O.A. Gladunova

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”, 119571 Moscow, internal territory of the city, municipal district Troparevo-Nikulino, Vernadsky Ave., 82, building 1, +7 (499) 956-99-99, information@ranepa.ru

The Journal is included in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Register. Register number and date of registration: *III № ΦC77-83738* dated August 5, 2022.

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.
Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

Release date 30.03.2026. OCE print. Format 70×108 1/16. Conventional printed sheet 11,90. Publisher's signature 12,92. Edition of 500 copies. Order 10.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEP. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2026
© Siberian Institute of Management — branch of RANEP, 2026

It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

2026

№ 1 (13)

Научно-практический журнал
Выходит 4 раза в год

Основан
в 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирск, Россия
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Новосибирск, Россия
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Москва, Россия
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Новосибирск, Россия
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Новосибирск, Россия
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Екатеринбург, Россия
Олджай Тюркан, доктор филологических наук, профессор, Стамбул, Турецкая Республика
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирск, Россия
Савин Андрей Иванович, кандидат исторических наук, Новосибирск, Россия
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Москва, Россия
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Екатеринбург, Россия
Сорокина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, Москва, Россия
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Новосибирск, Россия
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Сочи, Россия
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Москва, Россия
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Новосибирск, Россия
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Воронеж, Россия

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Ответственный секретарь *С. М. Коба*
Редакторы: *Н. А. Золотенина, Н. А. Внукова*
Технический редактор *О. А. Гладунова*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1, +7 (499) 956-99-99, information@ranepa.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата регистрации: *ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.*

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.

Дата выхода в свет 30.03.2026. Печать ОСЕ. Формат 70×108 1/16. Усл. п. л. 11,90. Уч.-изд. л. 12,92. Тираж 500 экз. Заказ 10.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы, 2026

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova

Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Novosibirsk, Russia

Arkady A. Herman

Doctor of Sciences (History), Professor, Saratov, Russia

Emrah Gaznevi

Doctor of Sciences (Philology), Professor, Associate Professor, Istanbul, Republic of Turkey

Victor Denninghaus

Doctor of Sciences (History), Professor, Lüneburg, Germany

Olga V. Zinevich

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Novosibirsk, Russia

Stefan Karner

Doctor of Sciences (History), Professor, Graz, Austria

Viktor M. Kirillov

Doctor of Sciences (History), Professor, Nizhny Tagil, Russia

Anatoly S. Kolesnikov

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, St. Petersburg, Russia

Anatoly G. Kosichenko

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Almaty, Kazakhstan

Nikolay I. Krasniakov

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Novosibirsk, Russia

Gulnara M. Mendikulova

Doctor of Sciences (History), Professor, Almaty, Kazakhstan

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Sciences (History), Professor, Ekaterinburg, Russia

Alexander M. Sidorkin

PhD, Professor, Sacramento, USA

Tatiana B. Smirnova

Doctor of Sciences (History), Professor, Omsk, Russia

Gulnaz K. Tleuzhanova

Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Karaganda, Kazakhstan

Dmitry A. Funk

Doctor of Sciences (History), Professor, Moscow, Russia

Lazar S. Heifets

Doctor of Sciences (History), Professor, St. Petersburg, Russia

Irina V. Cherkazyanova

Doctor of Sciences (History), St. Petersburg, Russia

Alexey A. Chernobrov

Doctor of Sciences (Philology), Professor, Novosibirsk, Russia

Vladimir N. Shaidurov

Doctor of Sciences (History), Associate Professor, St. Petersburg, Russia

Lubinka Shkodric

PhD, Doctor of Sciences (History), Belgrade, Serbia

Irina I. Shulga

Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Novosibirsk, Russia

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Новосибирск, Россия

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Новосибирск, Россия

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Саратов, Россия

Газневи Эмрах

доктор филологических наук, доцент, Стамбул, Турецкая Республика

Дённингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Люнебург, Германия

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Новосибирск, Россия

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Грац, Австрия

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Нижний Тагил, Россия

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Алматы, Казахстан

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Новосибирск, Россия

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Алматы, Казахстан

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Екатеринбург, Россия

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, Сакраменто, США

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Омск, Россия

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Караганда, Казахстан

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Москва, Россия

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Санкт-Петербург, Россия

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Новосибирск, Россия

Шайдуров Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия

Шкодрич Любинка

PhD, доктор истории, Белград, Сербия

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Новосибирск, Россия

CONTENTS

Editorial	8
SOCIETY AND POLITICS	10
Ilarionova T.S. Lessons of the 20th Congress of the CPSU: Totalitarianism Cannot Be Abolished, Only Outgrown (On the History of the Party Education System in the USSR)	10
Markdorf N.M. Problems of rehabilitation of Soviet citizens in the USSR and in Russia: second half of the twentieth century – early 2000.....	29
Palisheva N.V., Suslikova K.D. BRICS Monetary and Financial Initiatives in the Context of Building a New Global Monetary and Financial Architecture.....	42
Lyubchenko A.M. From the Fenian Movement to the Troubles: Armed Republicanism as a Response to Repressive Policy against Irish Catholics	52
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES	60
Zubov V.E. Problems of the History of Civil Service in Contemporary Research Publications from 2006 to 2010 (Based on the Russian Science Citation Index).....	60
Simakova S.A. Memories of Soviet Germans as a Source for Studying the History of Deportation and Special Settlement (1941–1956)	74
SCIENCE AND CULTURE	85
Savina T.V., Ilarionova K.I. Romantic C-Drama as a Product of China's Stratagem Cultural Policy.....	85
Kranchev D.A. Open-air Museums in the Republic of Khakassia: History and Development Prospects	97
Stepanets V.V. Cultural Heritage Protection in International Law in the Context of Terrorist Threats and Armed Conflicts.....	110
EDUCATION AND UPBRINGING	121
Lopatina S.S. Sociocultural Adaptation of International Students in University Preparatory Courses	121
AUTHOR AFFILIATIONS	130
INFORMATION FOR AUTHORS	131

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8
ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА	10
Илларионова Т. С. Уроки XX съезда КПСС: тоталитаризм отменить нельзя, его можно только перерасти (к истории системы партийного образования в СССР).....	10
Маркдорф Н. М. Проблемы реабилитации советских граждан в СССР и в России: вторая половина XX в. — начало 2000 гг. (на англ.).....	29
Палишева Н. В., Сусликова К. Д. Валютно-финансовые инициативы БРИКС в контексте выстраивания новой мировой валютно-финансовой архитектуры	42
Любченко А. М. От фенианского движения к Troubles: вооруженный республиканизм как ответ на репрессивную политику в отношении ирландских католиков (на англ.).....	52
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	60
Зубов В. Е. Проблемы истории государственной службы в публикациях современных исследователей 2006—2010 гг. (по материалам Российского индекса научного цитирования)	60
Симакова С. А. Воспоминания советских немцев как источник для изучения истории депортации и спецпоселения (1941—1956).....	74
НАУКА И КУЛЬТУРА	85
Савина Т. В., Илларионова К. И. Китайская романтическая дорама как продукт стратагемной культурной политики Китая	85
Кранчев Д. А. Музеи под открытым небом в Республике Хакасия: история и перспективы развития	97
Степанец В. В. Охрана культурного наследия в международном праве в условиях террористических угроз и вооруженных конфликтов	110
ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	121
Лопатина С. С. Социокультурная адаптация иностранных студентов в процессе обучения на подготовительном факультете вуза	121
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	129
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	131

От редакции

На страницах очередного номера журнала представлены результаты исследований, посвященных значимым событиям в жизни стран и народов, оказавшим влияние на ход истории и развитие культуры. В 2026 г. исполняется 70 лет с момента оглашения на XX съезде КПСС доклада первого секретаря Центрального комитета КПСС Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Открывает номер исследование Т. С. Иларионовой, посвященное изменениям, затронувшим все советское общество, в том числе систему партийного образования в Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Автор подчеркивает роль XX съезда в истории страны и освещает включенность АОН и ВПШ в международные контакты, в первую очередь с родственными организациями социалистических стран.

Заданный XX съездом КПСС курс на реабилитацию как целых народов, так и различных категорий репрессированных граждан привел к изменениям в советском законодательстве. Характеристика документальной базы этого процесса отражены в статье Н. М. Маркдорф.

Статья С. А. Симаковой, посвященная анализу источников личного происхождения (воспоминания и мемуары) как инструмента реконструкции истории советских немцев в период депортации и спецпоселения, дополняет официальную картину прошлого «человеческим измерением» — эмоциональным опытом, повседневными практиками и стратегиями выживания депортированного народа.

Сохранение культурного наследия народов России представляет собой одну из важнейших государственных и общественных задач, особенно в период глобализации и унификации культур. Эта проблема многогранна и требует глубокого осмысления как с научной, так и с практической точки зрения. Сохранение наследия — это сохранение исторической памяти, без которой невозможно полноценное развитие общества. В год, объявленный Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным Годом единства народов Российской Федерации, авторы статей обратились к проблемам исследования уникальных памятников народов России. О региональном феномене Республики Хакасия — музеях под открытым небом, позволяющих не только сохранить археологические памятники в их естественном ландшафте, но и ввести их в научный и образовательный оборот, идет речь в статье Д. А. Кранчева. Систему международных правовых актов, направленных на сохранение культурных ценностей в условиях террористических угроз и вооруженных конфликтов, анализирует В. В. Степанец.

В рамках «перекрестных» годов образования, науки и культуры России и Китая на страницах журнала представлена статья Т. В. Савиной, К. И. Иларионовой, посвященная феномену глобальной популярности китайских романтических дорам, которые рассматриваются как стратегия культурной политики Китая. В дальнейшем мы планируем опубликовать серию статей, освещающих перспективы взаимодействия России и Китая в эти перекрестные годы.

Традиционно публикуются статьи, посвященные современным научным проблемам: историографии истории государственной службы (В. Е. Зубов), образования и воспитания в России (С. С. Лопатина). Авторы не обошли вниманием и иные темы, касающиеся истории международных отношений в разные исторические периоды. В исследовании студентки Павийского университета (Италия) А. М. Любченко дана характеристика национально-освободительного движения в Ирландии XIX—XX вв. Инициативы БРИКС в контексте выстраивания новой мировой валютно-финансовой архитектуры рассмотрены Н. В. Палишевой, К. Д. Сусликовой.

Заявленная в первом номере проблематика остается актуальной. Мы акцентируем внимание авторов на вопросах, которые могут найти отражение на страницах нашего журнала:

- 75-летие (1 октября 1946 г.) приговора Нюрнбергского международного военного трибунала главным нацистским преступникам Второй мировой войны;

- проблемы российского, советского и международного права;
- историография и источниковедение;
- история международных отношений и внешней политики;
- проблемы советской и современной национальной политики;
- государственность и право в СССР и на постсоветском пространстве;

- этнокультурное наследие народов России, история памятников, памятных исторических мест, музеев;

- практика сохранения исторической памяти в регионах Российской Федерации, государствах на постсоветском пространстве, в мире;

- проблемы российского образования и воспитания: история и современность;

- роль российского культурного наследия и русского языка в истории в рамках года Владимира Даля — года языка, культуры и слова;

- русский язык на постсоветском пространстве;

- миссии по освоению космоса (запуск ракет, разработка новых космических аппаратов и космические экспедиции);

- инициативы, проекты и мероприятия в рамках Десятилетия науки и технологий в России;

- сохранение историко-культурного наследия за рубежом;

- совершенствование государственной политики в сфере защиты детства в рамках Десятилетия детства в Российской Федерации;

- проблемы освоения Арктики;

- история РАНХиГС и его филиалов.

В очередном номере также могут быть поставлены иные вопросы для обсуждения, а также материалы из семейных архивов памяти. Кроме того, мы публикуем информацию о прошедших конференциях, новых изданиях и приглашаем исследователей размещать на страницах журнала сообщения о защищенных диссертациях. Приглашаем к полемике на страницах нашего журнала.

Н. М. Маркдорф, главный редактор

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 10—28.
Siberia Humanitarian. 2026;(1):10—28.

Общество и политика

Научная статья
УДК 329.15(47+57)
EDN NVJXNZ

Уроки XX съезда КПСС: тоталитаризм отменить нельзя, его можно только перерасти (к истории системы партийного образования в СССР)

Татьяна Семеновна Иларионова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ilarionovat@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Аннотация. Статья посвящена 70-летию оглашения на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза доклада первого секретаря Центрального комитета партии Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». На примере трансформаций системы партийного образования — Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС и Высшей партийной школы (ВППШ) при ЦК КПСС автор показывает, какие коренные изменения в жизни отдельных людей, а также небольших, но значимых для страны коллективов, наконец, в целом для СССР последовали за осуждением репрессий сталинского времени и самого культа личности И. Сталина. Эти изменения затронули и учебный процесс, который теперь был направлен не на подготовку лично преданных коммунистов, готовых выполнять любой приказ сверху, а на выпуск специалистов, способных проводить взвешенную внутреннюю и внешнюю политику. Еще одним зримым изменением стала включенность АОН и ВППШ в международные контакты, в первую очередь с родственными организациями социалистических стран. Год от года это сотрудничество расширялось, стало распространяться и на страны капиталистические: преподаватели и аспиранты системы партийного образования стали выезжать на стажировки и в научные командировки, что, безусловно, стало менять их взгляд на мир. Однако в целом страна долго не могла совершить поворот от сталинских правил жизни, от его ме-

тодов проведения политики. И только с крушением самого режима мог быть завершен процесс, начатый докладом Н. С. Хрущева XX съезду КПСС.

Ключевые слова: Академия общественных наук при ЦК КПСС, Высшая партийная школа, XX съезд КПСС, культ личности, И. В. Сталин, сталинизм, тоталитаризм

Для цитирования: Иларионова Т. С. Уроки XX съезда КПСС: тоталитаризм отменить нельзя, его можно только перерасти (к истории системы партийного образования в СССР) // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 10—28. EDN NVJXHZ.

Society and politics

Original article

Lessons of the 20th Congress of the CPSU: Totalitarianism Cannot Be Abolished, Only Outgrown (On the History of the Party Education System in the USSR)

Tatiana S. Ilarionova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, ilarionovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Abstract. The article focuses on the 70th anniversary of the presentation of First Secretary of the Central Committee N. S. Khrushchev's report "On the Cult of Personality and Its Consequences" at the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Using the example of the transformations of the party education system – the Academy of Social Sciences (AOS) under the CPSU Central Committee and the Higher Party School (VPSH) under the CPSU Central Committee – the author demonstrates the fundamental changes in the lives of individuals, small but significant groups, and, finally, the USSR as a whole that followed the condemnation of the Stalinist repressions and the personality cult of Stalin himself. These changes also affected the educational process, which was now aimed not at training personally devoted communists ready to carry out any order from above, but at graduating specialists capable of pursuing a balanced domestic and foreign policy. Another visible change was the inclusion of the Academy of Social Sciences and the Higher Party School in international contacts, primarily with related organizations in socialist countries. Year after year, this cooperation expanded, even extending to capitalist countries: faculty and graduate students from the party education system began to travel for internships and research trips, which undoubtedly began to change their worldview. However, overall, the country was unable to achieve a break from Stalin's rules of life and his methods of policymaking for a long time. Only with the collapse of the regime itself could the process initiated by N.S. Khrushchev's report to the Twentieth Congress of the CPSU be completed.

Keywords: Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, Higher Party School, 20th Congress of the CPSU, personality cult, I.V. Stalin, Stalinism, totalitarianism

For citation: Ilarionova T.S. Lessons of the 20th Congress of the CPSU: Totalitarianism Cannot Be Abolished, Only Outgrown (On the History of the Party Education System in the USSR). *Siberia Humanitarian*. 2026;(1):10—28. (In Russ.). <https://elibrary.ru/nvjxhz>.

Введение

Многие памятные и юбилейные даты в современной России дают повод переосмыслить историю. К таким можно отнести и 70-летие потрясшего основы советского общества события — прошедшего 14—25 февраля 1956 г. XX съезда КПСС. Ключевым на нем стал доклад первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», прочитанный в завершающий день съезда и длительное время, вплоть до 1989 г., официально не публиковавшийся в Советском Союзе¹. Несмотря на цель развенчать культ личности И. В. Сталина, почти три десятка лет находившегося у власти в СССР, методы его политики оставались неизменными длительное время и после его смерти в 1953 г. Так, практика устного ознакомления членов КПСС или затрагиваемых групп населения с важными партийно-государственными документами сохранилась, текст доклада рассылался по парторганизациям как документ секретный, строгой отчетности для зачитывания на закрытых собраниях членам партии. При этом он быстро стал известен на Западе².

Доклад, без сомнения, стал поворотным в послевоенной советской истории, он изменил отношения внутри лагеря социалистических государств, открыл новые горизонты взаимодействия СССР с внешним капиталистическим миром. Отдельные положения доклада позволили по-иному, чем раньше, определить вклад отдельных государственных деятелей в становление СССР, дать оценку экономической и социальной политике, политике в сфере межнациональных отношений в 1920—1930-х гг. Впервые были осуждены репрессии как против больших групп советских граждан, таких как крестьянство или поголовно выселенные из мест постоянного проживания народы, так и против отдельных выдающихся организаторов партии, военачальников, деятелей культуры и искусства, ставших жертвами оговоров, политических преследований, ненависти Сталина. Сама фигура Иосифа Сталина предстала в зловещем свете: не как мудрого правителя, государственного деятеля мирового масштаба, а как мстительного, жестокого, властолюбивого человека, совершившего множество фатальных ошибок в оценке международных событий (сроки начала войны с Гитлером), и во внутренней политике (репрессии против высшего командного состава Красной армии накануне войны), тем самым нанесшего непоправимый вред стране и ее преданным партии и государству гражданам.

Партийным организациям пришлось длительное время осмысливать этот опыт, хотя многие реакции последовали незамедлительно, сказались и на внутривнутрипартийной жизни, и на жизни общественной. Об этом можно судить по аналитическим материалам, документам, свидетельствующим, как доклад готовился, какую реакцию в СССР и за его пределами он позже вызвал, будучи опубликованным в 2002 г. [1] В дополнение к этому фундаментальному труду в 2015 г.

¹ О культе личности и его последствиях : доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128—170.

² Перевод английского текста, опубликованного Государственным департаментом США, см.: Речь Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС (24—25 февраля 1956 г.). Мюнхен : Голос народа, 1956. 56 с.

были представлены материалы XXII съезда партии, еще одного знакового события для развенчания культа личности Сталина [2]. Однако литература о XX съезде партии этим не исчерпывается. Большое количество публицистических и литературных произведений было посвящено проблемам общества в 1920—1950-х гг. (например, «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына или «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова). Появились и первые исторические исследования на эту тему [3].

Тем не менее труды Сталина длительное время в СССР выходили в свет и после XX съезда, в том числе и в центральных издательствах [4]. Имя Сталина сохранялось в названиях промышленных и сельскохозяйственных предприятий [5 ; 6], улиц и проспектов.

С приходом к власти Л. И. Брежнева в 1964 г. оценки культа личности Сталина начинают меняться, становятся очевидными попытки сгладить острые углы доклада XX съезду, смягчить резкую критику сталинского правления. Однако период между 1953-м годом и годом 1964-м можно рассматривать как этап глубокого общественного поворота, коллективной переработки тоталитарного прошлого и освоения новых форм бытия — относительной свободы в парадигмальных условиях советского социализма в той форме, как он виделся руководителям партии и советского государства.

Цель исследования: на примере локальной истории привилегированного вуза — Академии общественных наук при ЦК КПСС — выявить направления и последствия крутого партийно-государственного поворота 1950—1960-х гг. от сталинской диктатуры к социалистической (относительной) свободе, проанализировать, как оттепель проявила себя в самом центре подготовки кадров управления страной. Исследование дает материал для оценки потенциала реформ сверху, которые в Российской империи и Советском Союзе проводились не раз и позволяли сохранить на длительное время сам политический режим.

Задачами исследования выступает рассмотрение таких проблем, как изменение политических требований к руководству вуза; новый стиль отношений вуза и Центрального комитета партии; новые направления деятельности Академии; определение существа партийных решений для страны в целом; выявление сути развенчания культа личности Сталина для последующих событий в жизни СССР, преодоление этапа давления государства на личности, на общество.

Эмпирическими источниками исследования стали материалы XX съезда и подготовительные документы к докладу Н. С. Хрущева, а также документы о деятельности Академии общественных наук при ЦК КПСС из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), многие данные из которых публикуются впервые. Значительным материалом для размышлений автора стал массив исследований биографии Н. С. Хрущева, в частности публикации его сына Сергея Никитича [7 ; 8], а также исследования отдельных направлений политики КПСС того времени и роли Н. С. Хрущева в формировании этой политики [9].

Научной основой исследования стали труды историков и философов, давших представление о тоталитаризме и путях его обществен-

но-государственного преодоления, в том числе Х. Арендта [10], Р. Конквеста [11], К. Поппера [12].

Настоящая статья является продолжением исследований истории Академии общественных наук при ЦК КПСС и ее предшественников, которые автор ведет уже на протяжении многих лет [13—18]. В 2026 г. будет отмечаться 80-летие этого учебного заведения.

Результаты и дискуссия

Оплот сталинизма. Второго августа 1946 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских кадров», согласно которому создавалась система партийных учебных заведений. На основе этого постановления была создана Академия общественных наук при ЦК ВКП(б) (с 1952 г. при ЦК КПСС). Система также включала Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), созданную в 1939 г., а также сеть таких школ в регионах СССР.

Академия общественных наук при ЦК ВКП(б) создавалась как кузница кадров высшей квалификации, ВПШ получила свою четко очерченную сферу деятельности — давать высшее партийное образование номенклатурным кадрам союзных республик, краев и областей, районных парторганизаций.

Академия выполняла важную для партии и государства идеологическую функцию, связанную с подготовкой партийных и советских кадров, выражаясь современным языком, «мультипликаторов» целей и задач руководства СССР. Они должны были обеспечить то самое «воспитание масс», с помощью которого достигалась лояльность в обществе, широкая поддержка партии большевиков в условиях, когда общество стало другим, отличным от общества 1920 и 1930-х гг. — периода репрессий.

Академия напрямую подчинялась аппарату Центрального комитета партии, причем не только Управлению пропаганды и агитации, как это было предписано постановлением 1946 г., но и другим его подразделениям. Шла постоянная переписка с ЦК по самым разным вопросам. На протяжении всего послевоенного времени аппаратное руководство было настолько плотным, что ректорам оставался минимум административной свободы для текущего управления учебным процессом и кадрами: в ЦК утверждалась и структура Академии, и штаты, и ставки заработной платы, причем не только в общем их виде, но и буквально по каждой из кафедр¹. В Центральный комитет постоянно шли отчеты о проведенных мероприятиях, научных исследованиях, темах диссертационных исследований и результатах работы аспирантов.

Первым ректором Академии был назначен приверженец сталинизма, историк А. В. Мишулин. Цитаты из его опубликованных работ характеризуют и самого этого человека, и курс, который он проводил в Академии:

Сочинения Ленина и Сталина вводят нас в сокровищницу исторического знания, соединенного с практической революционной деятельностью большевистской партии и соци-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 18. Л. 55.

алистическим строительством. В произведениях Ленина и Сталина отражена громадная теоретическая работа марксистской мысли, огромная исследовательская работа над большим конкретно-историческим материалом, великие по своему значению теоретические и практические выводы, использованные партией и народом в борьбе за победоносное развитие дела коммунизма [19, с. 99].

<...>

Именно ему, товарищу Сталину, как великому ученому и великому вождю, зодчему нашей социалистической стройки, партия и народ обязаны образованием Союза Советских Социалистических Республик, созданием величайшего документа нашей эпохи — Сталинской Конституции [19, с. 103].

<...>

Краткий курс истории ВКП(б) является не только впервые написанной научной историей большевизма, наполненной идейным его содержанием, но и прекрасным образцом творческой работы для советского историка. Эта книга воодушевляет советского историка на творческую деятельность, призывает его к дальнейшему развитию исторической науки [19, с. 107].

Вместе со всеми трудящимися нашей страны советские историки могут сказать: «Как радостно и счастливо жить и работать в эпоху Ленина — Сталина!» [19, с. 107].

Не менее верноподданническими были речи и статьи бывшего в 1952—1954 гг. ректором Академии доктора исторических наук Д. И. Надточеева:

И. В. Сталин развил и поднял на новую, высшую ступень все общественные науки. Он создал подлинно научную историю ВКП(б), представляющую собой марксизм-ленинизм в действии, внес неоценимый вклад в марксистскую историческую науку и марксистско-ленинскую философию, развил дальше марксистско-ленинское учение об экономических законах современного капитализма и социализма, разработал важнейшие актуальные проблемы марксистско-ленинской теории государства и права, международного права эстетики социалистического реализма, создал науку марксистского языкознания [20, с. 6].

<...>

Товарищ Сталин является не только великим теоретиком и создателем программы строительства коммунизма. Он является также непревзойденным мастером стратегического и тактического руководства, создателем коммунистической стратегии и тактики [20, с. 18].

Не удивительно, что 16 марта 1953 г., через несколько дней после смерти И. В. Сталина, секретарю ЦК КПСС Г. М. Маленкову, который в тот момент курировал АОН, из Академии уходит письмо, подписанное ректором Д. И. Надточеевым и секретарем парткома В. Николаевым:

В 1946 году по инициативе товарища И. В. Сталина была создана Академия общественных наук при ЦК КПСС для подготовки теоретических кадров партии.

Академия общественных наук при ЦК КПСС просит Вас рассмотреть вопрос о присвоении Академии имени Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА.

Этот вопрос был поставлен Академией еще в 1949 году в связи с 70-летием со дня рождения И. В. Сталина. Тогда Академии было разрешено установить памятную доску в ознаменование выступления товарища Сталина в актовом зале Академии с докладом об итогах XIII съезда партии на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) 17 июня 1924 года¹.

¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 8. Л. 31.

Академии этого имени так и не присвоили. Более того, вскоре именно Д. И. Надточеев, как гибкий партийный работник, тонко улавливавший изменения партийного курса, начал то, что можно было охарактеризовать как процесс десталинизации в Академии общественных наук. Свидетельством этому служит, в частности, письмо Д. И. Надточеева на имя секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева от 20 апреля 1953 г. о роли и значении Академии. Но в этом письме не было уже верноподданнических выражений, напротив, автор с достоинством представлял заслуги Академии перед партией. Главным в письме были настойчивые просьбы улучшить положение АОН:

Учебная и научная работа Академии протекает в крайне стесненных условиях. Не хватает помещений в учебном корпусе. Академия не имеет ни одной учебной аудитории, кроме актового зала. Лекции, семинарские занятия и консультации проводятся в учебных кабинетах кафедр, предназначенных для самостоятельной работы аспирантов, ввиду чего аспиранты в своем большинстве фактически лишены постоянных рабочих мест. Лишь 100 человек аспирантов и курсантов имеют закрепленные за ними места в читальном зале Академии¹.

Из-за недостатка помещений в учебном корпусе кафедра иностранных языков (80 учебных групп), учебная часть, редакционно-издательский отдел и другие отделы Академии размещены в общежитии. Трудности испытывала и библиотека, которая из-за нехватки площадей использовала подвалы для хранения книг. Также ставился вопрос о расширении общежития.

Значение XX съезда для Академии общественных наук при ЦК КПСС. Поворотным для страны, и в частности для Академии, стал 1956 г. — год XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. И хотя некоторые из современных авторов утверждают, что суть доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» была вовсе не в том, чтобы обновить партию, государство и советское общество, а лишь для выдвижения ряда односторонних обвинений в адрес Сталина [21, с. 10], пример АОН говорит об обратном. При всем желании части партийной верхушки сохранить в неизменности идеологемы социализма в СССР или по крайней мере очень осторожно вести себя по отношению к сталинскому наследию начались необратимые процессы в устройстве жизни, в которой вдруг стала важной не только свобода выражения личного мнения, но и просто восстановленное человеческое достоинство — без страха за жизнь и возврата репрессий.

В докладе особое внимание было уделено отдельным судьбам коммунистов, общественных деятелей, которые погибли в годы сталинских репрессий. Подчеркивалось, что «многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937—1938 годах „врагами“, в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т. п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под дик-

¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 9. Л. 15—17.

товку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения»¹.

Академия получила 10 экземпляров этого доклада «для ознакомления всех членов и кандидатов партии». Подчеркивалось, что этот «документ является строго секретным и предназначен лишь для ознакомления коммунистов», было необходимо обеспечить его полную сохранность и своевременное возвращение всех экземпляров в ЦК КПСС². В последующем такого рода документы присылались регулярно, они касались и международных отношений (в частности, политики югославского лидера И. Б. Тито), и внутренней политики (персональные дела коммунистов, допустивших непартийное поведение или уличенных в злоупотреблениях)³.

Незадолго до съезда, в 1955 г., ректором Академии становится Иван Антонович Дорошев, имевший большой опыт партийной и хозяйственной работы. Именно на его долю выпало практическое проведение политики десталинизации АОН. Как ректор, он входил также в редколлегию главного теоретического органа партии журнала «Коммунист», а 16 марта 1956 г., как и другие члены редколлегии, принял участие в обсуждении номера, посвященного XX съезду партии. Стенограмма зафиксировала позицию ректора, указывающую на настроения в обществе и в Академии⁴. Так, делая замечания по тексту ключевой статьи готовившегося к выпуску номера журнала, Дорошев отмечал:

Сейчас партийные массы бурлят, огромное количество вопросов возникает и ставится в партийной среде. ...Я бы начал с разговора о том, что партия восстановила и восстанавливает ленинские нормы... что Ленин видел в большевистской партии коллективного руководителя, что выразилось на XX съезде, что в нашей партии после долгого перерыва создано коллективное руководство, восстановлены и восстанавливаются ленинские нормы партийной жизни. ...Писать надо в позитивном плане: в любой парторганизации это надо поднять сверху донизу во всех организациях». Другие члены редколлегии эту позицию поддержали: «Разве можно сейчас ограничиться тем, что где-то что-то нарушалось. Надо сказать языком съезда, требуется острая постановка вопросов. ...Люди не критиковали руководящих товарищей, а смотрели им в рот, когда выступали. ...Если говорить о принципах, то нужно говорить, что марксизм-ленинизм учит строить партийную работу соответственно сложившимся, выработанным Лениным принципам, а практика жизни в какой-то степени не выдерживает этих принципов.

И еще высказанное на заседании редколлегии мнение: «Можно сделать так, как предложил И. А. Дорошев, а именно прямо, отчетливо сказать о том, что серьезно нарушались нормы партийного руководства, установленные Лениным, во всех звеньях, и источником нарушения был культ личности, сказать, что начиная с XIX съезда партии Центральный Комитет восстановил принципы коллегиальности, борется за их осуществление во всех звеньях. ...Нужно говорить о том, где еще не преодолено это нарушение норм партийной

¹ О культе личности и его последствиях : доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. С. 136—137.

² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 13. Л. 31.

³ Там же. Л. 32.

⁴ Протокол заседания редакционной коллегии журнала «Коммунист» 16 марта 1956 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 79. Л. 62—79.

работы. Вопрос волнующий, это вполне естественно. Нужно сейчас направить критический огонь именно в это звено, иначе вы будете говорить вообще в воздух».

XX съезд и перенастройка системы партийного образования.

В качестве одной из первоочередных встает задача обучения кадров на документах, которые бы становились открыты аспирантам Академии. Впервые после XX съезда уже без всякого страха Академия ставит перед ЦК вопрос о необходимости присылки полнотекстовых версий стенограмм пленумов и съездов партии, доступности этих материалов для научной оценки, для использования в образовательном процессе¹.

Кроме аспирантов, другую значительную группу обучающихся составляли в те годы слушатели, направлявшиеся на повышение квалификации. Это были высокопоставленные партийные и советские функционеры, к ним отношение было особое. Даже сам факт направления на учебу тех или иных лиц был засекречен, по крайней мере переписка на этот счет всегда велась под грифом «секретно». Это было связано и с тем, что на время обучения за ними сохранялись высокие заработные платы и Академия должна была обеспечить выплату этих средств. Например, 14 декабря 1956 г. был утвержден список очередной группы обучающихся. В нее вошли секретарь ЦК КП Литвы, секретарь ЦК КП Латвии, второй секретарь Брестского обкома КП Белоруссии, секретарь ЦК КП Киргизии, председатель Грозненского облисполкома, первый заместитель председателя Белгородского облисполкома, второй секретарь Могилевского обкома КП Белоруссии, второй секретарь Балашовского обкома КПСС, заместитель председателя Совета Министров Киргизской ССР, первый секретарь Кара-Калпакского обкома КП Узбекистана, председатель Совета Министров Дагестанской АССР, министр сельского хозяйства Казахстана, секретарь Кашка-Дарьинского обкома КП Узбекистана, второй секретарь Гомельского обкома КП Белоруссии, первый заместитель председателя Новгородского облисполкома, секретарь ЦК КП Казахстана, первый секретарь Черкесского обкома КПСС². Для подобных групп разрабатывались специальные программы обучения, перед ними выступали ответственные работники аппарата Центрального комитета партии. В переписке ректора с ЦК практически нет постановки вопросов об учебном процессе, изменении характера преподаваемых предметов. На эту тему готовилось специальное партийное решение, которое стало одним из рубежных для развития АОН, хотя и не касалось прямо Академии.

В постановлении ЦК КПСС от 26 июня 1956 г. «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки руководящих партийных и советских кадров» подводится своеобразный итог десятилетней работы Высшей партийной школы. В постановлении говорится, что «созданные в 1946 году Высшая партийная школа, а также республиканские, краевые и областные партийные школы проделали боль-

¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 14. Л. 63.

² Там же. Д. 13. Л. 87—89.

шую работу по подготовке и переподготовке партийных и советских кадров». Приводятся цифры: за истекшие 10 лет окончили местные партийные школы более 55 тыс. человек, ВПШ — 2 843 и заочное отделение ВПШ — более 6 000 человек. Подавляющее большинство выпускников партийных школ занимаются партийной и советской работой. Отмечались и недостатки:

В учебных планах школ крайне мало отводится времени на изучение конкретной экономики и организации промышленного и сельскохозяйственного производства, что является серьезным пробелом в подготовке кадров и отрицательно сказывается на уровне их работы по руководству хозяйством. Преподавание партийного строительства, советской экономики, основ агрономической науки зачастую ведется в отрыве от практики работы партийных организаций, передового опыта колхозов, совхозов, МТС и промышленных предприятий. В преподавании общественных дисциплин не изжиты еще начетничество и догматизм, неглубоко изучаются проблемные вопросы марксизма-ленинизма. Имеются случаи, когда на учебу в школы зачисляются работники, не оправдавшие себя на практической работе.

В постановлении зафиксировано важное и долговременное решение: подтверждено, что ВПШ, так же, как и Академия общественных наук при ЦК КПСС, — это не курсы повышения квалификации, не часть партийного аппарата, а высшее учебное заведение, которое должно подчиняться законам высшей школы, быть вписанным в образовательную среду СССР. Это нисколько не принижало роли ВПШ — она оставалась на особом положении, но была вузом и должна была жить по вузовским правилам.

Постановлением утверждалась стандартная структура партшкол: «В соответствии с учебными планами иметь в партийных школах следующие кафедры: истории КПСС, партийного и советского строительства, диалектического и исторического материализма, политической экономии, исторических наук, советской экономики, сельского хозяйства, промышленного производства, журналистики, русского языка и литературы (в школах, где создаются отделения газетных работников)».

Постановление подтверждало роль ВПШ при ЦК КПСС как методического центра для всей системы партшкол: «Обязать ректорат и кафедры Высшей партийной школы при ЦК КПСС до 1 августа 1956 г. подготовить и разослать на места программы по всем предметам учебного плана для четырехгодичных партийных школ».

Определялся и контингент абитуриентов: в четырехгодичные партийные школы должны были приниматься «члены КПСС по рекомендациям обкомов, крайкомов и ЦК КП союзных республик, положительно проявившие себя на партийной и советской работе, в возрасте до 35 лет и имеющие как минимум среднее образование».

В постановлении ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 г. содержался учебный план ВПШ. Он включал следующие предметы: история ВКП(б) — 250 часов, история СССР — 200 часов, всеобщая история — 200 часов, политическая экономия — 200 часов, диалектический и исторический материализм — 200 часов, логика — 50 часов, история международных отношений и внешней политики СССР — 150 часов, экономическая и политическая география (включая курс лекций о размещении производительных сил СССР) — 150 часов,

русский язык и литература — 250 часов, иностранный язык — 300 часов, основы советской экономики и практика руководства отраслями народного хозяйства — 350 часов, партийное строительство — 200 часов (на партийном факультете), основы государственного права СССР — 100 часов (на партийном факультете), государственное право и советское строительство — 300 часов (на советском факультете), журналистика — 300 часов (на отделении редакторов газет).

В 1956 г. учебный план ВППШ выглядел по-иному, он включал «Основы советского права (гражданское, трудовое и колхозное)» и целых 13 экономико-производственных дисциплин. Учебный план свидетельствует: от марксизма-ленинизма партия ни на шаг не отходила. И в то же время прежняя, сталинская, парадигма подготовки кадров как замены старых коммунистов на людей, преданных лично вождю, сменяется на новую — подготовку кадров для партии, для развития страны, экономики прежде всего; подготовку не просто политкомиссаров, а профессионалов, которые и навыками организационной работы владеют, и массы на выполнение планов партии способны вдохновить, и практическое дело знают.

Открыть мир. Углубление международного сотрудничества — еще одно очевидное следствие XX съезда. Новый курс во внешней политике также берет свое начало после смерти Сталина. «Частью освобождения команды [Сталина. — Т. И.] стала свобода путешествовать. Для Хрущева и Булганина поездка на Женевскую встречу лидеров четырех держав в 1955 году была захватывающей... Трехнедельная поездка Маленкова в Англию весной 1956 года также, очевидно, стала жизненной вехой: его впервые „выпустили“ за границу» [22, с. 404].

Представители Академии, как и ВППШ, включаются в работу по закреплению советского доминирования в странах социалистического лагеря, в установление новых отношений с научной интеллигенцией капиталистических стран. Академия становится принимающей стороной для многочисленных зарубежных делегаций, ведется обширная переписка о проведении совместных конференций, выпуске сборников статей, начинается обмен аспирантами для кратковременных стажировок. Преподаватели направляются и в длительные командировки с целью наладить работу аналогичных академий и высших партшкол в Польше, ГДР, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии. В 1960-е годы география поездок расширяется: к этим странам прибавляются, например, Швейцария¹, Финляндия, Англия, Канада, Франция², Австралия³, Италия⁴. Формируются лекторские группы, которые направляются, в частности, в Китай⁵.

Первой большой делегацией, которая приехала в СССР и с 5 сентября по 5 октября 1950 г. знакомилась с опытом работы Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), стала делегация польских об-

¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 19. Л. 86.

² Там же. Л. 148.

³ Там же. Л. 167—168.

⁴ Там же. Л. 203.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 2.

ществоведов¹. В 1952 г. в Академию прибыла еще одна польская делегация², а после смерти И. В. Сталина из Варшавы поступила такая телеграмма:

Коллектив аспирантов и научных работников Института по подготовке научных кадров при Центральном Комитете Польской Объединенной Рабочей партии глубоко потрясены вестью о кончине гениального и любимого вождя всех трудящихся и всего прогрессивного человечества, нашего великого друга и отца товарища Сталина.

Вместе с Вами, со всем героическим советским народом, с великой партией Ленина-Сталина переживаем глубокую скорбь.

Заверяем Вас, что, сплотившись вокруг Центрального Комитета нашей партии, мы не будем щадить сил для овладения, распространения в рядах нашей партии и всего нашего народа бессмертного вклада товарища Сталина в учение марксизма-ленинизма — надежного оружия в борьбе за мир, братство народов и победу коммунизма во всем мире.

Партийная организация и руководство Института.

9 марта 1953 года³.

Но только с середины 1950-х гг. иностранцы стали неотъемлемой частью аспирантского сообщества Академии общественных наук. Страны народной демократии присылали своих перспективных научных и партийных работников получать степень кандидата наук. Например, первые специалисты из Болгарии закончили обучение в Академии 9 июля 1954 г.⁴ Если к диссертациям советских аспирантов относились придирчиво, то работы иностранцев рассматривались еще более тщательно. Любые проблемные с политической точки зрения высказывания изымались из текста, а ответственность за них несли не только сами авторы, но и в значительной степени научные руководители. Причем сами диссертации, а также их авторефераты читали и заведующие выпускающих кафедр, и руководители Академии. Вот типичный документ того времени за подписью руководителя кафедры диалектического и исторического материализма Г. Е. Глезермана, впоследствии заместителя ректора АОН: «Реферат тов. Честнокова Е. Н. „Борьба С. И. Вавилова за материализм, против идеализма в физике” представляет определенный интерес, так как в нем показывается процесс формирования диалектико-материалистического мировоззрения у одного из ведущих ученых Советской страны, ученого с мировым именем под активным влиянием Коммунистической партии Советского Союза и всей советской действительности. <...> Однако реферат нельзя послать в Болгарию, ибо он содержит ссылки на выступления Берия...»⁵.

И еще одно письмо в ЦК за подписью ректора И. А. Дорошева от 6 июня 1957 г.:

Аспирант II-го курса кафедры политической экономии ПЕТРОВ Г. А. сделал на полях доклада аспиранта из Чехословацкой Народной Республики Гавличека Ф. ряд замечаний, носящих антипартийный характер и свидетельствующих о его политической неустойчивости. В замечаниях Петрова выражается сомнение в успехах социалистического строительства в СССР и странах народной демократии.

¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 4. Л. 30—32.

² Там же. Л. 110.

³ Там же. Л. 118.

⁴ Там же. Л. 123.

⁵ Там же. Л. 140.

Партийный комитет объявил т. Петрову строгий выговор с занесением в учетную карточку за проявление политической неустойчивости.

Петров за время учебы не проявил необходимых теоретических способностей. Он посредственно сдал кандидатский экзамен по политической экономии капитализма и на экзамене по политической экономии социализма получил неудовлетворительную оценку.

Ректорат вносит предложение об отчислении т. Петрова Г. А. из состава аспирантов Академии общественных наук при ЦК КПСС¹.

В 1955 г. Академия впервые направляет за рубеж на значительный срок (45 дней) большую группу советских аспирантов. Они едут в Польшу, Чехословакию, Китай, ГДР, Болгарию. Ранее подобные поездки были возможны только в индивидуальном порядке, как это было в случае с П. С. Черемных, находившемся в октябре 1953 — январе 1954 г. в Высшей школе общественных наук им. Жданова при ЦК Румынской рабочей партии². Его отчет показывает, что, помимо работы над своим исследованием, он активно помогал румынским коллегам наладить работу кафедр, составлять учебные планы, вел занятия со студентами и аспирантами, словом, был более чем важным для установления рабочих контактов с дружественной школой человеком. Видя такую потребность в кадрах, АОН в последующем посылала в Румынию одного своего аспиранта за другим. Некоторые из них составляли после командировок откровенные аналитические записки о положении дел в стране, о присутствии там советских войск, о перспективах сотрудничества СССР и Румынии³.

Благодаря этому аспиранты стали чаще выбирать темы, связанные с международными отношениями. Например, 26 марта 1956 г. ректор И. А. Дорошев обращается в ЦК с просьбой направить в научную командировку с 1 июня 1956 г. сроком на два месяца в Германскую Демократическую Республику (г. Берлин) аспиранта Н. А. Трунина, поскольку тот разрабатывает тему диссертации «Политика социал-демократической партии Германии по вопросу ремилитаризации Западной Германии (1952—1955 гг.)»⁴.

Вскоре вслед за просьбами о направлении аспирантов в социалистические страны следует обращение за разрешением направить первого аспиранта в Индию⁵.

Однако одними командировками и стажировками дело не ограничивается. Перед Центральным комитетом ставится также вопрос о получении актуальной научной и публицистической литературы из-за рубежа. Поскольку это было связано не только с идеологическими установками, но и с финансами, то такого рода вопросы требовали длительных согласований. Однако сама их постановка интересна. Так, 9 апреля 1956 г. ректор АОН направляет в ЦК письмо:

Зачисленный согласно решению ЦК КПСС на кафедру новой истории Академии общественных наук при ЦК КПСС т. Бардзотис В. Г. просит выписать для него следующие издания на греческом языке:

1) «Авги» — «Заря» (демократическая газета),

¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 14. Л. 60.

² Там же. Д. 4. Л. 68—70.

³ Там же. Д. 13. Л. 99—103.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 76—77.

2) «Вима» — «Шаг» (буржуазная газета),

3) «Икономикос таходромос» — «Экономический курьер» — еженедельный журнал,

4) «Эллиники икономия» — «Греческая экономия» — ежемесячный журнал.

Академия поддерживает просьбу т. Бардзотиса.

Валюта, выделенная Академии на выписку иностранной литературы на 1956 год, полностью израсходована¹.

Девятого июля 1956 г. ректор И. А. Дорошев пишет в ЦК о том, что «постановление ЦК КПСС от 3 сентября 1954 года „Об улучшении работы Академий” поставило перед Академией большие и ответственные задачи по подготовке высококвалифицированных теоретических кадров, требуя от аспирантов глубокого знания иностранных языков для изучения как зарубежной прогрессивной мысли, так и враждебной марксизму реакционной литературы»². Ректор отмечает, что со стороны аспирантов повысился интерес к изучению иностранной литературы. Однако Академии ежегодно выделяется лимит валюты — 4 000 руб., который дает возможность выписывать крайне ограниченное количество периодики (по 1-2 газеты и от 2 до 10 журналов из основных капиталистических стран), продолжающиеся издания документов и несколько справочников. Академия вынуждена отказываться от выписки ценнейших монографий по вопросам истории, философии и экономики. Он просит рассмотреть вопрос о выделении Академии дополнительного лимита валюты в сумме 1 000 руб.³ Требование увеличить финансирование для покупки книг на иностранных языках обосновывалось также необходимостью противостоять буржуазной пропаганде:

В настоящее время в Академии увеличивается количество работ, в том числе диссертаций, направленных на разоблачение буржуазной идеологии, ее классовой сущности и служебной роли в политике, проводимой империалистическими кругами, а также современного ревизионизма.

Однако эта работа сдерживается в силу того обстоятельства, что библиотека Академии общественных наук при ЦК КПСС в настоящее время располагает весьма ограниченным лимитом на выписку зарубежной литературы (всего 4 000 золотых рублей), что едва хватает на выписку небольшого количества названий периодики, продолжающихся изданий справочников и документов. <...> Просим решить вопрос об увеличении Академией общественных наук лимита валюты на 1957 год на три тысячи золотых рублей для выписки необходимой зарубежной литературы по общественным наукам, а также газет и журналов для аспирантов, изучающих иностранные языки⁴.

В свою очередь Академия направляла собственные публикации в родственные академии за рубежом.

Так, в соответствии с просьбой секретаря ЦК СЕПГ тов. В. Ульбрихта Академия общественных наук при ЦК КПСС имеет возможность выделить из своих дублетных фондов литературу согласно прилагаемым спискам. Передача книг может быть приурочена к приезду делегации руководящих работников Института общественных наук при ЦК СЕПГ, которая, как нам сообщали товарищи, приезжавшие из ГДР, намечается на

¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 13. Л. 34.

² Сам текст этого постановления выявить не удалось, оно было секретным и до сих пор не опубликовано.

³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 13. Л. 48.

⁴ Там же. Д. 14. Л. 35—36.

ближайшее время. Это было бы тем более целесообразно, что товарищи могли бы посмотреть отобранную литературу и возможно не взяли бы ту, которая у них имеется в достаточном количестве¹.

Заключение

Смерть И. Сталина многое изменила в советском обществе. При этом изменения общественной ситуации в СССР начались после Великой Отечественной войны. Новые требования предъявлялись к кадрам, было недостаточно только практического опыта для успешной карьеры, требовалось профильное образование, повышение квалификации в престижных учебных заведениях. Именно с этой целью обновляется и становится более стройной и понятной система партийного образования, флагманами которой стали Академия общественных наук при ЦК КПСС и Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Создается новый слой партийной номенклатуры — люди, преданные не лично вождю, а знающие и умеющие работать с учетом интересов государства, Коммунистической партии. Укрепление социалистических стран в Восточной Европе вызвало к жизни необходимость серьезно расширить социальную базу международного сотрудничества, в круг акторов политики в отношении соцстран уже в начале 1950 гг. стали включаться преподаватели и аспиранты Академии общественных наук при ЦК КПСС. Этот процесс многократно усилился после марта 1953 г., особенно после XX съезда. И если в момент своего создания Академия была островом в океане изоляционизма, с которого тем не менее был виден иностранный берег, то теперь отношения с зарубежными образовательными организациями стали укрепляться и расширяться. Особое внимание уделяется преподаванию иностранных языков, поощряются те, кто владеет английским, немецким, иными иностранными языками и оказывает в поездках за рубеж помощь в сборе научных материалов о международных связях, развитии зарубежных стран для критики буржуазных теорий.

Однако длительное время в аудиториях Академии, как и Высшей партийной школы, классовые «бои» выливались в различного рода персональные дела отдельных нарушителей заведенного порядка, доносы преподавателей и аспирантов друг на друга на почве идеологических разногласий или личной неприязни, скандалов и писем в ЦК с просьбой вмешаться в ситуацию. И ректоры, которые на практике должны были в духе партийной дисциплины проводить в жизнь линию партии, в том числе обозначенную на XX съезде, подчас подстраховывались и действовали старыми испытанными средствами — отчисляли провинившихся аспирантов или увольняли преподавателей. И длилось это вплоть до падения коммунистического режима, до запрета КПСС. Одно из свидетельств этому — заключение на докторскую диссертацию А. Х. Бурганова, которое было утверждено на заседании кафедры истории КПСС Академии общественных наук при ЦК КПСС 12 декабря 1967 г.:

Ознакомившись с содержанием диссертации А. Х. Бурганова «Октябрьская революция и мелкобуржуазные партии», защищенной им на соискание ученой степени доктора ис-

¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 14. Л. 47.

торических наук в Ученом совете Казанского государственного университета, а также с его опубликованными работами, на которые сделаны ссылки в диссертации и автореферате, и учитывая высказывания на заседании кафедры 27 октября при обсуждении проекта заключения, комиссия кафедры истории КПСС Академии общественных наук пришла к выводу, что диссертация А. Х. Бурганова является антипартийной по своему существу, извращает марксистско-ленинскую теорию и тактику большевистской партии в меньшевистско-троцкистском духе.

<...>

Автор диссертации отступает от партийных оценок культа личности Сталина и его последствий.

В ряде мест Бурганов А. Х. критикует Сталина за придуманные им самим формулировки. Так, под видом критики культа личности И. В. Сталина он приписывает ряду историков партии утверждение, будто бы в ходе подготовки социалистической революции «главный удар коммунисты должны направлять по промежуточным слоям» и что якобы это мнение длительное время было господствующим во всем мировом коммунистическом движении...¹

Нет ничего удивительного в этом и многих других подобных документах. По сей день фигура вождя народов вызывает в российском обществе яростные споры, как и результаты XX съезда КПСС.

В год 70-летия оглашения перед узким кругом высших партийных деятелей доклада «О культе личности и его последствиях» нельзя не понимать, что общество не способно быстро совершить идеологический поворот и отказаться от иногда насильно навязанных, иногда с воодушевлением добровольно принятых норм и правил, по которым миллионы сограждан жили совсем недавно. На XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев, оценивая итоги XX съезда, подчеркнул, что «партия в условиях культа личности была лишена нормальной жизни. Люди, узурпировавшие власть, становятся неподотчетными партии, они выходят из-под ее контроля. В этом главная опасность культа личности. <...> Теперь, после XX съезда в партии восстановлены ленинские принципы партийной жизни и коллективного руководства» [2, с. 75].

Однако ясно, что принципы нормальных социальных отношений — коллективного руководства, честности, соблюдения прав и свобод граждан — в парадигме советского строя невозможно было сохранять и им следовать.

Сталин был осужден тогда партией. Но он еще в полной мере не оценен историей.

Список источников

1. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: документы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 912 с.
2. Бой с «тенью» Сталина. Продолжение: документы и материалы об истории XXII съезда КПСС и второго этапа десталинизации / Федеральное арх. агентство, Российский гос. арх. новейшей истории ; гл. ред. Н. Г. Томилина ; сост. И. В. Казарина, Т. Ю. Конова, М. Ю. Прокуменщикова. М. ; СПб. : Нестор-История, 2015. 701 с.
3. Медведев Р. А. Материал к лекции на тему «Заветы Ленина молодежи». М. : [б. и.], 1958. 27 с.

¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 38. Л. 2—24.

4. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Национальный вопрос и ленинизм. М. : Госполитиздат, 1959. 82 с.
5. Звягинцев Я. И., Мальцев А. М. Колхоз имени Сталина: [Сальский район]. Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1956. 27 с.
6. Савельев А. Колхоз имени Сталина: [Кармян. район] / М-во сельского хозяйства Белорусской ССР. Минск : Госиздат БССР, 1957. 22 с.
7. Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Творец оттепели. М. : Вече, 2017. 576 с.
8. Хрущев С. Н. Пенсионер союзного значения. М. : Вече, 2018. 416 с.
9. Кострыченко Г. В. Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос: Новая версия. М. : Междунар. отношения, 2024. 832 с.
10. Арендт Х. Истоки тоталитаризма : пер. с англ. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.
11. Конквест Р. Большой террор : в 3 кн. / пер. с англ. Л. Владимировой. Рига : Ракстникс, 1991.
12. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги : [в 2 т.] / пер. с англ. ; под общ. ред. В. Н. Садовского. М. : Феникс, 1992.
13. Иларионова Т. С. Вуз и власть: некоторые аспекты взаимодействия АОН при ЦК КПСС с руководителями Коммунистической партии // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего : сб. ст. междунар. конференц-сессии (Москва, 17—21 мая 2021 г.). Т. 1. М. : Научная библиотека, 2022. С. 227—235. EDN: JGQUAP.
14. Иларионова Т. С. Академия общественных наук при ЦК КПСС: нематериальный вклад в становление общества знаний // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 17—25.
15. Иларионова Т. С. Исторический опыт работы с кадрами преподавателей в Академии общественных наук при ЦК КПСС // Государственная служба. 2024. № 1 (147). С. 98—109. DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-1-98-109.
16. Иларионова Т. С. «Штучный товар»: опыт индивидуальной подготовки партийно-государственных кадров в Академии общественных наук при ЦК КПСС (1946—1978 гг.) // Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы : сб. ст. конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС (15—20 мая 2023 г.). Т. 1. М. : Научный консультант, 2024. С. 220—227.
17. Иларионова Т. С. Антропология нелояльности: из истории сотрудничества академий общественных наук при ЦК КПСС и при ЦК СЕПГ (1951—1989 гг.) // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 7. С. 9—28.
18. Иларионова Т. С. Дружба народов как советская концепция и политика (на примере формирования многонационального состава преподавателей и аспирантов Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1946—1978 гг.) // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3. С. 32—54.
19. Мишулин А. В. Развитие исторической науки Лениным и Сталиным // Труды юбилейной сессии Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), посвященной 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М. : Правда, 1948. С. 99—109.
20. Надточеев Д. И. Труды И. В. Сталина — могучее оружие большевистской партии в борьбе за победу коммунизма // Научная сессия Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), посвященная трудам И. В. Сталина и их значению в развитии общественных наук. М. : АОН при ЦК ВКП(б), 1950. С. 3—26.
21. Аймермахер К. Историческое мышление и доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС // Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: документы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 5—16.
22. Фицпартик Ш. О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике. М. : Изд-во Института Гайдара, 2021. 528 с.

References

1. Doklad N.S. Khrushchev's report on Stalin's personality cult at the 20th Congress of the CPSU: documents. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2002, 912 p.

2. Tomilina N.G., Kazarina I.V., Konova T.Yu., Prozumenshchikova M.Yu. (eds.) Fighting Stalin's "Shadow". Continuation: Documents and materials on the history of the 22nd Congress of the CPSU and the second stage of de-Stalinization. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2015, 701 p.
3. Medvedev R.A. Material for a lecture on the topic "Lenin's Testament to Youth". Moscow, 1958, 27 p.
4. Stalin I.V. Marxism and the national question. The national question and Leninism. Moscow, Gospolitizdat, 1959, 82 p.
5. Zvyagintsev Ya.I., Maltsev A.M. Collective farm named after Stalin: [Salsky district]. Rostov-na-Donu, Kn. izd-vo, 1956, 27 p.
6. Savelev A. Collective farm named after Stalin: [Karmyan. district]. Minsk, Gosizdat BSSR, 1957, 22 p.
7. Khrushchev S.N. Nikita Khrushchev. The Creator of the Thaw. Moscow, Veche, 2017, 576 p.
8. Khrushchev S.N. Pensioner of Union significance. Moscow, Veche, 2018, 416 p.
9. Kostrichenko G.V. Khrushchev's Secret Policy: Power, the Intelligentsia, and the Jewish Question: A New Version. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 2024, 832 p.
10. Arendt Kh. The origins of totalitarianism. Moscow, TsentrKom, 1996, 672 p.
11. Konkvest R. The Great Terror, in 3 books. Riga, Rakstnieks, 1991. (in Russ.)
12. Popper K.R. The Open Society and Its Enemies, [in 2 vol.]. Moscow, Feniks, 1992. (in Russ.)
13. Ilarionova T.S. The University and the Government: Some Aspects of the Interaction between the Academy of Social Sciences under the CPSU Central Committee and the Leaders of the Communist Party, Public Administration and Development in Russia: Designing the Future, sb. st. mezhdunar. konferents-sessii (Moscow, 17-21 May 2021), vol. 1. Moscow, Nauchnaya biblioteka, 2022, pp. 227-235. EDN: JGQUAP.
14. Ilarionova T.S. The Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU: an intangible contribution to the development of a knowledge society, Siberia Humanitaria, 2023, no. 1, pp. 17-25.
15. Ilarionova T.S. Historical experience of working with teaching staff at the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, Civil service, 2024, no. 1 (147), pp. 98-109. DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-1-98-109.
16. Ilarionova T.S. "Piece goods": the experience of individual training of party and government personnel at the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU (1946–1978), Public Administration and Development of Russia: Civilizational Challenges and National Interests, sb. st. konferents-sessii IGSU RANKhiGS (15-20 May 2023), vol. 1. Moscow, Nauchnii konsultant, 2024, pp. 220-227.
17. Ilarionova T.S. Anthropology of disloyalty: from the history of cooperation between the academies of social sciences under the CPSU Central Committee and the SED Central Committee (1951–1989), Ethnosociety and Interethnic Culture, 2025, no. 7, pp. 9-28.
18. Ilarionova T.S. Friendship of Peoples as a Soviet Concept and Policy (based on the example of the formation of a multinational faculty and graduate students at the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU in 1946–1978), Siberia Humanitaria, 2025, no. 3, pp. 32-54.
19. Mishulin A.V. The development of historical science by Lenin and Stalin, Trudi yubileinoi sessii Akademii obshchestvennikh nauk pri TsK VKP(b), Proceedings of the jubilee session of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), dedicated to the 30th anniversary of the Great October Socialist Revolution. Moscow, Pravda, 1948, pp. 99-109.
20. Nadtocheev D.I. The works of I.V. Stalin are a powerful weapon of the Bolshevik Party in the struggle for the victory of communism, A scientific session of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) dedicated to the works of I.V. Stalin and their significance in the development of social sciences. Moscow, AON pri TsK VKP(b), 1950, pp. 3-26.
21. Aimermakher K. Historical thinking and N.S. Khrushchev's report at the 20th Congress of the CPSU, Khrushchev's report on Stalin's personality cult at the 20th Congress of the

CPSU: documents. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2002, pp. 5-16.

22. Fitzpartik Sh. Stalin's Team: Years of Dangerous Life in Soviet Politics. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2021, 528 p.

Информация об авторе

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Information about the author

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

Problems of rehabilitation of Soviet citizens in the USSR and in Russia: second half of the twentieth century – early 2000

Nalalya M. Markdorf

Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation,
markdorf-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-8453>

Abstract. The process of rehabilitation of repressed Soviet citizens was inseparable from the socio-political changes that took place in Soviet society. In the article, based on an analysis of Soviet and Russian regulations, the author highlights the stages of the rehabilitation process, during which important government decisions were made in relation to citizens who suffered from political repression. The review of cases, which began actively in the mid-1950s, especially after the decisions of the 20th Congress of the CPSU (1956), was essentially curtailed in the 1960s. Most historians and jurists agree that the main stage of rehabilitation occurs in the late 1980s – early 2000. New laws on rehabilitation were adopted; commissions were created to restore the rights of rehabilitated Soviet citizens. In the article, the author focuses on those government measures that were aimed at improving the social situation of rehabilitated persons. A description was provided of the documentary database available to the modern Rehabilitation and Information Departments of the Information Centers under the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs (MIA) of Russia in the Russian regions, which handle rehabilitation issues in contemporary society. The author described the procedure and conditions for rehabilitation and showed the problems that employees of information centers face when making a decision on rehabilitation. The active process of rehabilitation of Soviet citizens that began in the mid-1950s has important historical significance not only in the official recognition of the illegality of the persecution of Soviet citizens, but also in the restoration of social justice, their civil rights, and good name. The article was written on the basis of an analysis of Soviet regulation documents from the Archive of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kemerovo Region (Department of Archival Information and Rehabilitation).

Keywords: rehabilitation, Soviet and Russian legislation, Soviet law, archival documents, Soviet Union, Russia, World War II, prisoners of war, special settlement

For citation: Markdorf N.M. Problems of rehabilitation of Soviet citizens in the USSR and in Russia: second half of the twentieth century – early 2000. *Siberia Humanitarian*. 2026;(1):29—41. (In Russ.). <https://elibrary.ru/mqrrvl>.

Проблемы реабилитации советских граждан в СССР и в России: вторая половина XX в. — начало 2000 гг.

Наталья Михайловна Маркдорф

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация, markdorf-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-8453>

Аннотация. Процесс реабилитации репрессированных советских граждан был неотделим от тех социально-политическими изменений, которые происходили в советском обществе. В статье на основе анализа советских и российских нормативных правовых актов автор освещает этапы процесса реабилитации, в период которых принимались важные государственные решения в отношении граждан, пострадавших от политических репрессий. Активно начавшийся в середине 1950-х гг., особенно после решений XX съезда КПСС (1956), пересмотр дел, по сути, был свернут в 1960-е гг. Большинство историков и правоведов сходятся во мнении, что основной этап реабилитации приходится на конец 1980 — начало 2000-х гг. Были приняты новые законы о реабилитации, созданы комиссии по восстановлению прав реабилитируемых советских граждан. В статье акцентировано внимание на тех государственных мерах, которые были направлены на улучшение социального положения реабилитированных лиц. Дана характеристика документальной базы, которой располагают современные отделы реабилитации и информации информационных центров Главного управления МВД России в российских регионах, решающих вопросы реабилитации в современном обществе. Описан порядок и условия реабилитации, показаны проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники информационных центров при вынесении решения о реабилитации. Начавшийся в середине 1950-х гг. активный процесс реабилитации имеет историческое значение не только для официального признания незаконности преследований советских граждан, но и для восстановления социальной справедливости, их гражданских прав, честного имени. Статья написана на основе анализа советских нормативных правовых актов, документов Архива информационного центра Главного управления МВД России по Кемеровской области (отдел архивной информации и реабилитации).

Ключевые слова: реабилитация, советское и российское законодательство, советское право, архивные документы, Советский Союз, Россия, Вторая мировая война, военнопленные, спецпоселение

Для цитирования: Маркдорф Н. М. Проблемы реабилитации советских граждан в СССР и в России: вторая половина XX в. — начало 2000 гг. // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 29—41. EDN MQRRVL.

The first attempts to prove one's innocence, groundlessness, illegality of repression and restore one's civil rights date back to the mid-1940s. People at the special settlement sent letters of appeal to I.S. Stalin, V.M. Molotov, L.P. Beria, N.V. Shvernik, addressed to various government agencies and law enforcement agencies. Moreover, after receiving an official refusal to be released and have their rights restrictions lifted,

special settlers wrote new letters demanding to be removed from the special settlement registry and to be rehabilitated – including morally – before Soviet society.

For example, several times Yakov Oboladze demanded that his case be reviewed and petitioned for release to various Soviet authorities. Thus, in a letter addressed to L.P. Beria (in Georgian), he wrote: “Together with Russian and Italian partisans from the 15th Garibaldi Brigade, I fought against Italian and German Nazi bloodsuckers until 1945. This is certified by the documents I submitted (certificate) and the newspaper ‘Zarya Vostoka’, which published a story about the actions of Georgian partisans in Northern Italy. Upon returning to my homeland in the Soviet Union, I was sent to Leninsk-Kuznetsky to one of the mines, where I am currently working. Despite the relevant documents that I had about my partisan past and which I sent to the internal affairs bodies, I never received an answer. <...> They tell me that I have to serve five years. But I did not fight on the side of the enemy. On the contrary, I acted behind enemy lines, defending my homeland in a communist partisan detachment. Comrade Lavrentiy Pavlovich Beria, I ask you to provide me with proper assistance in resolving my case, which will allow me to return to my native land”.¹

He did not receive a response to his letter. However, an additional check was carried out on the identity of the person involved in the case, and the necessary certificates were collected (including information about relatives from a Georgian village). He was given the long-awaited certificate of release from the special settlement only on April 15, 1952. But no further rehabilitation followed. [1, p. 164–172]

Fought in the ranks of the detachment named after Garibaldi V.P. Lomidze was wounded in one of the street battles and sent to a sanitary unit in the mountains, and then transported by the Italians to Switzerland. After the war, he was expelled from the camp for displaced persons to the USSR and, through the PFL No. 0315, was sent to a special settlement in the Kemerovo region. Despite repeated letters and appeals to the country's leadership, he remained at the settlement until 1951. Both the petition of the head of the Georgian partisan detachment K.M. Lezhava and the publication in the newspaper “Zarya Vostoka”, which told about the heroism, courage and exploits of the Soviet partisans, did not help.²

Some of the Soviet soldiers who fought in the Resistance were released from the administrative supervision of the Ministry of Internal Affairs in 1951–1952. After the expiration of a 6-year period of stay at the settlement. For many of them, however, the expectation of freedom dragged on until 1956, nevertheless, from 1954 onwards, the regime of detention for them was considerably relaxed. [2, p. 121] Judging by the materials of personal files, many of the war heroes have not been rehabilitated to this day.

¹ Учетное дело спецпоселенца Я. С. Оболадзе (1946—1952 гг.) и учетно-фильтрационное дело проверочно-фильтрационного лагеря (ПФЛ) № 0315 // Архив Информационного центра Главного управления МВД России по Кемеровской области (Архив ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области). Ф. 11. Оп. 1. Арх. 23490.

² См.: Kote Lezhava sent a character reference to the UNKVD of the Kemerovo Oblast (KO) for his fellow combatants, including V.P. Lomidze. The text of this reference is preserved in his personal file. However, in 1949, the leadership of the Ministry of Internal Affairs (MIA) of the Kemerovo Oblast concluded that Lomidze had voluntarily surrendered to the enemy (despite a severe wound), had voluntarily joined the enemy's service, and was therefore guilty of crimes against the Soviet people and ineligible for release.

However, at the state level, by the mid-1950s, the first decisions regarding the recognition of the groundlessness of the use of repression were made.

Regulatory acts on rehabilitation in the 1950s. In 1954–1958 Some of the cases of Soviet citizens who fought against Nazism on the territory of European countries, who applied for their rehabilitation and declared unjustified deportation to settlement, were reviewed. Since 1954, commissions began to operate in the USSR, which, based on a thorough analysis of documents, received the right to rehabilitation, pardon, amnesty or reclassification of charges against those involved in cases.

In August 1954, the Council of Ministers of the USSR adopted a secret Resolution No. 1738-789 (top secret)¹, which became part of the policy of the Soviet state aimed at softening the regime of special settlements. The resolution lifted restrictions on special settlements from former kulaks and members of their families (evicted under the resolutions of 1930–1933), as well as from Germans of the Far East, Siberia, the Urals, Central Asia, Kazakhstan and other regions of the country, mobilized during the Great Patriotic War for work in industry, the eviction of which was not carried out from their places of residence. Those released from the special settlement could live freely on the territory of the USSR (except for a number of prohibited zones). Property, houses and outbuildings confiscated during eviction were not subject to return.

By a Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated December 13, 1955, Germans and members of their families who had been deported to special settlements during the Great Patriotic War were released from the administrative supervision of the Ministry of Internal Affairs (MIA) authorities. This also applied to Soviet citizens of German ethnicity who, following their repatriation from Germany, had been sent to special settlements. However, property confiscated during their deportation was not returned to them, nor were they granted the right to return to their places of origin.²

In September 1955, the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR issued a decree granting amnesty to Soviet citizens who had collaborated with the occupiers during the Great Patriotic War of 1941–1945.³ On this basis, an amnesty was declared for Soviet citizens who, during the Great Patriotic War, had unwittingly become involved in collaboration with the occupiers or had served in the German army, police, and special German formations. Many Soviet servicemen who had been held as prisoners of war were released from administrative liability, provided that they had atoned for their guilt through subsequent patriotic activities in the service of the Motherland.

¹ См. об этом: О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков и других лиц : постановление Совета министров СССР от 13 авг. 1954 г. № 1738-789 сс // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/425507-postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-locale-nil-o-snyatii-ogranicheniy-po-spetsposeleniyu-s-byvshih-kulakov-i-drugih-lits-locale-4> (дата обращения: 12.12.2025).

² См. об этом: О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении : указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 дек. 1955 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 52.

³ См. об этом: Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сент. 1955 г. // Реабилитация: как это было : документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы : в 3 т. Т. 1. М. : МФД, 2000. С. 259—260.

During the second half of the 1950s, rehabilitation issues were addressed in parallel with the prosecutor's office and the courts by newly established commissions, created in March 1956 and operating under the auspices of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. Their work was more active, thoughtful and focused compared to their predecessors. In particular, the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR proposed to recommend that party, Soviet, trade union, Komsomol and economic organizations completely eliminate existing restrictions on former prisoners of war and members of their families. The Ministries of Justice of all Union republics and the Prosecutor's Office of the USSR were instructed, during the review of court cases involving former servicemen of the Soviet Army and Navy, to identify and rehabilitate all those who had fallen into captivity under combat conditions (as a result of severe injury) and had been unjustly convicted as traitors of the Motherland. It was recommended to submit for state awards former prisoners of war who had been injured or had escaped from captivity but had not previously received government decorations.

The review of such cases proceeded very actively. For each case, a specific decision was issued, depending on numerous factors – in particular, the circumstances of capture, the degree of involvement in national military formations, the presence of awards received during combat operations, and the existence or absence of incriminating materials. The commissions could issue a range of decisions: rehabilitation; denial of rehabilitation; termination of the case; amnesty; reduction of the sentence; release from special settlement; or maintaining the penalty previously imposed by the court.

June 1956 secret Resolution of the CPSU Central Committee and the Council of Ministers of the USSR “On eliminating the consequences of gross violations of the law in relation to former prisoners of war and members of their families”¹ it stated that during the war and in the post-war period there were gross violations of Soviet legality against military personnel of the Soviet Army and Navy who were captured or surrounded by the enemy. However, the document said nothing about encouraging military personnel who made a heroic escape from captivity or showed examples of courage and perseverance during their period of captivity.

State measures aimed at improving the social situation of rehabilitated persons. Individuals released from places of deprivation of liberty or from special settlements in 1954–1955 were deprived of the right to have their confiscated property returned. Between 1955 and 1964, a set of new regulatory legal acts was adopted, aimed at improving the social status of rehabilitated individuals. Of great significance for the fates of Soviet citizens was the resolution of the Presidium of the Central Committee of the CPSU (Communist Party of the Soviet Union) “On Work Seniority, Employment, and Pension Provision for Citizens Unjustly Subjected to Criminal Prosecution and Later Rehabilitated”, dated September 8, 1955. Firstly, the total work time of people who were unjustifiably prosecuted and subsequently released from criminal punishment or acquitted by the court included the

¹ См.: Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 июня 1956 г. № 898-490 // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. : Республика, 1993. С. 139—142.

time they spent in places of detention or in special settlements. Secondly, length of service began to be taken into account when assigning benefits and pensions (including increased pensions and pensions for length of service). When establishing official salaries, depending on the length of service in a specialty, bonuses or percentage bonuses were paid for length of service. Thirdly, old-age pensions were assigned regardless of whether these citizens worked after their release from prison, exile, or eviction.¹

On July 14, 1956, the law “On State Pensions” was adopted, guaranteeing pension coverage for all workers regardless of whether they had been subjected to repression. Based on this regulatory legal document, uniform criteria for pension assignment were established: age (60 years for men, 55 years for women), work seniority (25 years for men, 20 years for women), and average monthly wage. In cases of disability pensions resulting from work-related injuries or occupational diseases, age and work experience were not taken into account.

Restrictions remained on compensation for property lost both during the war and in the post-war period. For example, resolutions “On the procedure for making settlements for the reimbursement of rehabilitated citizens for the value of property seized from them” of 12 November 1956, “On the procedure for the return to rehabilitated citizens of amounts of confiscated deposits” of 12 November 1956, “On the procedure for reimbursement rehabilitated citizens of the value of property confiscated under the verdicts of military tribunals” dated November 28, 1958 and others did not significantly improve the material and financial situation of rehabilitated persons. [3, p. 20]

If monetary compensation was paid to those rehabilitated, it was only once in the amount of two months’ salary, and not from the state budget, but from the funds of the enterprise where the rehabilitated person worked (if this enterprise still existed at all at the time of rehabilitation). Monetary compensation was paid if the property was sold or lost. Its estimated value (not always market value) was compensated at the time of seizure of property from a citizen. However, property that became the property of the state legally, or was destroyed during the war, was not returned, and its value was not compensated. [4 ; 5, p. 32–40]

By Decree of the Government of the Russian Federation of August 12, 1994, No. 926 was approved “Regulations on the procedure for returning to citizens property illegally confiscated, confiscated or otherwise withdrawn from possession in connection with political repression, compensation for its value or payment of monetary compensation”.² The provision applied to citizens who were victims of political repression, including citizens who were forcibly resettled as part of repressed peoples, against whom illegal actions were committed for political reasons. Reimbursement of the cost property was produced in cases where the property

¹ The resolution of the Council of Ministers of the USSR was drawn up on the same day, September 8, 1955 for No. 1655 with stamp “Not for printing”. Its text was published later. See: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. : Республика, 1993. С. 168—170.

² См.: Положение о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации : утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 12 авг. 1994 г. № 926 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4292/d198a1defb16f84a63e01466d892 (дата обращения: 14.11.2025).

was preserved. Monetary compensation was paid if the fact of confiscation of property was established.

Issues of returning confiscated property, compensating its value or paying monetary compensation to rehabilitated persons were considered by commissions for restoring the rights of rehabilitated victims of political repression, which established the fact of confiscation of property, determined the nature of this property (name, quantity, condition, amount of seized funds, deposits, value bonds, etc.).

Rehabilitation process in the 1960s – 1990s. In the mid-1950s, rehabilitation was a well-organized, planned program. However, by the mid-1960s, the country saw a change in political priorities. Russian researchers, including historians and jurists, have characterized this period by a sharp decline in the number of rehabilitation cases being processed, largely due to the scaling back of the rehabilitation process itself. [6, p. 92–99]

Most researchers agree that the main stage of rehabilitation occurred in the late 1980s, 1990s – early 2000s. According to A. G. Petrov, in the late 1980s the fact of political repression in our country was officially recognized. In 1987, the Politburo Commission of the CPSU Central Committee for Rehabilitation was formed. The development of a new legislative framework concerning the rehabilitation process began on October 18, 1991, the Supreme Council of the RSFSR adopted a law “On the rehabilitation of victims of political repression”¹, the purpose of which was not only to rehabilitate persons, but also to restore their civil rights, and also to pay partial compensation to them for material and moral damage. [7]

Since the early 1990s, resolving issues of rehabilitation of citizens was entrusted to the internal affairs bodies at the place of application of repression. This rule, established by the order of the Ministry of Internal Affairs of the RSFSR dated December 11, 1991 for No. 218 “On the tasks of internal affairs bodies to ensure the rehabilitation of victims of political repression”, is observed to this day. This regulatory document became one of the first departmental acts aimed at implementing the Law of the RSFSR “On the rehabilitation of victims of political repression” of October 18, 1991. It established the procedure for the work of internal affairs bodies in receiving applications, checking cases, preparing conclusions and issuing certificates of rehabilitation for victims of political repression. The functions of checking materials, searching for archival files and issuing certificates of rehabilitation were assigned to information centers and archives of the Ministry of Internal Affairs for territories and regions. The order provided a mechanism for transferring archival files from the KGB/MVD, checking them and issuing certificates to rehabilitated persons or their relatives necessary to receive benefits and compensation.²

¹ О реабилитации жертв политических репрессий : Закон Российской Федерации от 18 окт. 1991 г. № 1761-1 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/ (дата обращения: 13.12.2025).

² Order No. 218 of 11.12.1991 became invalid and its provisions were replaced by subsequent instructions of the Russian Ministry of Internal Affairs, in particular see: Об утверждении Инструкции о порядке исполнения органами внутренних дел Российской Федерации Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» : приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 17 окт. 2005 г. № 834 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102103504&page=1&rdk=1#10 (дата обращения: 20.12.2025).

In the following years, the procedure for enforcing the Law was updated multiple times through new orders issued by the Russian Ministry of Internal Affairs including MIA Order No. 834 (October 17, 2005), which superseded earlier instructions. Today, this order is recognized as a historical document that established the basis for archival efforts and legal work aimed at restoring the rights of those who had been repressed.

In Russian regions, corresponding orders were issued, groups were created that grew into rehabilitation departments to consider appeals from citizens searching for archival documents proving the use of repression. In 1991, rehabilitation commissions were formed under the Departments of Internal Affairs of Russian Territories and Regions.

In 1991–1999 – rehabilitation departments at the IC of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for territories and regions and commissions recorded the largest flow of citizens' requests for rehabilitation of both themselves and their relatives. According to one of the heads of the Rehabilitation Department, internal affairs bodies in the country during this period issued more than 1 million archival certificates about the length of time repressed persons were under the supervision of the Internal Affairs Departments (IAD), about the confiscation and seizure of property during repressions, confirming other types of repressions.

In the 1990s, the final records of regional commissions and departments were gathered in the Information Centre of the Russian Ministry of Internal Affairs. This rich archive brought together not only summary reports from regional rehabilitation offices, but also details about citizens undergoing rehabilitation: the number of applications filed and data on rehabilitation certificates issued (or denied) to former Soviet POWs, soldiers who had served in German military units, and related cases. [2, p. 165]

As N.F. Bugai reports, in 1994 alone authorities processed 3 514 applications from former Soviet POWs and civilians, issuing 1 795 rehabilitation certificates and denying 633 cases. In 1995, officials reviewed 2 998 applications, granting 1 368 and rejecting 584 rehabilitation requests. [2, p. 166, 172] According to A.G. Petrov's data from MIA, GUVd and UVD information Centre's across Russian regions, 234 463 rehabilitation applications (for victims of administrative political repression) were pending in 2005. That year, 141 107 applications were processed – a 9% increase compared to 2004. [8]

Documentary base Department of Rehabilitation and Information of Information Centers of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia. From the middle of the last century to the present, the main documentary base created in the Rehabilitation and Information Departments of the information centers of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in each subject of the Russian Federation to resolve issues of rehabilitation are the "Fund for Personal Affairs of Special Settlers" and card indexes. In the Kemerovo region, for example, this fund includes 135.000 storage units. Personal files include both a standard set of documents that were deposited in the 1940s – 1950s, and modern ones related to rehabilitation. The first group – is certificates; interrogation protocols; autobiographies; materials justifying the referral to a special settlement; filtering materials; certificates of marks in the special commandant's office; certificates of a special settler, member of the Resistance; information about awards; materials about

changing a first or last name, about finding relatives; newspaper clippings or newspapers; photographs; correspondence with the NKVD-MVD, party and government officials; statements letters of appeal or petitions (as well as the results of appeals) in order to confirm one's innocence and heroic past, to prove the illegality of the application of punishment.¹

The second package of documents, relating directly to the rehabilitation of a person and members of his family, includes written appeals from citizens and an archival certificate containing a short set of information about the person being rehabilitated, the time and circumstances of sending to a special settlement, the period of his release and the final decision on recognition of rehabilitation or refusal in it.

In the 2000s, automated thematic databases were established within the Departments of Rehabilitation and Information under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the regional and provincial levels. Among these databases are the "Database of Citizens Applications and Inquiries Regarding Rehabilitation" and the "Rehabilitated Individuals" database. For example, in the Kemerovo region by 2018, there were 350 thousand applications and requests from citizens for rehabilitation were entered into the Databases (DB), in the Novosibirsk region about 500 000. Card indexes of persons of various nationalities and categories of operational registration located in a special settlement (cards, automated database) help to obtain the opportunity to consider the issue of rehabilitation, establish or confirm kinship. Information in databases and file cabinets is constantly updated.

There are other types of sources that allow citizens to prove the need to rehabilitate their relatives. For example, verification and filtration cases. In a number of Russian regions, they were transferred from the archives of the Ministry of Internal Affairs to regional and regional state archives. However, citizens' access to these materials is difficult. In the 1950s personal matters² they were transferred to the place of birth or residence of a person who was in a special settlement, or transferred to the archives of the FSB (archival and investigative cases, formula cases). However, some of the cases remained in the constituent entities of the Russian Federation, where the person was in a special settlement, so in the Information Centers you can get instructions in which archive to look for a personal file and, therefore, apply for a solution to the issue of rehabilitation.

Rehabilitation procedure and conditions. Rehabilitation of citizens sent administratively to a special settlement was carried out earlier and continues to be carried out on an application basis. The provision of archival information is carried out free of charge. Relatives of victims of political repression can familiarize themselves with the personal files of Russian citizens.

Typically, applicants should contact the Information Centre of the constituent entity of the Russian Federation where the individual was placed in special settlement – these institutions hold the relevant card files of

¹ Since 2006, access to this type of documents has been possible only to relatives who wish to familiarize themselves with the materials of their personal file in order to submit documents for rehabilitation or in case of refusal, but only upon their written request with documents confirming the degree of relationship attached.

² Personal files were registered for the special settlers starting since 1949.

special settlers. To a petition letter or application drafted in free form, the following documents must be attached:

- passport (copy);
- a power of attorney on behalf of the repressed person, issued in accordance with the procedure established by the legislation of the Russian Federation, to familiarize his relatives with the information requested in relation to him; or a document (copy) confirming the fact of the repressed person's death;
- document (copy) confirming family relations with the repressed person. The basis for refusal to accept documents is the provision of documents that do not meet the above requirements.¹

Employees of rehabilitation departments consider applications from citizens, requests from public organizations, and various institutions related to:

- rehabilitation of persons who were subjected to political repression administratively; children who were with their parents in a special settlement, in exile, in prison, as well as those left without the care of one or both parents; unreasonably repressed and subsequently rehabilitated citizens;
- facts of confiscation, seizure, loss of property and other material damage caused in connection with repression for political reasons on an administrative basis;
- familiarization of rehabilitated persons who were previously repressed administratively, and with their consent or in the event of their death – relatives, with the materials of archival files;
- by making a decision on the use of repression and receiving copies (extracts of documents from these cases);
- receipt of manuscripts, photographs and other personal documents preserved in administrative and other archival files by rehabilitated persons, and with their consent or in the event of their death – by heirs;
- time, causes of death and burial place of persons administratively repressed for political reasons;
- checking compliance with the legislation of the Russian Federation of documents issued in states – former union republics of the USSR or former state bodies of the USSR on the rehabilitation of persons subjected to political repression;
- providing, at the request of state and public organizations, as well as citizens of states – former Soviet republics of the USSR – legal assistance in matters of rehabilitation (expulsion of archival certificates, extract from case documents on the facts of the use of repression, confiscation, seizure and loss of property).

After establishing the fact of the use of exile, expulsion, referral to a special settlement, involvement in forced labor under conditions of restriction of freedom or other restrictions on rights and freedoms, the internal affairs bodies draw up a conclusion and issue an archival certificate of rehabilitation or report a refusal of rehabilitation.

When reviewing the applicant's documents, employees of rehabilitation departments face a number of problems. Their work is seriously complicated by inaccuracies, discrepancies in the spelling of surnames, first names and patronymics, and often the selection and replacement of a first

¹ О реабилитации жертв политических репрессий : закон Российской Федерации от 18 окт. 1991 г. № 1761-1. Т. 7.

name, patronymic or surname with a Russian equivalent. For example, Genrikhovich – Andreevich, Ioganesovich – Ivanovich, Dorothea – Daria, Wilhelm – Vasily, Adolf – Arkady, Genrikh – Gennady, Berl – Boris, Gikken – Genkin). In the applicant's passport one name is indicated, but in the documents his personal file is listed differently.¹ The personal file of a special settler may not contain a translation of documents into Russian. There are not uncommon discrepancies in dates and place of birth in the autobiographies, questionnaires, certificates, and letters available in the personal file compared to the data provided to the archive by a person interested in rehabilitation.

Even discrepancies in one or more letters in first names, patronymics and surnames, or in dates, led and continue to lead to the impossibility of making a positive decision on rehabilitation. In such cases, employees of information centers are required to confirm the relationship or establish the identity of the citizen who applied for rehabilitation. In some cases, this is very difficult to do and, in this case, rehabilitation is denied.

Since the late 1990s, for example, relatives of the person involved in the case were denied rehabilitation due to the lack of materials confirming the relationship. Since after a person left for his homeland, his personal file was sent for him and handed over to the Department of the Ministry of Internal Affairs at his place of new residence, then after the collapse of the USSR, people had to apply to new states to obtain a certificate of rehabilitation. Often applications were submitted simultaneously to different states. As a result, a person could be rehabilitated twice or denied rehabilitation in both countries. Subsequently, this could have caused the decision on rehabilitation to be canceled altogether.

An important factor in making decisions on rehabilitation since the 1990s, there was and remains compliance with the legislation (conclusion on the compliance of the article) of the Russian Federation and another state of the post-Soviet space. For example, if the application was considered by the prosecutor's office of Kazakhstan, or the Ministry of Internal Affairs of Moldova, or Belarus, then the conclusion on rehabilitation was issued by these authorities. At the same time, the decision on the younger generation, or on children born, for example, in Siberia, was made on the basis of certificates of rehabilitation of their parents on the basis of Russian legislation. Rehabilitation could be refused if a person participated in various nationalist formations of the Wehrmacht.

Nevertheless, the decision made by the Ministry of Internal Affairs to refuse to issue a certificate of rehabilitation could and can be appealed in the manner prescribed by the Law of the Russian Federation for No. 4866-1 of April 27, 1993 "On appealing to the courts actions and decisions that violate the rights and freedoms of citizens".

Currently, the procedure for providing information on the personal files of special settlers can be found on the websites of information centers of the constituent entities of the Russian Federation. Copies of documents confirming the degree of relationship and identification documents should be attached to the letter of petition, drawn up in any form.

¹ A number of personal files contain interrogation protocols, orders, as well as statements from the special settlers themselves, which attempt to eliminate discrepancies in surnames that arise when filling out official documents.

Thus, the rehabilitation of Soviet citizens – is a complex and multifaceted process. The active process of rehabilitation of Soviet citizens that began in the mid-1950s has important historical significance not only in the official recognition of the illegality of the persecution of Soviet citizens, but also in the restoration of social justice, their civil rights, and good name.

Список источников

1. Маркдорф Н. М. Судьбы советских военнопленных — участников европейского движения Сопротивления // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 164—172. DOI 10.31518/2618-9100-2021-3-18. EDN BCAXWG.
2. Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века): книга-мониторинг. М. : МСНК-пресс, 2006. 464 с.
3. Путилова Е. Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 — начало 2000-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 30 с. EDN ZOGZZJ.
4. Ларкина Е. В., Папилин Г. А. Реабилитация жертв политических репрессий в советском праве (историко-правовой аспект) // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reabilitatsiya-zhertv-politicheskikh-repressiy-v-sovetskom-prave-istoriko-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 12.09.2025).
5. Михайленков С. Ю. К вопросу о процессе формирования института реабилитации жертв политических репрессий в СССР // Академические чтения по праву. М. : ГАУГН-Пресс, 2024. С. 32—40. EDN GANZOX.
6. Уйманов В. М. Кампания массовой реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири в середине 1950-х — 1980-е годы // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2 (18). С. 92—99.
7. Петров А. Г. Реабилитация жертв политических репрессий: опыт историко-правового анализа. М. : ИНИОН РАН РФ, 2005. 316 с.
8. Петров А. Г. Реабилитация жертв политических репрессий: историко-правовой анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 54 с.

References

1. Markdorf N.M. The fate of Soviet prisoners of war – participants in the European Resistance movement, Historical courier, 2021, no. 3 (17), pp. 164-172. DOI 10.31518/2618-9100-2021-3-18. EDN BCAXWG.
2. Bugai N.F. Rehabilitation of repressed citizens of Russia (XX – beginning XXI centuries: Monitoring book. Moscow, MSNK-press, 2006, 464 p.
3. Putilova Ye.G. History of state rehabilitation policy and the social movement for perpetuating the memory of victims of political repression in Russia (1953 – early 2000s). Cand. histor. sci. diss. abstr. Yekaterinburg, 2011, 30 p. EDN ZOGZZJ.
4. Larkina Ye.V., Papilin G.A. Rehabilitation of victims of political repression in Soviet law (historical and legal aspect), CyberLeninka. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reabilitatsiya-zhertv-politicheskikh-repressiy-v-sovetskom-prave-istoriko-pravovoy-aspekt> (accessed: 12.09.2025).
5. Mikhailenkov S.Yu. On the issue of the process of forming an institute for the rehabilitation of victims of political repression in the USSR, Academic readings on law. Moscow, GAUGN-Press, 2024, pp. 32-40. EDN GANZOX.
6. Uimanov V.M. Mass rehabilitation campaign for victims of political repression in Western Siberia in the mid-1950s – 1980s, Bulletin of Tomsk State University, 2012, no. 2 (18), pp. 92-99.
7. Petrov A.G. Rehabilitation of victims of political repression: experience of historical and legal analysis. Moscow, INION RAN RF, 2005, 316 p.
8. Petrov A.G. Rehabilitation of victims of political repression (historical and legal analysis). Dr. Low. sci. abstr. Nizhnii Novgorod, 2006, 54 p.

Информация об авторе

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Information about the author

Natalya M. Markdorf — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.

The article was submitted 30.12.2025; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья
УДК 339.738(470+510+540)
EDN MNQJVS

Валютно-финансовые инициативы БРИКС в контексте выстраивания новой мировой валютно-финансовой архитектуры

Наталья Витальевна Палишева^{1✉}, Ксения Денисовна Сусликова²

^{1,2} Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ palisheva17@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-5759-4562>

² suslikowa.ksenia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается многогранная валютно-финансовая политика БРИКС, включающая такие валютно-финансовые инициативы, как проведение межгосударственных расчетов в национальных валютах, введение единой валюты БРИКС, а также цифровизация единой валюты БРИКС. Один из наиболее спорных и обсуждаемых проектов заключается в идее создания единой валюты для внешних расчетов между странами — участниками БРИКС. Проанализированы аргументы сторонников и противников внедрения данной валютно-финансовой инициативы. Так, сторонники внедрения этого проекта утверждают, что при его реализации государства, входящие в БРИКС, смогут обеспечить себе меньшую зависимость от внешних финансовых институтов, от экономической и финансовой политики США. Однако существуют и противники данной инициативы, высказывающие целый комплекс различных аргументов. Некоторые из них скептически смотрят на перспективы ее реализации, указывая на утопичность самой идеи финансовой интеграции совершенно разных по уровню экономического развития и структурным характеристикам экономики государств. Также весомым представляется аргумент, что при создании единой валюты для внешних расчетов в рамках БРИКС неизбежно проявятся один или несколько гегемонов, что вполне может создать ситуацию крайней финансовой и экономической зависимости остальных стран инициативы от экономики этих гегемонов. В заключение формулируются выводы об актуальности валютно-финансовых инициатив БРИКС в контексте выстраивания новой мировой валютно-финансовой архитектуры. В частности, указывается, что несмотря на сложности, препятствия и объективно спорный характер многих инициатив, создание подобных проектов способствует постепенной выработке единой экономической и валютно-финансовой политики БРИКС хотя бы на идейном уровне, при этом конкретные инициативы и проекты могут постепенно эволюционировать и подстраиваться под существующие реалии.

Ключевые слова: валютно-финансовая политика, мировая валютно-финансовая архитектура, БРИКС, дедолларизация, единая валюта БРИКС, валютная политика, внешнеэкономические отношения, экономические отношения России с КНР, экономические отношения России с Индией

Для цитирования: Палишева Н. В., Сусликова К. Д. Валютно-финансовые инициативы БРИКС в контексте выстраивания новой мировой валютно-финансовой архитектуры // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 42—51. EDN MNQJVS.

Society and politics

Original article

BRICS Monetary and Financial Initiatives in the Context of Building a New Global Monetary and Financial Architecture

Natalia V. Palisheva^{1✉}, Ksenia D. Suslikova²

^{1, 2} Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ palisheva17@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-5759-4562>

² suslikowa.ksenia@yandex.ru

Abstract. The article examines the multifaceted monetary and financial policies of the BRICS countries, including such monetary and financial initiatives as intergovernmental settlements in national currencies, the introduction of a single BRICS currency, and the digitalization of the single BRICS currency. One of the most controversial and debated projects is the idea of creating a single currency for external settlements between BRICS member countries. The article analyzes the arguments of supporters and opponents of this monetary and financial initiative. Thus, proponents of this project argue that, with its implementation, BRICS countries will be able to ensure less dependence on external financial institutions and on US economic and financial policies. However, opponents of this initiative also present a range of arguments. Some are skeptical of its prospects, pointing to the utopian nature of the very idea of financial integration between countries with vastly different levels of economic development and structural characteristics. Another compelling argument is that the creation of a single currency for external settlements within BRICS will inevitably lead to the emergence of one or more hegemons, which could easily create a situation of extreme financial and economic dependence for the remaining countries involved in the initiative on the economies of these hegemons. The conclusions are drawn regarding the relevance of BRICS monetary and financial initiatives in the context of building a new global monetary and financial architecture. In particular, it is noted that despite the complexities, obstacles, and objectively controversial nature of many initiatives, the creation of such projects facilitates the gradual development of a unified economic and monetary policy for BRICS, at least at the conceptual level, while specific initiatives and projects can gradually evolve and adapt to existing realities.

Keywords: monetary policy, global monetary architecture, BRICS, de-dollarization, BRICS single currency, monetary policy, foreign economic relations, Russia-China economic relations, Russia-India economic relations

For citation: Palisheva N.V., Suslikova K.D. BRICS Monetary and Financial Initiatives in the Context of Building a New Global Monetary and Financial Architecture. *Siberia Humanitarian*. 2026;(1):42—51. (In Russ.). <https://elibrary.ru/mnqjvs>.

Валютно-финансовая политика БРИКС отличается своей многогранностью. Она включает множество норм и правил, которых придерживаются страны — участники БРИКС при выстраивании экономических отношений друг с другом. Принимая во внимание новые угрозы, политика БРИКС трансформируется в соответствии с вызовами, которые обусловлены изменениями в экономике и политике не только государств, входящих в данное объединение, но и других стран мира.

Одним из таких вызовов, повлекших изменения в валютно-финансовой политике БРИКС, служит становление доллара санкционной валютой, неоднократные замораживания долларовых активов. Все это вызвало необходимость создания новой мировой валютно-финансовой архитектуры. С этого времени дедолларизация становится важнейшим вектором валютно-финансовой политики стран БРИКС¹. При этом довольно большое количество экспертов выступают за внедрение тех или иных инициатив.

Использование валюты США как политического инструмента, замораживание активов других государств позволяют США контролировать все валютно-финансовые операции, производимые в мире. По мнению руководства Российской Федерации, запуск процесса дедолларизации избавит многие государства от воздействия санкций США². По словам В. В. Путина, благодаря запуску данного процесса в Российской Федерации, в 2022 г. доля доллара в межгосударственных расчетах между странами БРИКС снизилась на 28,7 %³. Большая часть внешнеторговых операций с этого момента стала проводиться в национальных валютах. Данную инициативу поддерживают представители всех стран, входящих в БРИКС. Более того, данный вопрос стал лейтмотивом саммита в Казани в 2024 г.⁴ Отказ от доллара в пользу национальных валют — один из первых этапов экономической интеграции БРИКС, которая позволит подавить долларовую гегемонию и заложить фундамент новой валютно-финансовой архитектуры. Об успешности данной инициативы говорят не только главы государств БРИКС, но и ряд экспертов.

По мнению экономического аналитика Р. З. Никколова, все ведет к тому, чтобы доллар уступил позиции мировой валюты [1, с. 72]. Ослабление позиции доллара как основы мировой валютно-финансовой системы обусловлено рядом причин. Главная причина кроется в накоплении Соединенными Штатами Америки огромного государственного долга, который может привести к экономическому кризису. Это ведет к увеличению числа сторонников позиции стран — участников БРИКС о строительстве новой мировой валютно-финансовой архитектуры.

¹ См. об этом: Круглый стол о дедолларизации экономического сотрудничества БРИКС // РИА НОВОСТИ. 2024. 10 окт. URL: <https://ria.ru/20241010/briks-1977456869.html> (дата обращения: 04.02.2026).

² См. об этом: Юдина Ю. Россия прорекламирует дедолларизацию на саммите БРИКС — Reuters // Investing.com. 2024. 17 окт. URL: <https://ru.investing.com/news/world-news/article-2535616> (дата обращения: 04.02.2026).

³ См.: Путин заявил о необратимой дедолларизации в БРИКС // ТАСС. 2023. 22 авг. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18562499> (дата обращения: 04.02.2026).

⁴ См., например: Руднева Е. БРИКС: что это, расшифровка, страны-участники, валюта, цели // Banki.ru. 2025. 7 мая. URL: https://www.banki.ru/wikibank/strany_brics_spisok/ (дата обращения: 04.02.2026).

Стоит отметить, что уже существуют доказательства того, что строительство новой мировой валютно-финансовой архитектуры набирает популярность. Так, в 2024 г. на саммите в Казани реализовалась одна из стратегических целей БРИКС — расширение числа участников¹. К имеющимся участникам (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) присоединились Иран, ОАЭ, Эфиопия и Египет, согласившись с нормами и правилами БРИКС. В результате присоединения население стран БРИКС составило 40 % населения всего земного шара². Государства — участники БРИКС объединяются в валютный союз, который исключает доллар в качестве резервной валюты и продвигает национальные валюты. При реализации совместных интересов избавиться от долларовой гегемонии у данных стран может получиться очень быстро.

Инициатива создания валютных союзов, считает К. И. Брыкин, носит исключительно положительный характер. По его мнению, существует ряд преимуществ, которые получают участники, вступившие в альянс. Так, например, создание государствами валютного союза способствует укреплению социально-экономического взаимодействия, расширению торгово-экономических связей, а также политической стабильности, угрозой которой может представлять вмешательство Соединенных Штатов Америки. Невозможность девальвации национальной валюты одного из членов валютного союза, поскольку данная валюта запущена в обращение, приводит к необходимости согласованного функционирования экономик всех государств — членов БРИКС [2, с. 27].

Еще одной инициативой в рамках валютно-финансовой политики БРИКС выступало создание единой валюты и в дальнейшем ее цифровизация. По мнению Е. М. Григорьевой и Р. Ю. Миронова, это отличный способ противостояния долларовой политике США, именно введение цифровой единой валюты БРИКС улучшит взаимодействие между странами — участниками данного объединения, более того, позволит упростить ведение межгосударственных расчетов [3, с. 405].

Член-корреспондент Российской академии наук М. Головин также выражает позитивное отношение к формированию единой валюты БРИКС³. По его мнению, данная инициатива имеет огромное количество преимуществ. Одним из значимых плюсов введения данной валюты будет выступать укрепление экономических связей между участниками БРИКС, а также построение единых финансовых рынков. Более того, расширение числа участников может сподвигнуть государства — члены БРИКС на создание валютных союзов.

По мнению К. И. Брыкина, новая валюта не только укрепит взаимоотношения между государствами и повысит уровень доверия

¹ См. об этом: Лантве А. Саммит БРИКС в Казани обсудил дедолларизацию в условиях глобальной войны // World Socialist Web Site. 2024. 27 окт. URL: <https://www.wsws.org/ru/articles/2024/10/27/bric-o27.html> (дата обращения: 04.02.2026).

² См.: Конева В., Маматина А. Расширение БРИКС и единая валюта: как это может изменить мировую экономику // ТАСС. 2023. 8 сент. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18684589> (дата обращения: 04.02.2026).

³ См. об этом: Авдеев В. Страны БРИКС заинтересованы в развитии взаимных расчетов и снижении их зависимости от международной финансовой архитектуры // Российская газета. 2024. 18 окт. URL: <https://rg.ru/2024/10/18/na-puti-k-novoj-mirovoj-sisteme-finansovyh-otnoshenij.html> (дата обращения: 29.12.2025).

между ними, но и обозначит независимость национальных экономик от экономики США. В свою очередь, это породит финансовую устойчивость и приведет к росту экономического благосостояния государств, входящих в БРИКС, более того, это ознаменует рождение нового элемента в мировой валютно-финансовой системе, в которой доллар не будет играть роль резервной валюты, т. е. США не смогут контролировать валютно-финансовую политику новых субъектов мировой валютно-финансовой системы [4, с. 44].

Положительное отношение к валютно-финансовой политике БРИКС высказывает и Д. И. Кондратов. Он акцентирует внимание на расчете в национальных валютах между странами — участниками БРИКС. Более того, Д. И. Кондратов делает среднесрочный прогноз о валютно-финансовой политике БРИКС, говоря, что она будет постепенно эволюционировать [5, с. 14].

Стоит отметить, что цифровизация является ключевым пунктом стратегии развития БРИКС. В рамках реализации данной инициативы была разработана цифровая платформа BRICS Pay для проведения межгосударственных платежей. По мнению ряда ученых, данная система также позволит снизить долларовую зависимость¹. Предоставляемая ею возможность проводить беспроцентные конверсионные платежи может заинтересовать ряд других государств, которые в будущем захотят присоединиться к БРИКС.

Создание единой валюты в любом из ее проявлений должно вызывать интерес многих государств, а также снизить зависимость стран БРИКС от доллара². Это позволит странам — участникам БРИКС усилить свою самостоятельность в проведении межгосударственных валютно-финансовых операций. Более того, именно единая валюта продемонстрирует сплоченность государств БРИКС, также инициатива создания единой валюты может побудить другие страны создавать валютные союзы³.

Мнение о создании единой валюты и в дальнейшем ее цифровизации высказывали эксперты и государственные деятели других стран — участников БРИКС. Так, например, заместитель министра иностранных дел Китайской Народной Республики Ма Чжаусюй, говоря о поддержании инициатив БРИКС по экономической интеграции между странами — участниками данного объединения, высказался о необходимости как можно чаще использовать национальные валюты во взаимном торговом обращении⁴. Более того, Ма Чжаусюй

¹ См., например: Кузнецов А. БРИКС в мировой финансовой системе: необходимость выравнивания правил игры // РСМД. 2023. 14 дек. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-v-mirovoy-finansovoy-sisteme-neobkhodimost-vyravnivaniya-pravil-igry/> (дата обращения: 04.02.2026).

² См. об этом: Солабуто Н. Валюта БРИКС — миф или реальность // ФИНАМ. 2022. 3 сент. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/valyuta-briks-mif-ili-realnost-20220903-132400/> (дата обращения: 04.02.2026).

³ См., например: Как новая валюта БРИКС повлияет на доллар США? // Золотой запас. 2023. 5 мая. URL: <https://www.zolotoy-zapas.ru/news/market-analytics/kak-novaya-valyuta-briks-povliyaet-na-dollar-ssha/> (дата обращения: 29.12.2025).

⁴ См.: Chairman's Statement of the Meeting of Foreign Ministers of the BRICS Countries (Summary) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (in Chinese). URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/wjbxw_674885/202504/t20250430_11614530.shtml (дата обращения: 04.02.2026).

отметил релевантность использования платежных систем во взаиморасчетах между Бразилией, Россией, Индией, Китаем и Южной Африкой. О поддержании названных инициатив высказался посол Китайской Народной Республики в Южно-Африканской Республике Чэнь Сяодун. Он выразил надежду на принятие решения о создании единой валюты БРИКС, поскольку именно она позволит снизить зависимость стран БРИКС от долларовой гегемонии Соединенных Штатов Америки. По его словам, единая валюта БРИКС — это новая ступень валютно-финансового сотрудничества Бразилии, России, Индии и Китая, которая определит вектор будущей финансовой политики БРИКС¹.

Свое согласие с валютно-финансовыми инициативами БРИКС высказывали и представители Бразилии. Так, Президент Бразилии Лула да Силва предлагает ввести валюту БРИКС в качестве замены американского доллара². По его мнению, данная валюта может обеспечиваться не обязательно золотовалютными резервами стран — участников БРИКС, а, например, экономическими ресурсами, такими как природные ископаемые и земля. Более того, Лула да Силва считает создание единой валюты совершенно новой ступенью развития валютного сотрудничества стран БРИКС, которое не заменит расчеты в национальных валютах³. Это значит, что страны БРИКС будут также продолжать использовать национальные валюты во взаимном торговом обращении.

Таким образом, по мнению сторонников валютно-финансовой политики БРИКС, благодаря инициативам объединения, включающим в себя расчет в национальных валютах, создание единой валюты и ее цифровизацию, укрепятся социально-экономические взаимосвязи между странами-участниками, снизится уровень зависимости стран БРИКС от гегемонии доллара, а также будет возможно построение единых финансовых рынков.

Наряду с положительными оценками валютно-финансовой политики БРИКС существует скепсис многих политических деятелей и экономистов в отношении инициатив. По мнению К. Н. Гусева и А. Н. Цибулиной, валютное сотрудничество БРИКС — довольно спорная тема, а механизмы данной организации по проведению антидолларовой политики пока еще не показали высокую эффективность. Так, например, многие не только межгосударственные расчеты, но и расчеты малых и средних предприятий осуществляются в долларах. Более того, исследователи рассматривают валютно-

¹ См. об этом: Ambassador to South Africa Chen Xiaodong published a signed article in the South Media «BRICS Partners Work together to Build a Better World, South-South Cooperation helps build a Prosperous Africa» // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (in Chinese). URL: https://www.mfa.gov.cn/wjdt_674879/zwbdt_674895/202308/t20230804_11122413.shtml (дата обращения: 04.02.2026).

² См. об этом: Lula da Silva supports the creation of a single currency for trade between the BRICS countries // TV BRICS. 2023. 28 apr. URL: <https://tvbrics.com/pt/news/lula-da-silva-ap-ia-a-cria-o-de-uma-moeda-nica-para-o-com-rcio-entre-os-pa-ses-do-brics/> (дата обращения: 04.02.2026).

³ См. об этом: The first step of the Brics single currency project must be with transactions in national currencies // OUL. 2023. 23 apr. URL: <https://noticias.uol.com.br/ultimas-noticias/rfi/2023/08/23/primeiro-passo-de-projeto-de-moeda-unica-do-brics-deve-ser-com-transacoes-nas-moedas-nacionais.htm> (дата обращения: 04.02.2026).

финансовую политику БРИКС как новый вектор в мировой валютно-финансовой системе, а не как новую мировую финансовую архитектуру [6, с. 97].

Негативно оценивают валютно-финансовые инициативы БРИКС А. В. Молчанов и Ф. А. Смирнов, подчеркивая при этом роль Нового банка развития в формировании единой валюты объединения. По их мнению, именно данный институт позволит трансформировать эту инициативу в действие, однако ее реализация носит только проектный характер, поскольку трудна в исполнении и требует большого количества ресурсов и времени. Авторы утверждают, что необходим детальный план ее реализации, в котором будут прописаны все выгоды сторон, поскольку на сегодняшний день, несмотря на желание большинства стран БРИКС реализовать данную инициативу, они продолжают использовать свои национальные валюты в торговом обращении между собой [7, с. 168].

Еще одним препятствием для создания единой валюты выступает низкий уровень торговых взаимоотношений между странами БРИКС; на сегодняшний день торговые операции между ними составляют около 6 % всего их товарооборота. Валютно-финансовая инициатива о создании единой валюты не сможет стимулировать торговлю настолько, чтобы она превышала имеющийся процент¹.

Российский экономист Е. Коган также выделяет ряд противоречий, связанных с новой мировой валютно-финансовой архитектурой, которую стремится реализовать БРИКС. По его мнению, Соединенные Штаты Америки не позволят доллару утратить роль мировой валюты. Они сделают все, чтобы гегемония доллара продолжала существовать. Это необходимо для контроля над всеми мировыми валютно-финансовыми операциями. В этом заключается сущность политической природы США².

Глава Минфина России А. Силуанов считает, что создание наднациональной валюты в современных реалиях не представляется возможным, поскольку каждое государство будет настаивать на превосходстве своей валютной единицы³. В связи с этим он предложил создание расчетной единицы, которая не будет сводиться к чему-то национальному. Более того, Силуанов высказывается и о других возможных препятствиях к созданию интегрированной платежной системы БРИКС. Например, на данный момент многие страны БРИКС находятся в политической нестабильности. Так, Китай и Индия имеют ряд спорных моментов, которые могут затруднить вы-

¹ См. об этом: Эмеретли Х. Валюта БРИКС: когда она может появиться и как повлияет на рубль // Газпромбанк инвестиции. 2024. 8 янв. URL: <https://gazprombank.investments/blog/economics/brics-currency/> (дата обращения: 04.02.2026).

² См. об этом: Болотов С. Покончат ли страны БРИКС с долларом как главной мировой валютой: экономист Коган: доллар еще долго будет играть роль ведущей валюты в мире // RG.RU: специальный проект. 2024. 3 нояб. URL: <https://rg.ru/2024/10/30/vershki-i-koreshki.html> (дата обращения: 04.02.2026).

³ См. об этом: Пламенев И. Силуанов рассказал о перспективах создания валюты БРИКС на замену доллару // РБК. 2023. 22 авг. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/08/2023/64e4b1119a7947ffe7262910> (дата обращения: 04.02.2026).

страивание дружеских отношений и объединение позиций в рамках создания общей цифровой валюты БРИКС¹.

Некоторые аналитики Южно-Африканской Республики высказываются негативно об инициативе валютной интеграции в рамках БРИКС. Так, представитель инвестиционной компании Old Mutual Wealth Изак Одендаал утверждает, что достигнуть соглашения о создании единой валюты будет невероятно сложно, аргументируя свою позицию тем, что это потребует от всех государств — членов БРИКС схожей нормативно-правовой базы в сфере валютно-финансового регулирования, отсутствие которой повлечет череду разногласий, не позволяющих прийти к конструктивному диалогу для реализации имеющихся валютно-финансовых инициатив².

Сомнение по поводу реализации валютно-финансовых инициатив высказывает и министр международных отношений ЮАР Наледи Пандор. Поддерживает его мнение и глава Резервного банка ЮАР Лесетжи Кганьяго. Он утверждает, что инициатива создания единой валюты БРИКС породит множество споров, касающихся создания центрального банка, регулирующего платежи в данной валюте³. Президент Южно-Африканской торгово-промышленной палаты Мто Ксулу утверждает, что данная валютно-финансовая инициатива плохо разработана и в дальнейшем это может привести к кризису в экономиках стран БРИКС. Он считает, что странам БРИКС следует продолжить осуществлять торгово-финансовые операции в национальных валютах — в бразильских реалах, российских рублях, индийских рупиях, китайских юанях и южно-африканских рэндах⁴.

Несогласие с валютно-финансовыми инициативами БРИКС высказывают и представители Республики Индия. Так, министр иностранных дел Республики Индия Субраманьям Джайшанкар заявил, что создание единой валюты БРИКС не является главным направлением внешнеэкономической политики Индии. По его мнению, ключевым пунктом внешнеэкономической деятельности Индии остается сохранение позиции индийской рупии в межгосударственных расчетах и дальнейшее ее продвижение. С. Джайшанкар считает, что единая валюта хоть и сможет ослабить позицию доллара США, однако не принесет никаких преимуществ и экономических выгод для Индии⁵. Премьер-министр Индии Нарендра Моди также высказывается против данных валютно-финансовых инициатив. По его мнению, созда-

¹ См.: Трушина Н. Споры о единой валюте БРИКС: аналитик ответил на неудобные вопросы // МК.RU. 2024. 12 окт. URL: <https://www.mk.ru/economics/2024/10/12/spory-o-edinoj-valyute-briks-analitik-otvetil-na-neudobnye-voprosy.html> (дата обращения: 04.02.2026).

² См.: Dlodla S. Introducing BRICS currency is complex and could reduce trade, investment — experts // IOL. 2024. URL: <https://iol.co.za/business-report/economy/2023-07-12-introducing-brics-currency-is-complex-and-could-reduce-trade-investment-experts/> (дата обращения: 04.02.2026).

³ См. об этом: Vecchiato P. Kganyago highlights limitations, central bank debate as BRICS mulls common currency // News24. 2023. 11 мая. URL: <https://www.news24.com/business/economy/kganyago-highlights-limitations-central-bank-debate-as-brics-mulls-common-currency-20230511> (дата обращения: 04.02.2026).

⁴ См.: Maromo J. BRICS: SA-China trade is nothing unfair, says SA Chamber of Commerce // IOL. 2024. URL: <https://iol.co.za/news/south-africa/2023-08-17-brics-sa-china-trade-is-nothing-unfair-says-sa-chamber-of-commerce/> (дата обращения: 04.02.2026).

⁵ См.: Prabhakar P. BRICS's plan to float a common currency and India's reaction to it // Times of India. 2023. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/truth-lies-and-politics/brics-plan-to-float-a-common-currency-indias-reaction-to-it/> (дата обращения: 04.02.2026).

ние единой валюты БРИКС хоть и сможет заложить фундамент новой мировой валютно-финансовой архитектуры, однако имеет огромные риски. В связи с этим Нарендра Модии выражает обеспокоенность дальнейшими взаимоотношениями Республики Индия и Соединенных Штатов Америки, именно поэтому считает необходимым продвижение международных расчетов в национальных валютах между странами — участниками БРИКС¹.

Таким образом, противоречивость валютно-финансовой политики БРИКС отмечают эксперты стран-участников. Наиболее острой темой выступает проект создания единой цифровой валюты БРИКС. По мнению некоторых специалистов, данная инициатива не может быть реализована по ряду причин, в частности из-за позиции США, которые не допустят ослабления доллара в мировой торговле. Еще одной причиной является различие нормативно-правовой базы по финансовому регулированию стран — участников БРИКС. Более того, существующие политические разногласия между членами организации также могут препятствовать внедрению различных валютно-финансовых инициатив.

Устранение разногласий и противоречий позволит создать условия для более тесного валютно-финансового сотрудничества между странами — участниками БРИКС.

Список источников

1. Николов Р. З. Уступит ли доллар позиции мировой резервной валюты? // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 1. С. 65—72. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-65-72.
2. Брыкин К. И. Валютный союз: аргументы за и против // Юрист-Правовед. 2024. № 4(111). С. 27—31.
3. Григорьева Е. М., Миронов Р. Ю. Оценка потенциала создания наднациональной валюты стран БРИКС // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. № 1. С. 391—411.
4. Брыкин К. И. Итоги саммита БРИКС: укрепление валютно-финансового сотрудничества, развитие расчетных и корреспондентских взаимоотношений, шансы на создание новой валюты // Аграрное и земельное право. 2023. № 9. С. 42—44.
5. Кондратов Д. И. Интернационализация валют в странах БРИКС // Вестник РАН. 2021. Т. 91, № 2. С. 127—141. DOI: 10.31857/S0869587321020031.
6. Гусев К. Н., Цибулина А. Н. Механизмы валютного сотрудничества в БРИКС: первые результаты и новые вызовы // Современная Европа. 2024. № 4. С. 87—99. DOI: 10.31857/S0201708324040077.
7. Молчанов А. В., Смирнов С. Ф. Формирование валюты БРИКС — проблемы и перспективы в рамках трансформации мировой валютно-финансовой системы // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 1. С. 155—174. DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120210C.

References

1. Nikkolov R.Z. Will the dollar give up its position as the world's reserve currency?, Russia in global politics, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 65-72. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-65-72.
2. Brikin K.I. Monetary Union: Pros and Cons, Lawyer-Pravoved, 2024, no. 4 (111), pp. 27-31.

¹ См.: Amity Sen. BRICS currency: India unlikely to endorse the move; may just ignore // The Hindu BusinessLine. 2023. 21 apr. URL: <https://www.thehindubusinessline.com/economy/brics-currency-india-unlikely-to-endorse-the-move-may-just-ignore/article67215868.ece> (дата обращения: 04.02.2026).

3. Grigoreva Ye.M., Mironov R.Yu. Assessing the potential for creating a supranational currency for the BRICS countries, *Research of the Free Economic Society of Russia*, 2023, no. 1, pp. 391-411.
4. Brikin K.I. BRICS Summit Outcomes: Strengthening Monetary and Financial Cooperation, Developing Settlement and Correspondent Relations, and the Opportunity to Create a New Currency, *Agrarian and land law*, 2023, no. 9, pp. 42-44.
5. Kondratov D.I. Internationalization of currencies in the BRICS countries, *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2021, vol. 91, no. 2, pp. 127-141. DOI: 10.31857/S0869587321020031.
6. Gusev K.N., Tsiulina A.N. BRICS Monetary Cooperation Mechanisms: Initial Results and New Challenges, *Modern Europe*, 2024, no. 4, pp. 87-99. DOI: 10.31857/S0201708324040077.
7. Molchanov A.V., Smirnov S.F. Development of the BRICS currency: problems and prospects within the framework of the transformation of the global monetary and financial system, *Economic Security*, 2024, vol. 7, no. 1, pp. 155-174. DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120210S.

Информация об авторах

Палишева Наталья Витальевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических наук и международных отношений, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, доцент кафедры всеобщей истории, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: palisheva17@yandex.ru

Сусликова Ксения Денисовна — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: suslikowa.ksenia@yandex.ru

Information about the authors

Natalia V. Palisheva — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Social and Political Sciences and International Relations, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Associate Professor of the Department of General History, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: palisheva17@yandex.ru

Ksenia D. Suslikova — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: suslikowa.ksenia@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 28.01.2026.

The article was submitted 08.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 28.01.2026.

From the Fenian Movement to the Troubles: Armed Republicanism as a Response to Repressive Policy against Irish Catholics

Alisa M. Lyubchenko

University of Pavia (UNIPV), Pavia, Italy, alisalyubchenko777@gmail.com

Abstract. Irish republican nationalism represents a continuous tradition of armed resistance to British colonial domination, with roots dating back to the Irish Republican Brotherhood (IRB) of the second half of the nineteenth century and continuing through to the “Provisional” IRA of the late twentieth century. This article analyzes the continuity of the republican movement by focusing on two critical periods: the activities of the Fenians (1858–1867) and the Ulster crisis (1968–1972), demonstrating how systematic violence by the British Crown generated radical forms of responsive resistance.

The IRB can be characterized as a classic example of a nineteenth-century national liberation movement ideologically grounded in Franco-American concepts of republicanism. The rejection of parliamentary methods in favour of armed struggle and an anti-constitutional stance determined the strategy of Fenian revolutionaries. Despite its limited period of activity (1858–1867), the IRB’s work acted as a catalyst for legislative reforms in the metropolis and shaped the ideological foundation for subsequent generations of republicans.

The struggle of Irish republicans in the early twentieth century did not result in full independence, leaving the status of the six counties unresolved in the north of the island that became part of the United Kingdom. Turning to the second half of the twentieth century, the author analyses the system of institutionalized restrictions imposed by the unionist government in the labor, electoral and social spheres that affected the Catholic population of Ulster. The intensification of repressive policies by the Northern Irish government contributed to the emergence of a protest movement of Irish Catholics for civil rights, supported by the armed wing of the IRA. The regime’s punitive measures – extrajudicial internment and the violent suppression of demonstrations resulting in civilian casualties – led to the radicalization of the armed resistance of the “Provisional” IRA over the subsequent 25 years, marking the beginning of the period known as the Troubles.

Keywords: Ireland, the Irish Question, the Fenian movement, Irish Republican Brotherhood, Irish nationalism, national liberation movement, emigration, unionist policy, Ulster, struggle for independence

For citation: Lyubchenko A. M. From the Fenian Movement to the Troubles: Armed Republicanism as a Response to Repressive Policy against Irish Catholics. *Siberia Humanitarian*. 2026;(1):52—59. (In Russ.). <https://elibrary.ru/urrsqx>.

От фенианского движения к Troubles: вооруженный республиканизм как ответ на репрессивную политику в отношении ирландских католиков

Алиса Михайловна Любченко

Павийский университет, Павия, Италия, alisalyubchenko777@gmail.com

Аннотация. Ирландский республиканский национализм представляет собой непрерывную традицию вооруженного сопротивления британскому колониальному господству, корни которой прослеживаются от Ирландского республиканского братства (ИРБ) второй половины XIX в. до Временной ИРА (Ирландская республиканская армия) конца XX столетия. В статье анализируется преемственность республиканского движения через призму двух критических периодов: 1858—1867 гг. (деятельность фениев) и 1968—1972 гг. (Ольстерский кризис), демонстрируется, как систематическое насилие британской короны порождало радикальные формы ответного сопротивления.

Автор характеризует ИРБ как классический образец национально-освободительного движения XIX столетия, идеологически базировавшегося на концепциях франко-американского республиканизма. Отказ от парламентских методов в пользу вооруженной борьбы и антиконституционная позиция определили стратегию фенианских революционеров. Несмотря на ограниченный период активности (1858—1867), деятельность ИРБ выступила катализатором законодательных реформ метрополии и сформировала идеологический фундамент для последующих поколений республиканцев.

Борьба ирландских республиканцев начала XX в. не завершилась достижением полной независимости, оставив неразрешенным статус шести графств на севере острова, вошедших в состав Великобритании. Обращаясь ко второй половине XX в., автор анализирует систему институционализированных ограничений юнионистского правительства в трудовой, экономической и социальной сферах, затронувших католическое население Ольстера. Эскалация репрессивной политики североирландского режима способствовала формированию протестного движения ирландских католиков за гражданские права, поддержанного вооруженным крылом ИРА. Карательные меры режима — внесудебное интернирование и силовое подавление демонстраций с жертвами среди гражданского населения — обусловили радикализацию вооруженного сопротивления Временной ИРА на протяжении последующих 25 лет, положив начало периоду Смуты.

Ключевые слова: Ирландия, ирландский вопрос, Фенианское движение, Ирландское республиканское братство, ирландский национализм, национально-освободительное движение, эмиграция, юнионистская политика, Ольстер, борьба за независимость

Для цитирования: Любченко А. М. От фенианского движения к Troubles: вооруженный республиканизм как ответ на репрессивную политику в отношении ирландских католиков // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 52—59. EDN URRSQX.

Mass transatlantic emigration of Irish Catholics in the mid-nineteenth century was a direct consequence of Britain's colonial policy and formed a transnational base of support for Irish nationalism. The growing Irish diaspora in North America and its subsequent involvement in financing and organizing the republican movement established conditions for a transition to more radical forms of struggle for independence. [1]

Analysis of the Irish republican movement is relevant for comparative studies of anti-colonial struggles and national liberation movements. The Irish experience reveals the interconnection between systematic policies of oppression and the emergence of stable traditions of armed resistance, which retains analytical value for understanding the dynamics of contemporary ethno-political conflicts.

The rise of Fenianism in the late 1850s and early 1860s was not unprecedented in Ireland. The Fenians were successors to a revolutionary tradition going back to such figures as Thomas Davis (1848), Robert Emmet (1803) and Wolfe Tone (1798).

The veterans of the failed uprising of 1848 were forced to emigrate to Paris, which at that time served as a refuge for Europe's national liberation movements. The political climate of republican France contributed to the formation of the future leaders of the Fenian Brotherhood. The concept of Fenianism drew heavily on the experience of various continental societies based in Paris at the time, such as La Société des Saisons, Mazzini's "Young Italy" and "Young Poland". [2, p. 47—48] These organisations attached great importance to conspiracy and secrecy in revolutionary activity, which underpinned the creation of the IRB's closed, hierarchical, quasi-militarist structure. The organization was built according to a scheme of central leadership with subsequent subordination of lower-level units. Despite the well-established structure of the IRB, maintaining secrecy proved an impossible task. The infiltration of informers and spies into its ranks was commonplace. The leader of the Fenian Brotherhood, James Stephens, borrowed both political ideas and organisational methods from the secret insurgent societies that abounded on the continent in the first half of the nineteenth century.

The Fenian movement differed from all previous revolutionary movements in that it enjoyed support both among the Irish at home and among many Irish emigrants who had settled abroad. The Great Famine (1845–1849), which engulfed the Emerald Isle, triggered one of the largest transatlantic migrations of the Irish people. This tragedy fostered enduring resentment among Irish emigrants toward British imperial authority. Political exiles fleeing imprisonment capitalized on anti-British sentiment in the New World and continued their agitation in exile. In other words, the Irish nationalist movement after the Great Famine was largely shaped by the moods of political refugees, among whom was the prominent Irish revolutionary John O'Mahony, the founder of the IRB's American branch.

As the historian Brown notes, the Fenian Brotherhood in the United States exerted a significant influence on the formation of a new Irish nation, along democratic lines, on the other side of the Atlantic, biding its time to strike at the heart of the empire. [3, p. 358] Although the American Civil War, which began in April 1861, postponed any plans for an uprising in Ireland, it mobilized masses of Irish settlers who later formed the Fenian military contingent ready to fight for Ireland's independence.

Thus, democratic ideals, the successful examples of the American Revolution of 1776 and the French Revolution of 1789, as well as participation in the United States' War of Independence, fired the imagination of many Irish revolutionary fighters with dreams of an independent Irish republic offering equal rights to Catholics and Protestants. The synthesis of Franco-American republican ideas pushed the IRB towards the articulation of a secularization policy. As recalled by Gustave Cluseret, a member of the Paris Commune who worked closely with the Fenians, one of the key principles underpinning the Fenian programme was "a free church in a free state". [4, p. 91] For the Fenians, the solution to the religious question lay in separating the church and its clergy from politics. Charles Kickham, the Fenians' specialist on religious issues, drew attention to the fact that priests most often adopted conciliatory positions towards the metropolis, betraying Ireland's national interests. [5, p. 85] Despite the clearly expressed anticlericalism in Fenian discourse, the Irish People resolutely rejected accusations of irreligion, stressing that the IRB had nothing against priests as ministers of worship, adding, however, that in politics "they are the worst possible advisers". It is important to note that the conflict between the Fenians and the Catholic Church is regarded as one of the most significant and innovative aspects of the Irish revolutionary tradition, since it challenged the authority of the Holy See. [6, p. 180]

While maintaining national liberation as their primary objective, the Fenians recognized armed struggle as the only way to achieve it. The preference for a policy of "physical force" over "moral force" was dictated by the unsuccessful constitutional experience of the Repeal movement, which advocated non-violent resistance. The revolutionaries' rejection of the legitimacy of British state authority was expressed in their stance of anti-constitutionalism. The Fenian movement rejected parliamentary activity and advocated exclusively violent methods to overthrow the power of the English Crown.

For Fenian theorists such as O'Leary, Kickham and Luby, the idea of anti-landlordism was central. It envisaged the expropriation of property from landlords and its transfer to tenant farmers. However, the Fenians did not work out a detailed plan for resolving the agrarian question. The ideologues of Fenianism intended to return to its elaboration after the victory of the revolution, fearing the loss of the political agenda's primacy over economic issues. [5, p. 83]

All Fenian attempts at uprising ended in crushing failure. The reasons for their defeat lay in the preventive actions of the English police forces, followed by the arrest of IRB leaders. However, as a stage in the development of Irish nationalism, the Fenians' failure to carry out a revolution proved of central importance. The abortive seizure of arms at Chester Castle in February 1867, the desperate rescue of imprisoned Fenians in Manchester in September 1867, and the subsequent execution of the "Manchester martyrs" did not have as great a public resonance as the devastating explosion of 13 December outside the walls of Clerkenwell prison.

According to English politician and economist J.S. Mill, the Fenians' 'indiscriminate terror' on the mainland prompted a significant political re-evaluation of the Irish Question. [2, p. 36—37] This indisputable fact was most clearly confirmed in the words of W.E. Gladstone, the British Prime Minister, who outlined a number of Irish reforms in 1868: "Fenian-

ism opened my eyes to the depth of Irish disaffection. It taught me the passion and sincerity with which a people may love freedom and their country, and how such love, under misgovernment, may be turned to wrath". [7, p. 271]

Indeed, Liberal MPs began to speak more loudly of the need for radical land reform in Ireland. As early as 1869, Gladstone secured the passage of the Irish Church Act and the Irish Land Act of 1870, which, whether rightly or wrongly, were perceived in Ireland as a result of Fenian activity. [8, p. 252]

In other words, the Fenians' policy of terror proved effective in practice, as evidenced by subsequent political transformations in Ireland. Although British statesmen publicly opposed violent methods of struggle, the political history of the nineteenth century undoubtedly confirmed the validity of the Fenians' chosen methods. Charles Parnell, leader of the Land League, stated early in his political career that "no amount of eloquence could have achieved what was achieved by the fear of an impending uprising". [8, p. 107]

However, the surge of violence that plunged the Irish public into panic in the late 1860s compelled political leaders to abandon, indefinitely, the tactic of uprisings in favor of constitutional methods of struggle. This process heralded the policy of Home Rule, whose primary objective was to resolve the land question.

Thus, despite its failure to liberate Ireland, the Fenian movement played one of the decisive roles in the country's history. Through its call for armed insurrection, Fenianism reaffirmed for its generation the harsh old truth that freedom must be fought for, thereby immortalising the cult of heroic self-sacrifice in the name of the homeland. The idea of martyrdom embedded by the Fenians would later find expression in the 1916 Easter Rising and in the terrorist actions of IRA fighters who struggled against the colonial administration in occupied Ulster.

After two years of the bitter Irish War of Independence, the Anglo-Irish Treaty was signed in 1922, formalizing the partition of Ireland. The separation of the six most economically developed north-eastern counties from the rest of the island undermined the republican project of its independence and unity. In November 1921, the Workers' Republic newspaper noted: "An independent Ireland will be economically viable only together with Ulster. <...> Hypocritically exploiting the national factor, the English want to tear Ulster away from the rest of Ireland and create their own parliament there. Naturally, an autonomous Ulster will remain in the closest relations with England".¹ History confirmed the validity of this statement.

Over the subsequent decades, the policy of the Northern Irish government can be characterized as anti-democratic and discriminatory in various spheres with regard to the Catholic population. Catholics' rights to hold public office were curtailed. They accounted for only 10 per cent of jobs in the civil service, and virtually none of these posts were positions of status. [9, p. 12] Segregation in employment led to unemployment levels among the Catholic population that were several times higher than among Protestants. Ulster had the lowest GDP per capita and the highest

¹ Workers' Republic. 1921. 26 Nov.

unemployment rate in the entire United Kingdom. [10, p. 11] The situation of the population was further aggravated by the difficult economic conditions after the Second World War.

Against this dramatic backdrop, the Northern Ireland Civil Rights Association (NICRA) was founded at a meeting in Belfast in January 1967. It brought together a broad range of political forces: trade unions, national-democrats, republicans and also British Labour representatives. The association's members stood in defence of civil rights, specifically calling for the removal of restrictions on voting rights, an end to discrimination in housing and employment, and freedom of political activity for the entire population.

5 October 1968 may rightly be regarded as the second most important date in Ireland's twentieth-century history, second only to the Easter Rising. The protest held on that day marked the beginning of the escalation of civil unrest in Northern Ireland. Three months later, the civil rights march from Belfast to Derry became the culmination of the protest movement, exerting a major impact on "the spirit of '68 as a whole". These two demonstrations did more to influence the political situation in Northern Ireland than anything that had occurred since partition, forcing the British government to abandon its policy of non-intervention. [11, p. 260]

It is worth noting the active role of the Irish Republican Army (IRA) during this period. The leadership decided to broaden the movement's focus and shift sharply to the left, opting for a constitutional method of struggle. However, not all republicans were satisfied with this chosen direction of political activity, which ultimately led to a split in the IRA in 1969 into the "Official" and the "Provisional" wings. As a result, the Provisionals positioned themselves as defenders of the Catholic community and as fighters for civil rights in clashes with the British army and armed Orangemen.

In August 1971, Northern Ireland was to experience yet another wave of violence, affecting the Catholic civilian population primarily. The Stormont government sanctioned Operation Demetrius, aimed at the mass arrests and internment of nationalists engaged in terrorist acts (the "Provisional" IRA). Suspects were held in special camps, one of which was located on the former Royal Air Force base at Long Kesh, near Lisburn. On the first day of the operation, 350 people were taken into custody. The policy of internment continued until December 1975. Over this period, the British authorities interned 1.981 people, 1.874 of whom were Catholics. [12, p. 202] Also in 1971, a ban was introduced in Ulster on marches and rallies. However, this restriction proved largely ineffective, as peaceful demonstrations filled the streets of Belfast and Derry. One of them became a turning point in the history of Northern Ireland. The day of 30 January 1972, better known as "Bloody Sunday", saw the British army shooting and killing 13 unarmed Catholic demonstrators. From that moment on, and for the next 25 years, the "Provisional" IRA systematically adhered to a strategy of terror.

In summary, unionist policy toward Catholics during the Ulster crisis of 1968–1972 was characterized by overt violence. It was distinguished by anti-democratic practices, institutional stigmatization, and the suppression of the national identity of the Catholic population. The gradual in-

tensification of policy is demonstrated by repressive measures against Catholics, including internment without trial, the existence of detention camps, and the suppression of protest movements, resulting in numerous civilian casualties. These processes contributed to the further radicalization of the 'Provisional' IRA, which adopted strategies of armed resistance in pursuit of its republican objectives.

Thus, the study identifies a consistent pattern within the Irish republican movement: armed resistance emerged as a structural response to systematic colonial and post-colonial oppression. Analysis of the two historical periods highlights the continuity of key ideological tenets and methods of political mobilization that sustained republican strategy under varying politico-institutional conditions. Repressive policies enacted by British and unionist governments consistently served as catalysts for the radicalization of the national liberation movement, supporting the thesis regarding the functional role of political violence under institutionalized discrimination and resistance to reform. Armed struggle proved effective as a means of compelling the dominant side to engage in political dialogue and enact legislative concessions.

Список источников

1. Любченко А. М. Трансатлантическая миграция ирландских католиков в период Великого голода // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 53—62. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-53-62.
2. Townshend C. *Political Violence in Ireland: Government and Resistance since 1848*. Oxford University Press, 1983. 445 p.
3. Brown T. N. The Origins and Character of Irish-American Nationalism // *The Review of Politics*. 1956. Vol. 18, no. 3. P. 327—358.
4. Cronin S. *Irish Nationalism: a history of its roots and ideology*. Dublin : The Academy Press, 1980. 391 p.
5. Мирошников А. В. *Ирландия и фении. 1850—1860*. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1995. 214 с.
6. Boyce D. G. *Nationalism in Ireland*. 3 ed. London : Routledge, 1995. 512 p. DOI: 10.4324/9780203433843.
7. Bew P. *Ireland: The Politics of Enmity, 1789—2006*. Oxford : Oxford University Press, 2007. 613 p.
8. Kelly M. J. *The Fenian Ideal and Irish Nationalism, 1882—1916*. Woodbridge : Boydell & Brewer, 2006. 282 p.
9. McKittrick D., McVea D. *Making Sense of the Troubles: The Story of the Conflict in Northern Ireland*. Chicago : New Amsterdam Books, 2002. 368 p.
10. Busteed M. A. *Northern Ireland. Problem Regions of Europe*. Oxford : Oxford University Press, 1974. 57 p.
11. Prince S. *Northern Ireland's '68: Civil Rights, Global Revolt and the Origins of the Troubles*. Dublin : Irish Academic Press, 2007. 260 p.
12. McCleery M. *Operation Demetrius and Its Aftermath: A New History of the Use of Internment without Trial in Northern Ireland 1971—75*. Manchester : Manchester University Press, 2015. 202 p.

References

1. Lyubchenko A.M. Transatlantic Migration of Irish Catholics During the Great Famine, Siberia humanitarian, 2024, no. 2, pp. 53-62. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-53-62.
2. Townshend C. *Political Violence in Ireland: Government and Resistance since 1848*. Oxford University Press, 1983. 445 p.

3. Brown T.N. The Origins and Character of Irish-American Nationalism, *The Review of Politics*, 1956, vol. 18, no. 3, pp. 327-358.
4. Cronin S. *Irish Nationalism: a history of its roots and ideology*. Dublin, The Academy Press, 1980, 391 p.
5. Miroshnikov A.V. Ireland and the Fenians, 1850–1860. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1995, 214 p.
6. Boyce D.G. *Nationalism in Ireland*. 3d ed. London, Routledge, 1995, 512 p. DOI: 10.4324/9780203433843.
7. Bew P. *Ireland: The Politics of Enmity, 1789-2006*. Oxford, Oxford University Press, 2007, 613 p.
8. Kelly M.J. *The Fenian Ideal and Irish Nationalism, 1882-1916*. Woodbridge, Boydell & Brewer, 2006, 282 p.
9. McKittrick D., McVea D. *Making Sense of the Troubles: The Story of the Conflict in Northern Ireland*. Chicago, New Amsterdam Books, 2002, 368 p.
10. Busteed M.A. *Northern Ireland. Problem Regions of Europe*. Oxford, Oxford University Press, 1974, 57 p.
11. Prince S. *Northern Ireland's '68: Civil Rights, Global Revolt and the Origins of the Troubles*. Dublin, Irish Academic Press, 2007, 260 p.
12. McCleery M. *Operation Demetrius and Its Aftermath: A New History of the Use of Internment without Trial in Northern Ireland 1971–75*. Manchester, Manchester University Press, 2015, 202 p.

Информация об авторе

Любченко Алиса Михайловна — студент, Павийский университет, Павия, Италия.
E-mail: alisalyubchenko777@gmail.com

Information about the author

Alisa M. Lyubchenko — Student, University of Pavia (UNIPV), Pavia, Italy. E-mail: alisalyubchenko777@gmail.com

Статья поступила в редакцию 17.12.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.

The article was submitted 17.12.2025; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 60—73.
Siberia Humanitarian. 2026;(1):60—73.

Историография и источниковедение

Научная статья
УДК 930.2:351/354
EDN YCTWSU

Проблемы истории государственной службы в публикациях современных исследователей 2006—2010 гг. (по материалам Российского индекса научного цитирования)

Владимир Евгеньевич Зубов

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация, Zubovv27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9402-4414>

Аннотация. Статья продолжает серию публикаций, посвященных современной историографии истории государственной службы. Хронологические рамки работы — 2006—2010 гг. Рассмотрены статьи и материалы конференций на русском языке, доступ к которым открыт в базе РИНЦ. Актуальность исследования объясняется общим состоянием гуманитарной науки, ростом числа публикаций и сложностью освоения накопленного научного опыта. Помимо общего диалектико-материалистического метода использовались специальные методы исследования — поиск по ключевым словам, метод классификации, сравнительно-сопоставительный, хронологический методы и др. Предпочтение отдано формальным методам, позволяющим обеспечивать проверку и сопоставление результатов. Для поиска использовались словосочетания «история государственной службы», «гражданская служба история». Не рассматривались студенческие работы, публикации, относящиеся к военной и близким к ней специализированным видам службы, в том числе «иные виды государственной службы». Сделанные выводы имеют частный характер и характеризуют работы, попавшие в выборку. Проведенный анализ публикаций показывает, что проблемы истории государственной службы в рассматриваемый период в меньшей степени привлекают исследователей, чем в последующее пятилетие. Авторы обращаются к новым (на момент выхода публикации) аспектам темы, имеющим значение для современной реформы гражданской службы. В то же время на качество работ влияют слабость методологической базы, политическая конъюнктура, нарушение преемственности в развитии науки. Наблюдается

отказ от выработанного и апробированного терминологического аппарата, общеисторических основ исследования, в частности периодизации российской истории. В отечественных работах чаще (возможно, вследствие их преобладания в выборке), чем в статьях зарубежных авторов, встречаются нарушения требований, предъявляемых к научным публикациям.

Ключевые слова: государственная служба, история, историография, история государственной службы, гражданская служба, история гражданской службы, государственная служба за рубежом

Для цитирования: Зубов В. Е. Проблемы истории государственной службы в публикациях современных исследователей 2006—2010 гг. (по материалам Российского индекса научного цитирования) // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 60—73. EDN YCTWSU.

Historiography and source studies

Original article

Problems of the History of Civil Service in Contemporary Research Publications from 2006 to 2010 (Based on the Russian Science Citation Index)

Vladimir E. Zubov

Siberian institute of management, Novosibirsk, Russian Federation, Zubovv27@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9402-4414>

Abstract. This article continues a series of publications on the contemporary historiography of the history of civil service. The chronological scope of the work is 2006–2010. It reviews the articles and conference proceedings in Russian, accessible through the Russian Science Citation Index (RSCI). The relevance of the study is explained by the general state of humanities scholarship, the growing number of publications, and the difficulty of mastering accumulated scientific experience. In addition to the general dialectical-materialist method, specialized research methods were used, including keyword searches, classification methods, comparative and contrastive methods, and chronological methods. Preference was given to formal methods, which allow for verification and comparison of results. The search terms “history of civil service” and “civil service history” were used. Student works and publications related to military and related specialized types of service, including “other types of civil service,” were not considered. The conclusions reached are specific and characterize the works included in the sample. The analysis of publications shows that issues in the history of civil service during the period under review are of less interest to researchers than in the subsequent five-year period. The authors address new (at the time of publication) aspects of the topic that are relevant to contemporary civil service reform. At the same time, the quality of the works is affected by a weak methodological framework, political conjuncture, and a disruption in the continuity of scientific development. A rejection of established and tested terminology and general historical research principles, in particular the periodization of Russian history, is observed. Domestic works (possibly due to their predominance in the sample) more often than articles by foreign authors violate the requirements for scientific publications.

Keywords: civil service, history, historiography, history of civil service, civil service, history of civil service, civil service abroad

For citation: Zubov V.E. Problems of the history of civil service in publications of modern researchers 2006—2010 (based on the materials of the Russian Science Citation Index). *Siberia Humanitarian*. 2026;(1):60—73. (In Russ.). <https://elibrary.ru/yctwsu>.

Проблемы развития науки в современной России, особенно в гуманитарной области, требуют анализа ее состояния. В связи с этим нами предпринята попытка провести анализ состояния современной историографии истории государственной, прежде всего гражданской, службы. В данной публикации рассматриваются работы, опубликованные в 2006—2010 гг. Методология, методика, другие общие вопросы освещены в ранее опубликованных статьях, посвященных анализу [1—3].

При этом следует акцентировать внимание на критериях включения публикации в ту или иную тематическую группу. Они вполне точны, поскольку авторы затрагивают различные грани темы и конкретная работа может быть отнесена к различным тематическим группам. При решении этого вопроса мы руководствовались нашими субъективными предпочтениями.

Выборка за 2006—2010 гг. содержит значительно меньше работ (44), для характеристики которых использовались указанные выше ключевые слова, чем выборка за последующие пять лет (2011—2015) — 147 работ. Этот факт, однако, недостаточен для того, чтобы делать вывод о большем или меньшем интересе исследователей к проблемам истории государственной службы, поскольку выборка строилась только на одном формальном критерии. Меньшее количество работ может быть обусловлено и другими моментами, проверить которые в рамках темы нашего исследования невозможно (общее число научных журналов в стране и их характер, число журналов, включенных в базу РИНЦ, соотношение числа публикаций в открытом и закрытом доступе и т. д.).

Первую группу образуют публикации, посвященные общим и общетеоретическим вопросам истории гражданской, в том числе государственной гражданской, службы в России или различным ее аспектам. В рассматриваемый период в эту группу вошло небольшое число публикаций. Среди них в первую очередь назовем статью М. В. Шедия [4], посвященную актуальной проблеме формирования корпоративной культуры в системе государственной службы. Рассматривая этот процесс от истоков государственности, автор отмечает такие черты зарождавшейся корпоративной культуры, как ориентация на собственные интересы чиновников, отрыв от народа, что было связано с включением табельной бюрократии в состав господствующего класса. Можно согласиться и с выделением автором других черт: ориентации на волю непосредственного начальства и сравнительно редко упоминаемой при характеристике отечественной бюрократии такой черты, как самоирония [4, с. 67]. Отдельного внимания в современных условиях заслуживает тезис о преемственности корпоративной культуры советской и досоветской бюрократии. Автор справедливо отмечает вынужденный характер широкого привлечения на советскую службу старых кадров в связи с необходимостью централизации управления в годы иностранной интервен-

ции и гражданской войны [4, с. 68]. В то же время спорными выглядят такие черты корпоративной культуры советской государственной службы, как «безжалостность», следование принципу «нерассуждающего повиновения сильному» и др. [4, с. 68]. Спорность их связана с недостаточно четким определением понятий. Термин «безжалостность», например, вполне можно интерпретировать как строгое следование закону, нежелание руководствоваться субъективными соображениями при принятии решений. А это следует отнести, скорее, к достоинствам, чем к недостаткам корпоративной культуры, поскольку именно слабость закона как механизма регулирования общественных отношений указывается среди ключевых проблем управления и в прошлом, и в настоящем. Можно привести и другие примеры спорной и некорректной терминологии: сочетание терминов «Русь» и «государственная служба», утверждение о строительстве государственной службы на родовых отношениях и т. д. Отметим также слабость аргументации при характеристике советской государственной службы и формируемой на ее базе корпоративной культуры. По нашему мнению, следовало бы, например, уточнить, в какой мере политическая полиция (тоже весьма спорный термин, не употреблявшийся в советский период и не отражающий сути данных организаций), под которой понимается ГПУ-НКВД, являлась политической силой. Думается, что такое понимание ошибочно. И ГПУ, и НКВД являлись, скорее, инструментом в руках государственной власти и выполняли возлагавшиеся на них задачи, которые отнюдь не сводились к функциям политической полиции. Если попытаться рассматривать эти организации как самостоятельную политическую силу, то необходимо ставить вопрос об их социальной базе, программе, целях и т. д. Но об этом в статье ничего не говорится.

Явно ошибочным выглядит и утверждение об одномерном восприятии мира [4, с. 68], как минимум можно говорить о двухмерности (в рамках дихотомий: «свой — чужой», «друзья — враги», «хороший — плохой», «союзники — противники» и т. д.). Но, думается, даже такое понимание будет слишком упрощенным, так как после Второй мировой войны существовало несколько типов стран, отношение к которым было различным: мировая система капитализма, мировая система социализма, в рамках которой выделялось социалистическое содружество, страны третьего мира (развивающиеся), неприсоединившиеся и др. Таким образом, об одномерности говорить не приходится. К сожалению, недостаточно обоснованными выглядят и другие характеристики советских государственных служащих. Свойственные отдельным лицам, они подаются автором как типичные, характеризующие корпоративную культуру в целом. При этом не понятно, на основе чего сделаны такие обобщения, поскольку ссылки на источники и исследования отсутствуют. Соответственно, сделанные автором выводы легко оспорить, как например, тезис о том, что массовые репрессии порождали и усиливали у государственных служащих «вождизм», «вседозволенность» и т. д. С таким же основанием можно сказать, что массовые репрессии, наоборот, ограничивали проявления таких черт, поскольку автор несколькими строками выше указывает, что «за злоупотребление властью, про-

машки следовала строгая кара» [4, с. 68]. По некоторым выводам (о том, что лица, соответствующие общепринятым критериям культурности и образованности, «на удивление быстро умерли» [4, с. 68]) доказательства не приводятся. Обращение к биографиям указанных лиц не дает оснований для утверждения об «удивительно быстрой смерти»¹. Можно, конечно, в духе Э. Радзинского и Г. Сванидзе заявить, что на самом деле они все злодейски убиты лично Сталиным, но делать это лучше не в научной публикации. С выводом о качестве советской номенклатуры, в которой «преобладали люди малокультурные», можно было бы согласиться, если бы он подтверждался ссылкой хотя бы на статистические материалы. Отсутствие доказательств порождает обоснованные сомнения и вопросы. Например, каким образом эти «малокультурные люди» сумели обеспечить восстановление страны после двух войн и создать базу для победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.? Причем за те же двадцать с небольшим лет, которые охватывают реформы в современной России. Последние, надо полагать, проводятся людьми, значительно более культурными, но вопрос о том, можно ли достигнутые результаты сопоставить с теми, которые были достигнуты в 20—30-е гг. прошлого века, мы оставим специалистам в области экономики, культуры, науки и т. д. Сделанный автором вывод о начале создания в 1990-е гг. правового социального государства выглядит оправданным с учетом времени выхода статьи (2007).

Следует отметить, что некоторые аспекты темы, поднятой автором, рассматривались и позже, в частности в статье В. А. Шамахова и В. И. Морозова (2012), посвященной проблеме преемственности в подготовке кадров для государственной службы в России [5].

Проблеме соотношения служебного и вотчинного начала в системе служебных отношений формирующегося Московского государства посвящена статья В. А. Ткачука [6]. Актуальность данного вопроса связана с отсутствием у исследователей четкого понимания специфики государственной службы в системе государственной власти и управления. Даже автор смешивает государственную и великокняжескую службу (говоря вначале о вотчинниках, состоявших на обязательной *государственной* службе, а затем — о способах включения «представителей княжеско-боярской корпорации на *великокняжескую* службу») [6, с. 113]. Подобную оговорку можно объяснить тем, что автор исследует вопрос, связанный с формированием элит, а не служебных отношений, но строгость терминологии тем не менее необ-

¹ Для примера приведем информацию, размещенную на сайте Историко-документального департамента МИД России: «В сентябре 1929 г. кремлевский врач Л. Г. Левин, который постоянно наблюдал за здоровьем Чичерина, выехал в Висбаден, где лечился Георгий Васильевич, сделал его осмотр и пришел к заключению, что Чичерин действительно болен и не подлежит транспортировке в Москву. Газета „Известия“ опубликовала 22 октября 1929 г. подробное заключение лечащих врачей о ходе болезни Чичерина, в котором отмечалось: „Можно, однако, надеяться, что при дальнейшем прогрессировании достигнутого уже улучшения через некоторое время будет поднят вопрос о возвращении тов. Чичерина в СССР“ <...> 6 января 1930 г. поезд, на котором его перевезли, прибыл в Москву. Но тяжелая болезнь постоянно давала о себе знать. В июле 1930 г. в связи с резким ухудшением его здоровья он был освобожден от работы, а 7 июля 1936 г. Георгий Васильевич скончался». См. : Соколов В. Неизвестный Чичерин: из рассекреченных архивов МИД РФ // Соколов В. Неизвестный Чичерин. Ч. 1. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/neizvestnyy-chicherin-chast-1/ (дата обращения: 24.02.2026).

ходима, поскольку содержание статьи важно для понимания процесса перехода от государевой к государственной службе и специфики каждой из них. Завершение формирования общегосударственной политической элиты автор связывает с XVI в., причем отмечает доминирование в этом процессе служебных отношений, или, по терминологии автора, «службы над вотчиной» [6, с. 115]. Но отсюда следует, что только с XVI в. можно говорить о появлении (или даже только зарождении) элементов государственной службы, но никак не ее системы, поскольку сохранялась система местнических счетов, не соответствовавшая принципам организации государственной службы. Создание *системы* государственной службы происходит значительно позже.

Отдельные публикации посвящены современной государственной службе и ее истории (1990-е гг. и 2000-е гг.). Так, в статье А. Трухачевой характеризуются основные направления реформирования системы государственного управления [7]. Оценивая сделанные выводы, следует учитывать, что статья написана в 2008 г., поэтому исходные тезисы авторов, характеризующие направления реформы — возможность использования конституционных прав, повышение спроса с чиновников обществом за качество их работы, социальный характер государства и т. д. [7, с. 5] — могут быть приняты в качестве декларации, идеала, а не текущих целей. Тем не менее интересны в плане сопоставления с современностью приводимые в статье данные об отношении народа к власти и ее агентам (представление о чиновниках как об особом сословии с особым образом жизни, заинтересованных в увеличении собственного богатства несмотря на низкий уровень жизни народа) выявленное в ходе социологического опроса института социологии РАН [7, с. 6]. Характеризуя тенденции развития современных систем управления, автор выделяет в качестве главных введение рыночных механизмов в организацию деятельности государства, замену концепции административного государства концепцией эффективного государства, однако отмечает существование определенных сомнений в возможностях их внедрения в России, поскольку современные российские чиновники не дотягивают даже до уровня веберовской модели бюрократии [7, с. 6]. Выделенные автором проявления несовершенства системы государственной службы (отсутствие ожидаемых результатов реформы государственной службы [7, с. 8], единичные случаи, когда какого-то высокопоставленного чиновника с позором выгоняли с работы [7, с. 9], игнорирование властью и аппаратом управления интересов и прав граждан [7, с. 10] и др.), в силу чего остается непреодоленным отчуждение общества и бюрократии, наблюдаются и сегодня.

Ряд публикаций посвящен истории отдельных ведомств или направлений деятельности государства в сфере управления. Так, С. И. Крупинова рассматривает недостаточно освещенный в научной литературе вопрос, связанный с изучением процесса эволюции гражданской службы, — включение в систему государственного управления женщин [8]. Эта проблема исследуется на примере финансового ведомства, в деятельности которого в конце XIX — начале XX в. прослеживался ряд новаций, отражающих поиск путей реформирования гражданской службы и приспособления ее к развивающимся буржуазным отношениям. К таким нововведениям отно-

сится и разрешение женщинам поступать в число служащих «по вольному найму». Интересным представляется отмеченное автором различие между вольнонаемными и полноправными государственными служащими: «...если мужчины... служили государю императору... то женщины служили ведомству...» [8, с. 57]. К сожалению, в статье отсутствуют ссылка на мемуары первой служащей женщины — А. Н. Фесюковой, которые, возможно, являются ценным источником по истории государственной службы. Недостаточно затронута и положение женщин-служащих в годы Первой мировой войны, а между тем в этот период в их положении могли происходить существенные изменения, поскольку на государственном уровне вновь поднимался и ранее обсуждавшийся вопрос о привлечении женщин на самостоятельные должности в системе государственной службы. Автор статьи рассматривает также изменения, произошедшие в положении женщин-служащих после Великой Октябрьской социалистической революции, обеспечившей равенство прав мужчин и женщин, в том числе при поступлении на государственную службу. Помимо этого, принимались меры по совершенствованию их общеобразовательной и специальной подготовки, расширялись возможности участия в общественной и культурной жизни и др. В статье приводится множество интересных фактов, однако без соответствующих ссылок, что снижает ценность публикации.

Одна из граней обширной и широко освещенной в литературе темы правового регулирования государственной службы затрагивается в статье Е. В. Поздняковой [9]. Ограничиваясь ведомством внутренних дел, автор охватывает широкий (на наш взгляд, даже слишком широкий) периоды — с Древней Руси до конца советского периода. Здесь автор допускает типичную ошибку, встречающуюся во многих работах, — прямое отождествление возникновения государственной службы с возникновением государства. Данный тезис может быть принят только отчасти. Если государственная служба не может существовать без государства (что очевидно), то государство может существовать без государственной службы, поскольку последняя предполагает специфические связи и отношения, возникающие уже после того, как государство пройдет ряд стадий в своем развитии. Исходная позиция предопределяет и другие недостатки работы, например неудачный выбор периодизации. Этот момент мы подробно разбирали в других публикациях [1—3], поэтому здесь ограничимся констатацией очевидного факта: изучение государственной службы (тем более в рамках конкретного ведомства) в пределах деления отечественной истории на досоветский, советский и постсоветский период — занятие бесперспективное, так как получаемая картина будет настолько общей, что исследователи мало что смогут из нее почерпнуть. Еще более сомнительной выглядит ее трактовка как общепринятой: «Так, общепринятым считается выделение в развитии государственной службы трех крупных периодов: дореволюционного, советского, постсоветского». Подобное совершенно неверное утверждение встречается во многих работах. В советское время такое упрощенное деление отечественной истории на этапы применялось крайне редко и, скорее, в публицистических, нежели научных изданиях. Если исходить из этапов развития государства,

то в досоветской истории можно выделить догосударственный (первобытнообщинный), разделявшийся на этапы, раннефеодальный (Киевская Русь), период феодальной раздробленности, период существования русского централизованного государства, имперский, позднимперский и т. д., в советский период — период диктатуры пролетариата и общенародного государства¹. При исследовании иных проблем применялась соответствующая периодизация, адекватная поставленным исследовательским задачам. Многих ошибок можно было бы избежать, если бы автор использовал специальную литературу, а не учебные пособия². Видимо, понимая сомнительность исходных посылок, автор делает ряд высказываний, позволяющих понять, что государственная служба и государство — явления связанные, но не совпадающие по времени возникновения, в том числе прямое указание: «Начало государственной службы в России часто отсчитывают от Петра, а именно — от 24 января 1722 г., когда он ввел в действие знаменитую (или знаменитый. — В. З.) „Табель о рангах...”» Непонятно, почему автор не взял за основу периодизации именно эту дату, которая значительно больше подходит под понятие «общепринятой», когда речь заходит о государственной службе. Упомянем еще один тезис, требующий обязательного комментария. Речь идет о неоправданном сужении полномочий ведомства внутренних дел в дореволюционный период. Автор сводит их к двум блокам вопросов: борьбе с противниками существовавшей власти и охране общественного порядка. В этой связи он отмечает: «Созданное Александром I министерство внутренних дел России было самым многофункциональным из восьми образованных министерств» (3 страница от начала электронной публикации. — В. З.). Здесь необходимо отметить, что перечисленные выше задачи составляли только часть компетенции министерства. Главная задача заключалась в обеспечении общедминистративного управления. О широте компетенции говорит и предпринятая в XIX в. попытка создания, наряду с МВД, специального министерства полиции.

К достоинствам работы следует отнести упоминание (правда, без ссылок) некоторых документов, регламентировавших положение государственных служащих в советское время, и специальных нормативных актов, касающихся МВД. Хотя и здесь присутствуют как минимум спорные утверждения, например, тезис о том, что вся кадровая политика, «от подготовки и подбора кандидатов на должности до увольнения, и служебные отношения строились по усмотрению вышестоящего лица». Сомнения порождает хотя бы тот факт, что в советское время существовала система обязательного распределения выпускников высших и специальных учебных заведений. Руководитель, к которому прибывал выпускник, был *обязан* принять его на службу (работу), обеспечить жильем и т. д. Возможно, что в ор-

¹ Может быть, данная периодизация нуждается в корректировке, но этому должна предшествовать серьезная исследовательская работа и обсуждение в научном сообществе. Однако советская история сегодня изучается недостаточно. Взвешенному решению проблемы мешает также и сильная политизированность темы, связанная с антисоветизмом.

² Разбор используемого в качестве источника учебного пособия требует отдельной публикации. Мы не считаем возможным указывать его название, чтобы уменьшить возможность тиражирования приводимой в нем, на наш взгляд, спорной информации.

ганах МВД наблюдалась некоторая специфика, но мы не рискуем утверждать, что и увольнение зависело только от воли вышестоящего лица. Вызывают интерес и воспроизведенные в работе сопоставления современной и досоветской государственной службы, сделанные В. М. Манохиним.

Деятельность архивной службы на примере Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа стала темой статьи Л. В. Набоковой [10]. Термин «служба» здесь используется в специфическом значении, однако мы сочли возможным включить данную публикацию в число рассматриваемых. Информация, содержащаяся в исследовании, представляет интерес и сама по себе, и особенно при сопоставлении с аналогичными публикациями о других архивных службах, рассмотренных нами в работе об ином периоде. Автор отмечает внимание центральных органов печати к проблемам местных архивов, но некоторые вопросы, например изменения, происходившие после включения архивной службы в систему НКВД, не рассматриваются, хотя и приводятся примеры участия местных властей в организации хранения документов, особенно после выведения архивных служб из ведения МВД. Несмотря на наличие фотографий, данная публикация имеет меньшую научную ценность, так как не содержит ссылок на источники и архивные материалы.

Архивной службе посвящена и статья Н. К. Коробейниковой о деятельности «архивистов республики по популяризации архивных фондов», организации «издательской деятельности и введению в научный оборот источников по истории Удмуртии» [11]. Автор отмечает, что создание архивов в Удмуртии началось «с нулевого цикла», на базе декретов Совнаркома 1918—1919 гг. о централизации архивного дела. Благодаря принятым решениям удалось сохранить документы дореволюционных учреждений XVIII—XIX вв., началось создание сети уездных архивных бюро. Характеризуя последствия передачи архивов в НКВД, автор отмечает, что, несмотря на ограничение направлений исследований, в это время «была проделана колоссальная работа по организации государственного учета документов Архивного фонда» [11, с. 94]. Значительный объем работ проводился и в послевоенное время — в 1960—1980-е гг. С 1982 г. более активно начали формироваться личные архивы. Эта работа продолжалась и в 1990-е гг.

В группу публикаций, посвященных государственной службе в отдельных регионах, вошла только одна — посвященная санитарной службе в Пермском крае [12]. Она оставлена вне рассмотрения, как узкоспециализированная.

В отдельную тематическую группу нами выделены статьи, посвященные истории гражданской службы в других странах. Так, переводная статья А. Блэкмана посвящена развитию государственной службы здравоохранения Великобритании [13]. Упомянув эту статью, мы отказываемся от ее анализа в связи со специализированным характером медицинской службы. Единственное, на что считаем нужным обратить внимание, это то, что в Великобритании развитие медицинской службы шло от частных компаний к бесплатной доступной медицине, а в современной России, наоборот, — от бес-

платной общедоступной медицины, к частной, платной и доступной ограниченному кругу лиц.

Значительный интерес вызывает статья В. В. Сажинной и Д. Е. Тагунова, анализирующая опыт борьбы с бюрократизмом в различных странах на основе метода исторической реконструкции [14]. Отмечая, что «без людей, умеющих управлять, цивилизованное общество существовать не может» [14, с. 95], авторы приводят примеры систем управления без бюрократии и бюрократизма, а также выдвигают тезис принципиальной несовместимости подлинного народовластия и бюрократии [14, с. 96]. Справедливо полагая, что засилье бюрократии нельзя связывать только с советским наследием, авторы акцентируют внимание на необходимости реальной силы общественного мнения, верховенства закона и других широко декларируемых, но нереализуемых факторов сдерживания бюрократизма. Анализируя имеющийся опыт борьбы с бюрократизмом в других странах, авторы, прямо не говоря об этом, приходят к выводу об опасности абсолютизации тех или иных мер. Так, отмечая негативные последствия для государственной службы Великобритании монополизации «высшего эшелона госслужбы выпускниками... Оксфорда и Кембриджа» [14, с. 96], они обращают внимание на то, что «частая смена чиновников... это потеря части квалифицированных кадров» [14, с. 97]. Не является панацеей и замещение должностей по конкурсу. Представляют интерес для анализа приводимые в работе определения понятий, используемых в Великобритании, и вывод о невозможности обеспечить политический нейтралитет государственных служащих. Особого внимания в плане использования материалов публикации заслуживает заключение о недостатках рыночной модели организации государственной службы в Великобритании (нарушение управленческой этики, корпоративности персонала, усложнение структуры государственной службы и т. д.) [14, с. 99]. Авторы ссылаются на ряд зарубежных материалов по организации государственной службы, но ценность публикации снижена использованием в качестве источника учебных пособий.

Следующая тематическая группа — персоналии — объединяет публикации о конкретных лицах и фамилиях, связанных с государственной службой в прошлом. Сюда отнесена публикация О. И. Амурской, связанная с деятельностью А. А. Безбородко, которого автор статьи характеризует как «новый тип бюрократа конца XVIII века, продвигавшийся по служебной лестнице благодаря своим талантам и способностям, а не распространенному в то время фаворитизму и высокому положению рода» [15]. Отнесение публикации к данной группе имеет некоторую долю условности, поскольку статья имеет историографический характер, т. е. речь в ней идет не столько о самом А. А. Безбородко, сколько о тех, кто освещал его деятельность в научных публикациях. В этом плане название статьи нам кажется не совсем удачным. В рамках темы нашего исследования интересны выводы, относящиеся к оценке историографии в тот или иной период. В частности, представляется важным заключение, касающееся современной литературы, посвященной А. А. Безбородко, которая «в некоторых случаях... не внушает полного доверия». Причину этого автор публикации связывает с появлением такого жанра худо-

жественно-публицистической литературы (уровень нашего знакомства с ним не позволяет отнести его к научной), как роман-исследование, «основанного, безусловно, на определенном фактическом материале, но в большинстве случаев не содержащего ссылок на используемый материал. Нередко в них приводятся цитаты из упомянутых работ, которых там нет, искажаются фамилии, а спорные или вовсе не доказанные факты выдаются за данность» (с. 9 электронного документа, нумерация печатного оригинала отсутствует. — В. 3.). Сделанный автором вывод согласуется с результатами, полученными нами в ходе анализа журнальных публикаций. Хотя они по своему объему и не могут быть отнесены к роману, но отмеченные элементы ненаучности отчетливо просматриваются и в некоторых из них. Содержащийся в статье перечень источников, в частности мемуарных, может представлять не только общеисторический, но и специальный интерес, так как в них могут отражаться нюансы организации и функционирования государственной службы (в частности, придворной), не отраженные в делопроизводственных документах.

В заключение считаем необходимым остановиться на публикации Н. И. Смоленского, посвященной проблеме соотношения обучения и исследования применительно к области историографии [16]. Публикация посвящена выходу учебного пособия, подготовленного коллективом историков Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации с привлечением ученых Института российской истории РАН [17]. Необходимость упоминания данной статьи возникла в связи с тем, что в последние годы, как показал проделанный нами анализ публикаций, наблюдаются две тенденции: во-первых, исследователи начинают использовать учебные пособия как источник научной информации; во-вторых, качество учебных пособий снижается, в них используется не научная информация, отражаются субъективные воззрения авторов, не принятые в качестве истины научным сообществом. Указанные обстоятельства делают необходимым обращение к базовым, в том числе философским, историческим исследованиям и учебным пособиям. При этом, видимо учитывая современные реалии, Н. И. Смоленский вынужден обращать внимание на такие моменты, которые должны быть известны любому исследователю: на различие методологии и методики, их соотношение, достоверность источников и т. д. Некоторые положения работы, относящиеся к исторической науке в целом, применимы и для исследований по истории государственной службы. К ним можно отнести требование изучать историю «такой, какой она произошла, даже если кому-то это очень не нравится... история, прошлое только в единственном числе» [16, с. 9]; указание на необходимость полноценного научного исторического знания: «фрагментаризация памяти делает историческое сознание разорванным, клочкообразным, лишает индивида и людские массы, даже если речь идет о миллионах, возможности адекватно реагировать на происходящее, ориентироваться в настоящем, что делает их предметом манипуляций тех или иных общественных сил и целей» [16, с. 11]; требование сохранения преемственности в развитии науки, актуальность марксистской методологии исследования [16, с. 12] и др.

В завершение сделаем следующие выводы, имеющие, еще раз подчеркнем, частный характер:

1. При отборе публикаций с использованием заданных критериев поиска наблюдается меньший интерес исследователей к проблемам истории государственной службы нежели в последующий период.

2. В имеющихся публикациях наблюдаются попытки рассмотрения новых аспектов темы, актуальных в связи с проводимыми реформами (формирование корпоративной культуры, реформирование государственной службы в условиях перехода на путь буржуазных отношений, средства борьбы с бюрократизмом, пути реформирования государственной службы и др.). Однако уровень раскрытия поднятых проблем не всегда соответствует степени их актуальности вследствие не только новизны, но и слабой общетеоретической базы, а также, в ряде случаев, политической конъюнктуры.

3. Общей сохраняющейся проблемой можно считать слабость методологической базы. Авторы сравнительно редко раскрывают методологию исследования. На наш взгляд, это является следствием сложившихся в исторической науке традиций предшествующего (советского) периода ее развития, когда такое упоминание не являлось обязательным, поскольку существовала общая методология, которой придерживалось подавляющее большинство (если не все) исследователей. Отсутствие сегодня общих методологических установок затрудняет проведение исследований, анализ и проверку их результатов.

4. В рассматриваемый период (а также и в дальнейшем) отчетливо прослеживаются последствия нарушения преемственности в развитии науки. Авторы отказываются от основ, на которых строилось изучение отечественной истории, используют иной понятийный аппарат, начинают создавать собственные конструкции, далеко не всегда научно обоснованные. Серьезным недостатком, на наш взгляд, является и использование учебных пособий вместо специальной литературы и источников при подготовке публикаций, а также нарушение формальных требований, предъявляемых к научным публикациям (наличие ссылок на источники, адекватность терминологии, способов анализа источников и т. д.).

Список источников

1. Зубов В. Е. История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ). Ч. I // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 4 (36). С. 9—7.
2. Зубов В. Е. История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ). Ч. II // Вестник гуманитарного образования. 2025. № 3 (39). С. 85—91.
3. Зубов В. Е. История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ): ведомственный аспект и ведомственная политика государства // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3 (11). С. 77—94.
4. Шедий М. В. Особенности формирования корпоративной культуры российской государственной службы // Вопросы культурологии. 2007. № 7. С. 66—70.
5. Шамахов В. А., Морозов В. И. Подготовка кадров государственных служащих в России: к вопросу о преемственности // Управленческое консультирование. 2012. № 1 (45). С. 5—17.

6. Ткачук В. А. О соотношении служилого и вотчинного принципов в Московском государстве // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4—1 (56). С. 113—116.
7. Трухачева А. Направления реформирования системы государственного управления // Обозреватель = Observer : научно-аналитический журнал. 2008. № 1 (216). С. 5—11.
8. Крупинова С. И. История службы женщин в Государственном банке // Деньги и кредит. 2010. № 3. С. 56—59.
9. Позднякова Е. В. История правового регулирования государственной службы в органах внутренних дел России // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 101—107.
10. Набокова Л. В. «В Березове находится редкий архив...» Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа в истории архивной службы Югры // Вестник архивиста. 2008. № 2. С. 93—106.
11. Коробейникова Н. К. Архивный фонд Удмуртии — национальное достояние и информационный ресурс по истории республики // Вестник архивиста. 2008. № 3. С. 93—102.
12. Сбоев А. С., Хорошавин В. А., Бугаева О. А. История становления и развития государственной санитарной службы в Пермском крае // Здоровье населения и среда обитания — ЗНисО. 2007. № 8 (173). С. 42—46.
13. Блэкман А. История государственной службы здравоохранения Соединенного королевства / пер. П. Зайцева // Медицинская сестра. 2009. № 3. С. 40—43.
14. Сажина В. В., Тагунов Д. Е. Опыт борьбы с бюрократизмом в регулировании института государственной службы: историко-правовые аспекты // Проблемы управления. Минск, 2006. № 3 (20). С. 95—100.
15. Амурская О. И. Историографические и источниковедческие аспекты деятельности А. А. Безбородко // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2009. № 4 (25). С. 36—52.
16. Смоленский Н. И. Философские основы российской историографии: проблемы обучения и исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2009. № 1. С. 3—20.
17. История и философия отечественной исторической науки : учеб. пособие / науч. ред. Р. Г. Пихоя, А. А. Чернобаев. М. : Изд-во РАГС, 2006. 344 с.

References

1. Zubov V.Ye. History of civil service in scientific publications from 2011 to 2015 (based on the Russian Science Citation Index), part I, Bulletin of Humanities Education, 2024, no. 4 (36), pp. 9-7.
2. Zubov V.Ye. History of civil service in scientific publications from 2011 to 2015 (based on the Russian Science Citation Index), part II, Bulletin of Humanities Education, 2025, no. 3 (39), pp. 85-91.
3. Zubov V.Ye. History of civil service in scientific publications from 2011 to 2015 (based on the Russian Science Citation Index), Siberia Humanitaria, 2025, no. 3 (11), pp. 77-94.
4. Shedii M.V. Specificity of corporate culture development of the Russian civil service, Issues of Cultural Studies, 2007, no. 7, pp. 66-70.
5. Shamakhov V.A., Morozov V.I. Training of civil servants in Russia: On the issue of continuity, Management consulting, 2012, no. 1 (45), pp. 5-17.
6. Tkachuk V.A. O On the relationship between the service and patrimonial principles in the Muscovite state, News of Altai State University, 2007, no. 4-1 (56), pp. 113-116.
7. Trukhacheva A. Directions for reforming the public administration system, Obozrevatel = Observer, nauchno-analiticheskii zhurnal, 2008, no. 1 (216), pp. 5-11.
8. Krupinova S.I. History of women's service in the State Bank, Money and Credit, 2010, no. 3, pp. 56-59.
9. Pozdnyakova Ye.V. History of legal regulation of civil service in the internal affairs bodies of Russia, Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010, no. 1, pp. 101-107.

10. Nabokova L.V. "Beryozovo contains a rare archive..." The State Archives of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the history of the archival service of Yugra, *Archivist's Bulletin*, 2008, no. 2, pp. 93-106.
11. Korobeinikova N.K. The Udmurtia Archival Fund is a national treasure and information resource on the history of the republic, *Archivist's Bulletin*, 2008, no. 3, pp. 93-102.
12. Sboev A.S., Khoroshavin V.A., Bugaeva O.A. The history of building and development of the state sanitary service in the Perm region, *Population Health and Environment - ZNISO*, 2007, no. 8 (173), pp. 42-46.
13. Blekman A. History of the National Health Service in the United Kingdom, *Nurse*, 2009, no. 3, pp. 40-43. (in Russ.)
14. Sazhina V.V., Tagunov D.Ye. Experience in combating bureaucracy in regulating the institution of civil service: historical and legal aspects, *Management issues*. Minsk, 2006, no. 3 (20), pp. 95-100.
15. Amurskaya O.I. Historiographic and source study aspects of the activities of A.A. Bezborodko, *Bulletin of the Yesenin Ryazan State University*, 2009, no. 4 (25), pp. 36-52.
16. Smolenskii N.I. Philosophical Foundations of Russian Historiography: Problems of Teaching and Research, *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politics*, 2009, no. 1, pp. 3-20.
17. Pikhoya R.G., Chernobaev A.A. (eds.) *History and philosophy of Russian historical research, ucheb. Posobie*. Moscow, Izd-vo RAGS, 2006, 344 p.

Информация об авторе

Зубов Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических наук и международных отношений, ведущий научный сотрудник, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Zubovv27@mail.ru

Information about the author

Vladimir E. Zubov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social and Political Sciences and International Relations, Leading Researcher, Siberian Institute of Management — branch of RANEP, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Zubovv27@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 28.01.2026.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 28.01.2026.

Историография и источниковедение

Научная статья
УДК 325.254.6(47+57)(=112.2)(093)
EDN EARGVP

Воспоминания советских немцев как источник для изучения истории депортации и спецпоселения (1941—1956)

Софья Александровна Симакова

Центральный дом культуры Яшкинского муниципального округа, Кемерово, Российская Федерация, simasofya@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется информационный потенциал источников личного происхождения (воспоминания, мемуары) как инструмента реконструкции истории советских немцев в период депортации и спецпоселения (1941—1956). Актуальность исследования обусловлена необходимостью введения в научный оборот новых исторических источников, позволяющих дополнить официальную картину прошлого «человеческим измерением» — эмоциональным опытом, повседневными практиками и стратегиями выживания депортированного народа. На основе неопубликованных материалов из семейных архивов российских немцев, оказавшихся в Сибири, автор выделяет три хронологических этапа, зафиксированных в мемуарах: депортация и путь в Сибирь (1941—1942), мобилизация в трудовую армию (1942—1948) и жизнь на спецпоселении (до 1956 г.). Особое внимание уделяется проблеме субъективности воспоминаний, обусловленной травматическим опытом, временной дистанцией и возрастными особенностями авторов. В статье показано, что, несмотря на фактологические неточности, требующие уточнения путем критического сопоставления с архивными документами, мемуары содержат уникальную информацию об условиях труда и быта, межнациональных отношениях, психологическом состоянии спецпоселенцев и их борьбе за сохранение своей идентичности. Делается вывод о высокой ценности источников личного происхождения для изучения социально-экономических и культурно-психологических аспектов истории российских немцев. Автор констатирует, что несмотря на субъективизм, данный вид источников важен для осмысления истории не только российских немцев, но и всего советского периода истории страны, так как данные источники содержат уникальную информацию о жизни людей. Статья написана на основе ранее не публиковавшихся воспоминаний российских (советских) немцев, собранных Кемеровской региональной ассоциацией общественных объединений «Координационный совет немцев», а также автором статьи. Кроме того, использованы материалы российских ученых, изучавших воспоминания как исторический источник.

Ключевые слова: советские немцы, воспоминания, мемуары, депортация, спецпоселение, трудовая армия, источники личного происхождения, историческая память, Сибирь, Великая Отечественная война

Для цитирования: Симакова С. А. Воспоминания советских немцев как источник для изучения истории депортации и спецпоселения (1941—1956) // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 74—84. EDN EARGVP.

Historiography and source studies

Original article

Memories of Soviet Germans as a Source for Studying the History of Deportation and Special Settlement (1941–1956)

Sofia A. Simakova

Central House of Culture, Yashkinsky Municipal District, Kemerovo, Russian Federation, simasofya@yandex.ru

Abstract The article analyzes the information potential of personal sources (memories, memoirs) as a tool for reconstructing the history of Soviet Germans during the period of deportation and special settlement (1941–1956). The relevance of this study stems from the need to introduce new historical sources into scholarly circulation to supplement the official picture of the past with a “human dimension” – the emotional experiences, everyday practices, and survival strategies of the deported people. Based on unpublished materials from the family archives of Russian Germans who found themselves in Siberia, the authors identify three chronological stages recorded in the memoirs: deportation and the journey to Siberia (1941–1942), mobilization into the labor army (1942–1948), and life in a special settlement (until 1956). Particular attention is paid to the problem of the subjectivity of memories, conditioned by traumatic experience, temporal distance, and age characteristics of the authors. The article shows that, despite factual inaccuracies that require clarification through critical comparison with archival documents, the memoirs contain unique information about working and living conditions, interethnic relations, the psychological state of the special settlers, and their struggle to preserve their identity. A conclusion is drawn about the high value of personal sources for studying the socio-economic and cultural-psychological aspects of the history of Russian Germans. The author states that, despite their subjectivity, this type of source is important for understanding the history of not only Russian Germans but also the entire Soviet period of the country's history, as these sources contain unique information about the lives of these individuals. The article is based on previously unpublished memoirs of Russian (Soviet) Germans, collected by the Kemerovo Regional Association of Public Organizations “Coordinating Council of Germans”, and the author. In addition, it includes materials from Russian scholars who have studied memoirs as a historical source.

Keywords: Soviet Germans, memoirs, deportation, special settlements, labor army, personal sources, historical memory, Siberia, Great Patriotic War

Для цитирования: Simakova S.A. Memories of Soviet Germans as a Source for Studying the History of Deportation and Special Settlement (1941–1956). Siberia Humanitarian. 2026;(1):74—84. (In Russ.). <https://elibrary.ru/eargvp>.

Введение в научный оборот воспоминаний свидетелей исторических событий позволяет реконструировать не только фактологическую канву прошлого, но и его социально-психологическое измерение.

Для истории депортированных народов, в частности советских немцев, источники личного происхождения имеют особую ценность. Они содержат уникальную информацию о жизни человека в экстремальных условиях новой, непривычной среды: его эмоциональном состоянии, стратегиях выживания, повседневных практиках, взаимоотношениях с местным населением и борьбе за сохранение идентичности. В условиях, когда официальные документы фиксируют лишь административно-командную сторону процесса, воспоминания позволяют увидеть «человеческое измерение» трагедии, дополнить историю депортированного народа живыми голосами его представителей.

К анализу мемуарного наследия российских немцев обращался широкий круг отечественных исследователей. Фундаментальный вклад в изучение источников личного происхождения внесли А. А. Герман и О. Ю. Силантьева, редакторы сборников, в которых представлены свидетельства очевидцев и работы исследователей о трагедии и трудовой мобилизации советских немцев [1—3]. Обширные списки высланных из Ленинграда российских немцев ввела в научный оборот И. В. Черказьянова, дополнив их воспоминаниями родственников репрессированных [4]. Екатеринбургский авторский коллектив на материалах Тагиллага и воспоминаний трудармейцев создал электронную базу данных. При этом авторы подчеркивают, что свидетельства очевидцев позволяют приблизиться к реальной картине прошлого и обнаруживают живучесть стереотипов советского человека [5]. Эпистолярное наследие, ходатайства об освобождении российских немцев исследовала Н. М. Маркдорф [6]. Автор обратила внимание на важность исследования источников личного происхождения, эпистолярного наследия в целом для понимания событийной истории, а также отметила, что письма, содержащие личные впечатления, автобиографии и ходатайства об освобождении со спецпоселения являются замечательным источником генеалогической и биографической информации для изучения психологических, бытовых аспектов жизни людей, для определения взаимосвязи между событиями прошлого и современности [7].

В последнее время российские ученые обращаются к такому виду источников личного происхождения, как личные дела, в которых, как правило, содержатся письма — обращения за реабилитацией. На основе изучения личных дел из архивов управлений НКВД по Кемеровской и Новосибирской областям Н. М. Маркдорф проанализировала проблему воссоединения семей, разлученных в результате депортации и мобилизации в трудармию. Анализируя сложный и искусственно затрудненный политикой первого послевоенного десятилетия процесс воссоединения семей, автор приходит к выводам, что воссоединение шло медленно из-за режима спецпоселения, бюрократии и тяжелых условий жизни, а власти часто препятствовали объединению, рассматривая немцев как потенциально враждебный элемент. Воссоединение семей было не столько результатом целенаправленной политики властей, сколько следствием усилий самих спецпоселенцев, искавших родственников после ослабления режима. Данное исследование также основано на документах и воспоминаниях спецпоселенцев [8, с. 234—243].

Проблему патриотизма и вклада немцев в Победу затронула Е. В. Бусырева. Основываясь на семейных архивах и интервью с потомками, она исследовала коллективную память российских немцев о Великой Отечественной войне через призму семейных историй. Автор проанализировала влияние депортации и трудовой мобилизации на формирование особой «травматической» памяти, сохраняемой в устных свидетельствах и семейных преданиях, отличной от представляемой официальной советской историографией. Также она отмечала, что, несмотря на трагедию депортации, советские немцы в большинстве своем демонстрировали патриотизм и внесли весомый вклад в Победу в Великой Отечественной войне [9].

Вопросы депортации, мобилизации и жизни в трудармии, а также частичной реабилитации изучала Е. С. Субботина. Опираясь на воспоминания и архивные материалы, она анализирует трагические судьбы этнических немцев в СССР. Автор использовала воспоминания для раскрытия темы национальной идентичности и повседневной жизни в условиях спецпоселения, в том числе на материалах Молотовской (Пермской) области [10 ; 11]. Исследователь Т. Б. Смирнова изучала полученные ею в ходе этнографических экспедиций воспоминания российских немцев о Великой Отечественной войне [12], а П. П. Петерс опубликовал очерк о судьбе трудармейки Фриды Граф [13]. Данный историографический обзор охватывает лишь часть исследований, посвященный источникам личного происхождения.

Важной характеристикой источников является их двойственная природа. С одной стороны, они относятся к письменным документам (рукописные и машинописные мемуары, письма), с другой стороны, — восходят к устной традиции семейных преданий, что придает им черты устных исторических источников: эмоциональную насыщенность, избирательность, обусловленную особенностями памяти, наличие стереотипизированных образов.

Примечательно, что аналогичные подходы к сбору и публикации свидетельств о трагедии российских (советских) немцев реализуются в крупных научных проектах последних десятилетий. Так, исследователи, работающие над книгами памяти репрессированных российских немцев, подчеркивают значимость исследования первоисточников и применения «междисциплинарного подхода и методики электронных баз данных» для сохранения памяти о пострадавших. Создатели книг памяти сознательно опираются на «все виды источников — как официального, так и персонального происхождения» [14, с. 28—32], стремясь к воссозданию биографий в историческом времени и пространстве.

Целью настоящего исследования является анализ неопубликованных воспоминаний и писем из семейных архивов российских немцев, депортированных в Сибирь. Информационный потенциал этих источников позволяет реконструировать ключевые аспекты повседневной жизни, социально-экономического положения и психологического состояния спецпоселенцев в период с 1941 по 1956 г.

Специфика формирования источниковой базы обусловлена применением методов устной истории и полевой этнографии. Нами были собраны материалы в ходе непосредственного общения с представи-

телями старшего поколения российских немцев, переживших депортацию, а также их потомками, сохранившими семейные архивы и устные предания. Как отмечают исследователи, интервью ветеранов и очевидцев событий признается «самым информативным источником устной истории», позволяющим зафиксировать не только фактические данные, но и эмоционально-психологический контекст эпохи [15].

Основу данной статьи составили неопубликованные мемуары и письма из семейных архивов российских немцев, оказавшихся в Сибири в годы Великой Отечественной войны и находившихся на спецпоселении до 1956 г. Временные рамки ограничены периодом 1941—1956 гг., что соответствует хронологии депортации и спецпоселения советских немцев. В воспоминаниях нами были выделены три периода: этап депортации (1941—1942), направление в трудовую армию (1942—1948) и жизнь на спецпоселении до 1956 г.

При обращении к таким источникам, как воспоминания, мемуары, письма, их следует рассматривать критически, сопоставляя изложенные в них факты с официальными документами. Субъективность воспоминаний советских немцев обусловлена комплексом факторов, включая временную дистанцию, травматический опыт депортации и возрастные особенности авторов. Возрастные особенности проявляются в различной детализации событий: воспоминания бывших подростков акцентированы на бытовых лишениях, в то время как взрослые очевидцы чаще анализируют системные причины происходящего.

Воспоминания часто содержат неточности в указании дат депортации или перемещений между спецпоселениями, что объясняется давностью событий и пережитым потрясением. Травма насильственного переселения часто приводила к эмоциональной гиперболизации отдельных жизненных эпизодов. Эмоциональность играет двоякую роль в интерпретации социально-экономических условий. С одной стороны, передается психологическая атмосфера эпохи, с другой стороны, может искажаться реальность описываемых событий. В источниках личного происхождения и архивных документах можно наблюдать расхождения в географических названиях, которые особенно заметны при сопоставлении индивидуальных историй с ведомственными отчетами и иными официальными документами. Значительное место в мемуарах советских немцев занимает описание процесса депортации в Сибирь, условий переезда, а главное — шокового состояния, которое они испытывали в пути. Ольга Георгиевна Муршель так описывала эти события:

Теплым июньским вечером 1941 г. в сельском клубе собрали общее собрание Ней-Франка. Ария Федоровна возвратилась домой глубоко опечаленной. Олинда запомнила ее горестные слова: «Дети, началась война». Началась мобилизация молодых мужчин, забрали часть колхозных лошадей, в селе прекратились шутки и смех. Вскоре большая часть из мужчин вернулась. Вернулись даже те парни, которые проходили службу в Красной армии. В начале сентября пришло сообщение о выселении всего немецкого села. Сроки на сбор отводили крайне короткие — 13 сентября 1941 года нашу семью из семи человек погрузили на подводу. Мы смогли взять только минимум вещей, самое необходимое. Вместе с односельчанами мы покинули родные места. Там, в родных краях, остались дом, вещи, домашние животные. К вечеру обоз прибыл на железнодорожную станцию

Балланда, где под открытым небом пришлось несколько дней ожидать поезд. Это были первые, но далеко не самые тяжкие испытания. До Омска ехали, как и десятки тысяч немцев, в товарном вагоне. От Омска до Тары плыли по Иртышу на барже. Порывистый северо-западный ветер над сибирской рекой заставлял нас, переселенцев, кутаться в скудную одежду, одеяла, платки. Детей сажали на мешки с пожитками. Взрослые, прикрывая их собой от стужи, располагались кольцом вокруг них. Из Тары в районный центр Колосовка на подводах мы прибыли под вечер. На следующее утро выпал первый снег. Жуткий холод, одежды теплой нет. Всех прибывших распределили по деревням района. Наша семья и еще несколько семей как на телегах, так и пешком, отправились в далекую деревню Годеново, расположенную среди лесов и болот на севере Омской области. А главное, что мы испытывали — это страх и неведение того, что нас ждет. Незнание вселяло ужас в измученных дорогой людей. Оцепенение от боли. Бесконечные страдания. Измученные отцы и матери и смерть ослабленных детей, которых нельзя было даже похоронить¹.

Похожая картина описана Гарри Гейнриховичем Монингером, прошедшим путь от горного мастера до генерального директора Шерегешского рудоуправления, награжденным знаком отличия «Шахтерская слава» трех степеней. Его родители, пережившие депортацию, трудовую, спецпоселение, не дожили до наших дней. До выселения мать Гарри Ольга Ивановна работала учительницей, отец Генрих Давыдович был директором школы. За год до войны отца призвали в РККА и направили в школу политруков, а 28 августа 1941 г. вышел указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Уже 3 сентября его семью выслали в Омскую область. Гарри в ту пору было три года, его сестре Валерии — полтора. Бабушка Екатерина пути не выдержала, умерла. Место ее захоронения неизвестно до сих пор. Вскоре мать вместе с другими женщинами забрали в трудовую в Нижний Тагил. Отца, служившего в дивизии, сформированной из немцев Поволжья, в сентябре 1941 г. сняли с фронта и отправили в Джамбул².

Воспоминания советских немцев детально фиксируют особенности трудовой деятельности в период спецпоселения. Основное внимание их авторы уделяют принудительным работам в трудовой, объектам, где они трудились (лесозаготовки, объекты строительства, шахты, рудники). Условия труда характеризуются отсутствием техники безопасности и минимальным медицинским обслуживанием. Роберт Данилович Науман, которому в 1941 г. было 16 лет, описывает условия своего труда на шахте:

Известно, что труд шахтерский не мед: 12 часов под землей каждые сутки (месяц — в дневную, месяц — в ночную смену). Да и климат — не поволжский. Зимой выходили из шахты мокрыми, спецовка моментально замерзала. Рабочую одежду в сушилках прожаривали, чтобы вшей уничтожить. На ноги надевали кирзовые калоши с деревянными подошвами. Из-за того, что правила безопасности труда далеко не всегда соблюдались, было много обвалов, взрывов метана, гибли люди. А те, кто был постарше, умирали сами от непосильной для них работы и тяжелых душевных переживаний из-за того, что их

¹ Из воспоминаний Ольги Георгиевны Муршель (Олинды Ваккер), записанных Верой Александровной Старовойтовой, руководителем Центра немецкой культуры г. Анжиро-Судженска в 2012 г. Используются с разрешения семьи Муршель.

² Из воспоминаний Гарри Гейнриховича Монингера, записанных Эльвирой Лукьяновной Герман в 2011 г. Используются с личного разрешения потомков Монингера.

насилно разлучили с родными и они ничего не знали об их участи. Но уголь шел на гора, и свой весомый вклад в Победу над фашистской Германией трудармейцы внесли¹.

Бытовые условия спецпоселенцы описывают как крайне тяжелые. Немцев размещали в переполненных бараках, землянках или колючниках. Санитарное состояние таких жилищ способствовало распространению эпидемий тифа и туберкулеза. Из воспоминаний Иоганнеса Иоганновича Рейя:

Наша семья попала в село Шубино в 10 км от г. Бийска. Заселили нас к старушке, которая жила одна в маленьком домике. В доме была только русская печь, одна кровать, маленький столик и одна табуретка. После такой дальней дороги мы все были грязные и со вшами, надо помыться и переодеться. Стали спрашивать у старушки, чем можно топить печь, есть ли в чем греть воду и таз, чтобы помыться? Ответ был один: «У меня ничего нет». Отец, я, сестра и брат пошли собирать бурьян и сухие ветки. Растопили печь, в своем пятилитровом чугушке грели воду, принесенную в своем ведре из речки, и в своем маленьком тазике для купания ребенка помылись и переоделись².

Спецпоселенцы описывают массовые случаи заболевания тифом, туберкулезом, воспалением легких. Многие авторы вспоминают о тяжелом на новом месте моральном состоянии депортированных, которых в большинстве местное население первоначально встретило враждебно.

Весь вечер приходили взрослые и дети посмотреть на немцев, которые напали на СССР, не зная, что эти немцы уже 180 лет живут в Советском Союзе и так же работают в колхозе, как и они².

Мы были вроде и не заключенными, и не свободными. Отмечались в комендатуре, правда, на работу ходили без конвоя. А в сердце такая обида была, что не высказать... Зачем было трогать обрусевших немцев? Фашистских захватчиков мы ненавидели, как и все. А нас и в Казахстане, и в Сибири обзывали фашистами. Ну какие мы фашисты? Мы — простые советские люди-трудяги, горячо любящие свою Родину — СССР и всем сердцем верящие в победу над врагом. Правда, радовало то, что те, с кем мы работали и жили, близко сходились, понимали это и были дружески расположены к нам, советским немцам³.

Воспоминания фиксируют различные стороны повседневности и быта спецпоселенцев. Так, отмечается, что доступ к медицинской помощи был ограничен, прежде всего не хватало квалифицированных специалистов, лекарств в отдаленных районах размещения. Продовольственное снабжение осуществлялось по карточной системе с дифференцированными нормами для разных категорий населения; детский паек составлял 300 граммов хлеба в сутки. По воспоминаниям Ф. И. Геберлейн:

Питание было очень скудным (супы из картошки и капусты, каши на воде, хлеб). Кое-где использовались карточки, на которых писалась категория рабочего и его паек. Условия

¹ Из воспоминаний Роберта Даниловича Наумана, записанных в п. Барзас в 2016 г. Лилией Федоровной Михайловой, руководителем Центра немецкой культуры «Эдельвейс» (г. Березовский Кемеровской области). Используются с личного разрешения потомков Р. Наумана.

² Из воспоминаний Иоганнеса Иоганновича Рейя, записанных Софьей Александровной Симаконвой. Публикуются с личного разрешения членов его семьи.

³ Из воспоминаний Роберта Даниловича Наумана.

работы были крайне тяжелыми, бывало, не выдавали спецодежду, работали в том, что успели взять дома. Особенно тяжелыми выдались первые годы, но после 1943 года стало легче. Работали под лозунгами: «Все для фронта! Все для победы!» Невыполнение нормы, как правило, каралось сокращением без того скудного рациона питания, несоблюдение же распорядка каралось очень жестоко. Смертность среди трудармейцев была очень высокая. Зиму пережили, но от полутора тысяч немцев в нашем поселке осталось примерно человек 150, остальные умерли от истощения или от болезней (Цит. по: [7, с. 22—23]).

Все авторы воспоминаний отмечают, что семьи испытывали необычайные материальные, финансовые, жилищно-бытовые проблемы, которые осложнялись страхом за жизнь и будущее детей.

В комнате нас находилось 18 человек, спали на полу в два ряда, в тесноте, без подушек и одеял. Сменной одежды не было, в чем работали в шахте, в той же одежде и спали. Умывались куском глины. Те бараки, в которых мы жили, были под охраной, огражденные колючей проволокой. В конце 1943 года с питанием стало лучше, первый раз получили спецодежду и стали давать кусок мыла на месяц, который я променивал у местных жителей на ведро картошки. Как помню, у моей матери на каждое утро была одна проблема, чем накормить детей. Постоянный страх преследовал ее всегда¹.

Наличие приусадебных участков позволяло выращивать картофель и овощи. Многие, чтобы выжить, за еду помогали местным жителям на сельскохозяйственных работах. Натуральный обмен вещей на продукты стал распространенной практикой в условиях товарного дефицита. Так, юной Олинде запомнились слова матери, сказанные однажды соседке: «Пока у меня есть хоть одна тряпка, которую можно выменять на свеклу или картошку, я не дам погибнуть своим детям»¹.

Адаптироваться к неустроенности быта помогали те профессиональные навыки и умения, которыми обладали переселенцы. Своими руками они изготавливали домашнюю утварь и мебель, которые часто шли в обмен на продукты, да и служили семьям в их повседневной жизни. Многие трудармейцы писали о сострадании и помощи соседей, односельчан нуждающимся семьям немцев продуктами питания, обувью и одеждой, при этом сами они испытывали крайнюю нужду.

Таким образом, краткий анализ корпуса неопубликованных воспоминаний советских немцев позволяет сформулировать следующие обобщающие положения.

Мемуары (воспоминания), как и письма, являются незаменимым источником для изучения тех аспектов истории депортации, которые остаются «немыми» в официальных документах. Они фиксируют не только хронологию событий, но и эмоциональную атмосферу эпохи, субъективное восприятие травмы насильственного переселения народа отдельной личностью, а также повседневные практики выживания людей, что позволяет реконструировать историю российских немцев.

¹ Из воспоминаний Владимира Адольфовича Кина, записанных Софьей Александровной Симаковой в 2016 г. Используются с личного разрешения семьи Кин.

¹ Из воспоминаний Ольги Георгиевны Муршель (Олинды Ваккер).

Представленная в статье источниковая база сформирована в русле современных методологических подходов, сочетающих традиционный источниковедческий анализ с методами устной истории и практиками сохранения семейной памяти. Это позволяет не только ввести в научный оборот новые, ранее неизвестные свидетельства, но и обеспечить их корректную интерпретацию с учетом специфики источников личного происхождения.

В проанализированных текстах отчетливо выделяются три сквозные темы, соответствующие основным этапам трагедии: шок и потери на этапе депортации; физическое и моральное истощение в условиях трудармии; многолетняя борьба за выживание в условиях голода, бытовой неустроенности; сохранение человеческого достоинства на спецпоселении.

Вопреки распространенному стереотипу о тотальной враждебности, воспоминания демонстрируют сложную динамику взаимоотношений с местным населением: от первоначального отчуждения и обвинений в фашизме до установления тесных дружеских и хозяйственных связей, взаимопомощи и сострадания, что сыграло роль в физическом выживании депортированных.

Необходимость комплексного подхода к источникам личного происхождения диктуется субъективным характером мемуаров, который проявляется в неточностях дат и эмоциональной гиперболизации, что, однако, не является их недостатком, а выступает специфическим свойством. Сопоставление их с архивными документами позволяет верифицировать данные и выйти на новый уровень понимания исторического прошлого.

Список источников

1. Навечно без права возврата: очевидцы и исследователи о немецком спецпоселении в СССР : сб. науч. ст. и воспоминаний / под ред. А. А. Германа, О. Ю. Силантьевой. М. : МСНК-пресс, 2015. 352 с.
2. Выселить с треском: очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев : сб. науч. ст. и воспоминаний / под ред. А. А. Германа, О. Ю. Силантьевой. М. : МСНК-пресс, 2011. 352 с.
3. В рабочие колонны на все время войны: очевидцы и исследователи о немцах в трудовой армии : сб. науч. ст. и воспоминаний / под ред. А. А. Германа, О. Ю. Силантьевой. М. : МСНК-пресс, 2012. 352 с.
4. Черказьянова И. В. Списки выселенных из Ленинграда и Ленинградской области немцев в отдаленные районы страны (1942 г.) // Немцы в Санкт-Петербурге. Вып. 4. СПб., 2004. С. 321—348.
5. Книга памяти советских немцев — узников Тагиллага. Гордое терпенье / авт.-сост.: В. М. Кириллов, П. М. Кузьмина, А. Я. Цейзер, С. Л. Разинков. [Ниж. Тагил] : Черепанов Н. В., 2004. 715 с.
6. Маркдорф Н. М. Письма советских немцев-спецпоселенцев как исторический источник // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2022. № 1 (11). С. 91—101. DOI 10.33466/2500-0063-2022-1(11)-91-101. EDN XIBLMY.
7. Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области: 1940—1950-е годы / авт.-сост. Н. М. Маркдорф. СПб. : Нестор-История, 2017. 224 с. EDN XYQMXJ.
8. Маркдорф Н. М. Проблема воссоединения семей российских немцев в 1941—1956 гг.: по материалам личных дел // Немцы России в общественно-политической

- жизни страны (XVIII—XXI вв.) : материалы 16-й междунар. науч. конф., Москва, 27—31 октября 2016 г. М. : РусДойч Медиа, 2017. С. 234—243. EDN XYQMXJ.
9. Бусырева Е. В. Воспоминания потомков российских немцев о годах войны (по материалам этнографического исследования) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 2. С. 173—185.
 10. Субботина Е. С. Советские немцы: депортация, трудармия, частичная реабилитация (1941—1956 гг.) // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 122—126.
 11. Субботина Е. С. Национальная идентичность советских немцев в годы Великой Отечественной войны и жизни на спецпоселении в 1942—1956 гг. (по материалам Молотовской (Пермской) области) // Вестник Пермского научного центра. 2024. № 5. С. 93—98.
 12. Смирнова Т. Б. Воспоминания российских немцев о войне (по материалам этнографических экспедиций) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков : материалы XIII междунар. науч. конф. (Москва, 21—23 окт. 2010 г.). М. : МСНК-пресс, 2011. С. 350—354.
 13. Трудовая армия в Прикамье. Воспоминания бывших трудармейцев / сост. П. П. Петерс. Пермь : Типография купца Тарасова, 2010. 104 с.
 14. Кириллов В. М. Книги памяти репрессированных российских немцев: особенности историографической модели // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 3. С. 28—32. DOI: 10.14529/ssh190304.
 15. Пяткова Н. Д. История прокуратуры Чувашской республики по источникам личного происхождения // Среда. URL: <https://phsreda.com/e-articles/10264/Action10264-98389.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).

References

1. German A.A., Silanteva O.Yu. (eds.) Forever without the right of return: eyewitnesses and researchers on the German special settlement in the USSR, sb. nauch. st. i vospominanii. Moscow, MSNK-press, 2015, 352 p.
2. German A.A., Silanteva O.Yu. (eds.) Evicted with a bang: eyewitnesses and researchers on the tragedy of Russian Germans, sb. nauch. st. i vospominanii. Moscow, MSNK-press, 2011, 352 p.
3. German A.A., Silanteva O.Yu. (eds.) Into labor columns for the duration of the war: eyewitnesses and researchers about Germans in the labor army. Moscow, MSNK-press, 2012, 352 p.
4. Cherkazyanova I.V. Lists of Germans deported from Leningrad and the Leningrad region to remote areas of the country (1942), Germans in St. Petersburg, iss. 4. Saint Petersburg, 2004, pp. 321-348.
5. Kirillov V.M., Kuzmina P.M., Tseizer A.Ya., Razinkov S.L. Book of Remembrance of Soviet German Prisoners of Tagillag. Proud Patience, [Nizhny Tagil], Cherepanov N.V., 2004, 715 p.
6. Markdorf N.M. Letters of Soviet German special settlers as a historical source, Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans, 2022, no. 1 (11), pp. 91-101. DOI 10.33466/2500-0063-2022-1(11)-91-101. EDN XIBLMY.
7. Markdorf N.M. (ed.) Leningrad Germans in a special settlement in the Kemerovo region: 1940s—1950s. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017, 224 p. EDN XYQMXJ.
8. Markdorf N.M. The problem of family reunification of Russian Germans in 1941-1956: based on personal files, Germans of Russia in the socio-political life of the country (XVIII-XXI centuries), materiali 16-i mezhdunar. nauch. konf., Moscow, 27-31 October 2016. Moscow, RusDoich Media, 2017, pp. 234-243. EDN XYQMXJ.
9. Busireva Ye.V. Memories of the descendants of Russian Germans about the war years (based on ethnographic research), Bulletin of Omsk University. Series: History, 2015, no. 2, pp. 173-185.

10. Subbotina Ye.S. Soviet Germans: deportation, labor army, partial rehabilitation (1941–1956), *Issues of history*, 2011, no. 9, pp. 122–126.
11. Subbotina Ye.S. National identity of Soviet Germans during the Great Patriotic War and life in special settlements in 1942–1956 (based on materials from the Molotov (Perm) region), *Bulletin of the Perm Scientific Center*, no. 5, 2024, pp. 93–98.
12. Smirnova T.B. Memories of Russian Germans about the war (based on materials from ethnographic expeditions), *Civil identity and the inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the historical memory of their descendants*, *materiali XIII mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 21–23 October 2010)*. Moscow, MSNK-press, 2011, pp. 350–354.
13. Peters P.P. The Labor Army in the Kama Region: Memories of Former Labor Army Members. Perm, Tipografiya kuptsa Tarasova, 2010, 104 p.
14. Kirillov V.M. Books of Remembrance of Repressed Russian Germans: Features of the Historiographic Model, *SUSU Bulletin. Series: Social Sciences and Humanities*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 28–32. DOI: 10.14529/ssh190304.
15. Pyatkova N.D. History of the Prosecutor's Office of the Chuvash Republic based on personal sources, *Sreda: Publishing House*. Available at: <https://phsreda.com/e-articles/10264/Action10264-98389.pdf> (accessed: 12.02.2026).

Информация об авторе

Симакова Софья Александровна — директор Центрального дома культуры Яшкинского муниципального округа, председатель Кемеровской региональной ассоциации общественных объединений «Координационный совет немцев», член совета по делам национальностей при губернаторе Кемеровской области — Кузбасса, Кемерово, Российская Федерация. E-mail: simasofya@yandex.ru

Information about the author

Sofia A. Simakova — Director of the Central House of Culture of Yashkinsky Municipal District, Chair of the Kemerovo Regional Association of Public Organizations “Coordinating Council of Germans”, Member of the Council on Nationalities under the Governor of Kemerovo Oblast-Kuzbass, Kemerovo, Russian Federation. E-mail: simasofya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

НАУКА И КУЛЬТУРА SCIENCE AND CULTURE

Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 85—96.
Siberia Humanitarian. 2026;(1):85—96.

Наука и культура

Научная статья
УДК 791.43(510):327.8
EDN BZEBER

Китайская романтическая дорама как продукт стратегической культурной политики Китая

Татьяна Вячеславовна Савина^{1✉}, Карина Игоревна Илларионова²

^{1, 2} Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ savina-tav@ranepa.ru ✉

² illarionova-ki@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена феномену глобальной популярности китайских романтических дорам, которые рассматриваются как инструмент целенаправленной стратегической культурной политики Китая. Авторы показывают, что китайская киноиндустрия не просто заимствует западные форматы, но осуществляет их стратегический захват и перекодировку, создавая гибридный продукт, выполняющий задачу мягкого продвижения национальной идентичности и государственно санкционированных ценностей. Теоретической рамкой исследования является концепция стратегического мышления, восходящая к трактату Сунь-цзы и работам Ф. Жюльена. В отличие от западной линейной стратегии, стратегема предполагает достижение цели через не прямое действие и мимикрию, что позволяет рассматривать драмы как сложные конструкции, где внешняя привлекательность служит оболочкой для ценностного программирования зрителя. На примере пяти ключевых сюжетных тропов романтических дорам (неравный брак, фиктивный брак, ошибка и ответственность, исправление через любовь, вмешательство семьи) авторы демонстрируют, как глобальные нарративные схемы систематически перекодируются в проводники китайской ценностной матрицы — примата семьи, коллективной гармонии, долга перед старшими. Особое внимание уделяется визуально-поведенческой эстетике дорам (целомудренность, сдержанность, культ красоты) как второму, не-

вербальному, уровню стратагемного воздействия, а также регулятивной роли NRTA как цензора, также действующего в рамках стратагемного подхода. В заключение делается вывод о том, что через адаптацию и переосмысление глобальных медиаформатов китайская культурная индустрия выстраивает эффективную модель продвижения традиционных ценностей в современной упаковке.

Ключевые слова: Китай, киноиндустрия, дорама, вестернизация, культурная политика, стратагема, гибридизация

Для цитирования: Савина Т. В., Илларионова К. И. Китайская романтическая дорама как продукт стратагемной культурной политики Китая // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 85—96. EDN BZEBER.

Science and Culture

Original article

Romantic C-Drama as a Product of China's Stratagem Cultural Policy

Tatiana V. Savina^{1✉}, Karina I. Illarionova²

^{1,2} Siberian Institute of Management — branch of RANEPA, Novosibirsk, Russian Federation

¹ savina-tav@ranepa.ru✉

² illarionova-ki@ranepa.ru

Abstract. The article examines the global popularity of Chinese romantic dramas, which are viewed as a tool of China's targeted stratagem cultural policy. The authors demonstrate that the Chinese film industry not only borrows Western formats but strategically appropriates and recodes them, creating a hybrid product that subtly promotes national identity and state-sanctioned values. The theoretical framework for this study is the concept of stratagem thinking, which derives from Sun Tzu's treatise and the works of François Julien. Unlike Western linear strategy, stratagem implies achieving a goal through indirect action and mimicry, enabling to view dramas as complex constructs where external appeal serves as a shell for the viewer's value programming. Using five key plot tropes of romantic dramas (unequal marriage, sham marriage, error and responsibility, correction through love, family intervention), the authors demonstrate how global narrative patterns are systematically recoded into conduits of the Chinese value matrix - the primacy of family, collective harmony, and duty to elders. Particular attention is paid to the visual and behavioral aesthetics of dramas (chastity, restraint, the cult of beauty) as a second, non-verbal level of stratagem influence, as well as the regulatory role of the NRTA as a censor, also operating within the framework of the stratagem approach. The conclusion is that by adapting and reimagining global media formats, the Chinese cultural industry is building an effective model for promoting traditional values in a modern package.

Keywords: China, film industry, drama, Westernization, cultural policy, stratagem, hybridization

For citation: Savina T.V., Illarionova K.I. Romantic C-Drama as a Product of China's Stratagem Cultural Policy. *Siberia Humanitarian*. 2026;(1):85—96. (In Russ.). <https://elibrary.ru/bzeber>.

Введение

В условиях изменения глобального культурного ландшафта феномен массовой популярности китайских телевизионных сериалов-дорам вышел за рамки развлекательного медиапродукта, став предметом пристального внимания политологов, культурологов и медиаисследователей. Кажущийся парадокс — глобальный успех контента, формально следующего вестернизированным жанровым и эстетическим канонам, но наполненного отчетливо китайской ценностной матрицей — указывает на более сложные процессы, нежели простое культурное заимствование. Изучение этого феномена является ключом к пониманию эволюции инструментов «мягкой силы» КНР в XXI в., трансформирующихся от прямого идеологического послания к сложносочиненным стратагемам влияния. Анализ китайских дорам позволяет вскрыть механизмы, с помощью которых современное государство конструирует и продвигает желаемый образ нации как для внешней, так и для внутренней аудитории [1].

Феномен китайских дорам анализируется в нескольких исследовательских парадигмах. Опираясь на идеи Хоми Бхабхи, многие исследователи рассматривают пространство дорам как «третье пространство» [2], где возможны гибридные идентичности и могут происходить культурные трансформации. Философское осмысление феномена трансформации культурного пространства апеллирует к концепции «культурного потока» А. Аппадурай [3], в котором локальное и глобальное постоянно переплетается [4]. Политологические исследования фокусируются на концепции «мягкой силы» Дж. Ная и использовании массовой культуры как инструмента публичной дипломатии Китая [5]. Однако существующие подходы часто ограничиваются либо констатацией факта гибридности, либо оценкой эффективности экспорта, при этом упускают из виду внутреннюю логику и целеполагание, стоящие за производством этого контента. Особенно малоизученным остается вопрос о специфическом китайском стратагемном мышлении как основе культурной политики, где формальная адаптация к западным стандартам является не целью, а тактическим ходом для стратегического результата. Стратагемный подход, уходящий корнями в древнекитайскую традицию (трактат Сунь-цзы «Искусство войны») и развитый в трудах философа Ф. Жюльена [6], основан на принципе достижения цели через не прямое действие, расчет и искусное использование обстоятельств. В отличие от западной линейной стратегии, он предполагает гибкую адаптацию, мимикрию и превращение внешних форм в инструменты скрытого продвижения собственных интересов [7]. Применительно к культурной политике это мышление позволяет рассматривать массовые медиапродукты, такие как дорамы, не просто как развлечение или прямую пропаганду, а как сложные гибридные конструкции, где форма и содержание сознательно подвергнуты дистанцированию для решения идеологических задач. В случае дорам это означает намеренное несовпадение (или даже противопоставление) внешней формы и внутреннего содержания с определенной целью.

Стратагемный принцип дистанцирования формы и содержания наиболее наглядно проявляется в жанре дорам с романтическим

сюжетом, которые действительно являются одним из самых популярных и экспортоориентированных жанров. Выбор этого жанра дорам для анализа обусловлен тем, что романтический жанр является массовым, обладает высокой культурной проницаемостью и строится на универсальных, легко узнаваемых сюжетных формулах (история Золушки, враги-любовники, фиктивный брак), что делает дораму эффективным инструментом ценностного воздействия. Именно в романтических нарративах наиболее отчетливо видно, как заимствованные западные модели отношений несут в себе традиционные для китайской культуры представления о долге, иерархии и социальной ответственности. Нарративный и дискурс-анализ ключевых сюжетных тропов романтических дорам позволяет выявить, как глобальные формулы любовной истории систематически переписываются китайской киноиндустрией: личное счастье героев неизменно увязывается с одобрением семьи, карьерный успех — с пользой для коллектива, а эмоциональный конфликт разрешается через восстановление социальной гармонии [8]. Кроме того, контекстуальный анализ позволяет обозначить регулирующую роль государства (например, учет требований NRTA¹ о «здоровых ценностях» и «правильном взгляде на брак и любовь»), что проявляется в фильтрации и трансформации западных сюжетов.

Таким образом, фокус на романтических дорамах позволяет наглядно продемонстрировать, как работает механизм «двуликой вестернизации»: привлекательная, современная западная оболочка служит для деликатного, но системного продвижения ценностного кода китайской культуры.

«Любит-не любит-плюнет-поцелует»

Романтические дорама предлагают сюжеты, где каждый сюжетный троп является точным инструментом для продвижения конкретного ценностного месседжа. Значимость этих сюжетов заключается в том, что они оперируют глобально узнаваемыми формулами, но задают исключительно китайское смысловое разрешение. Молодую аудиторию (15—35 лет) привлекает гламурный антураж — красивые актеры, модные образы, роскошная жизнь. Это свидетельство современной формы эскапизма, выразившегося в стремлении к получению визуального удовольствия: красивая картинка отражает современный эстетический идеал красоты. Немаловажным является романтический сюжет с четкими моральными уроками, которые дают ощущение некоторой стабильности в нестабильном мире.

Старшее поколение (50—65 лет) ценит традиционные ценности в современной упаковке. Их радует, что при всей своей внешней модерновой оболочке дорама пропагандирует семью, уважение к старшим, социальную гармонию. Это позволяет старшему поколению чувствовать связь с молодежью и одобрять контент, который смотрят их дети [9]. Романтические дорама мастерски балансируют между разными запросами, предлагая каждому возрасту свой уровень восприятия, от развлечения до идеологического одобрения. Та-

¹ Государственное управление радиовещания и телевидения Китая (англ. National Radio and Television Administration (NRTA)) — правительственный орган, занимающийся контролем за СМИ в КНР. Создан в 2018 г.

ким образом, романтическая дорама становится уникальным медиатором: для молодежи это витрина желаемого будущего, а для старшего поколения — подтверждение устойчивости культурных основ в меняющемся мире. Этот баланс и обеспечивает жанру его массовый, межпоколенческий успех.

Важно подчеркнуть, что сюжетные тропы романтических дорам представляют собой не просто набор развлекательных клише, а отлаженные механизмы стратагемной операции. Их детальный анализ позволяет увидеть, как каждый шаблон служит точным инструментом трансформации глобально узнаваемых форм в проводников конкретных идеологических установок.

Сюжет «неравный брак». Этот сюжет достаточно популярен в западном кинематографе, особенно после выхода фильма «Красотка» (Pretty Woman) с Джулией Робертс и Ричардом Гиром, истории любви проститутки и бизнесмена. В западном варианте героиня меняет жизнь героя в поисках личного счастья. В то же время сюжет фильма не затрагивает вопросы того, как к этому союзу отнесется семья главного героя и каково общественное мнение. Подобная история рассказывается в романтической дораме «Ты моя слава» (“You are my Glory”), вышедшей на экраны в 2021 г. Киносуперзвезда влюбляется в своего школьного товарища, ставшего талантливым, но скромно живущим аэрокосмическим инженером. Ее гламурный мир и его научный аскетизм соединяются не через конфликт, а через взаимное уважение и поддержку высших целей, главная из которых — служение стране, когда личный успех оказывается вторичным перед служением общему делу.

Сюжет «Фиктивный / Договорной брак». Дорама «Мистер Совершенство и мисс Ничего особенного» (“Mr. Perfect and Miss Almost”) рассказывает историю о том, как студентка-медик заключает фиктивный брак с ректором своего университета, чтобы выполнить последнюю волю своего дедушки. Сюжет построен на том, как холодный договор между людьми разного статуса медленно наполняется бытовой заботой, взаимным уважением и в конечном счете одобрением семьи, превращаясь в настоящий союз. В западном кинематографе (например, ситком «Как я встретил вашу маму» (“How I Met Your Mother”)) подобный сюжет обычно построен на комедии положений или сатире на институт брака и редко приводит к глубокой трансформации в сторону традиционных ценностей.

Сюжет «Ошибка и ответственность». В ремейке тайваньской классики, дораме «Ты — моя судьба» (“Fated to Love You”), описана история, как после случайной связи на круизном лайнере простая девушка беременеет от наследника бизнес-империи. Несмотря на драму, сюжет ведет к тому, что герой берет на себя ответственность и за девушку, и за ребенка, а их вынужденное сосуществование учит его семейным ценностям, которые он прежде игнорировал. Таким образом, ошибка становится путем к обретению истинной семьи. В то же время в западном кинематографе случайная связь чаще всего ведет к драматическому конфликту, как, например, в канадском сериале «Сплетница» (Gossip Girl), и в итоге — к личному кризису или аборту как выбору, а оптимистический финал редко связан с долгом

перед родом. Как правило, случайная интимная связь является поводом для психологического срыва или нечестного манипулирования.

Сюжет «Исправление через любовь». Романтическая дорама «Такая сладкая любовь» (“Love is Sweet”) рассказывает историю о том, как циничный, бескомпромиссный инвестиционный босс встречается свою детскую подругу, теперь его сотрудницу. Ее доброта и принципиальность постепенно «размораживают» его, учат доверию и эмоциональной открытости. Он становится не только лучшим партнером, но и лучшим человеком. В этом тропе без труда узнается классический сюжет Джейн Остен «Гордость и предубеждение», а китайский босс очень сильно напоминает незабвенного мистера Дарси. Однако любовь Элизабет Беннет и мистера Дарси ведет к его личному прозрению и смягчению характера, но не обязательно к принятию консервативных семейных ролей и одобрению общества, ведь леди Кэтрин де Бур так и не приняла женитьбу племянника на девушке из более низкого сословия. А вот союз героев драмы «Такая сладкая любовь» целиком и полностью одобрен старшим поколением.

Сюжет «Вмешательство семьи и победа любви». Герои драмы «Клятва любви» (“I Entrust the Rest of My Life to You”) — талантливая, но импульсивная студентка-музыкант и ее отец, перенесший операцию, — оказываются втянуты в тесное общение с хладнокровным и критичным хирургом. Главным препятствием счастью влюбленных героев становится неодобрение отца героини, считающего врача неподходящей партией. Весь сюжет описывает путь героя к тому, чтобы доказать свою надежность и искренность старшему поколению, без одобрения которого союз невозможен. В отличие от героев, допустим, «Ромео и Джульетты», когда неодобрение семьи привело к трагедии. Финал же этой драмы типично китайский: победа любви невозможна без завоевания одобрения старших. Вообще, во многих драмах в конфликтных ситуациях вдруг появляется бабушка (очень редко — бабушка) и силой своего авторитета ставит точку.

Следует заметить, что эти тропы редко существуют в чистом виде. Часто одна драма комбинирует сразу несколько сюжетов (ошибка + ответственность + вмешательство семьи), что только усиливает стратеминый эффект, многократно подтверждая одну и ту же ценностную матрицу с разных сторон. Западные эквиваленты используют те же сюжетные тропы, но направляют их на утверждение индивидуализма, личного выбора и преодоление социальных барьеров. Китайские же драмы, используя ту же форму, перенаправляют энергию конфликта на восстановление и укрепление традиционной иерархии и коллективных ценностей. В этом и заключается суть стратегии: знакомый сюжет работает на совершенно иной идеологический результат.

«Приторная магия»

Несмотря на вторичность и предсказуемость сюжетов, романтические драмы имеют многомиллионную армию поклонников. Во многом это происходит благодаря особенной визуальной и поведенческой эстетике как основанию стратегического подхода: через эстетику и жесты продвигается идеал гармоничных, контролируемых отношений, соответствующих китайской морали.

Основной сюжет романтических дорам — это физическая страсть между главными героями, которая, однако, передается не через откровенный физический акт, а через взгляды, случайные прикосновения, жесты заботы (поправить одежду, накрыть пледом). Это создает мощное эмоциональное напряжение, основанное на воображении зрителя, и соответствует конфуцианскому идеалу сдержанности и благопристойности. Это не цензура в ущерб качеству, а создание иной, более возвышенной эротики.

Актеры романтических дорам — не просто красивые люди; они тщательно отобраны, их внешность «переделана» с помощью пластической хирургии, чтобы соответствовать строгим стандартам идеальной внешности: белая кожа, большие глаза, чувственные губы, стройность. Их телесная красота лишена грубой сексуальности, она эфемерна, поскольку скрыта. Ни в одном кадре ни одной драмы (и не только романтических, но и любого другого жанра) нельзя увидеть полностью обнаженного мужчину, только по пояс и не дольше, чем на минуту. Что касается женщин, то в кадре обнаженной может быть только шея (низкое декольте) или ноги (короткая юбка). Роды, если героиня беременна, проходят за кадром без особых подробностей в течение двух-трех минут. Костюмы героев безупречны и всегда соответствуют статусу. Даже домашняя одежда выглядит как на картинке из журнала, что пропагандирует эстетику успешного потребления и социального порядка.

Благодаря крупным планам эмоции героев читаются без труда. Камера долго фиксирует каждую слезу, улыбку или взгляд. Это создает эффект полного эмоционального вовлечения и чистоты чувств, лишенных внутреннего цинизма или двусмысленности, характерных для западных персонажей. В силу этого герои редко бывают морально амбивалентны. Их страдания благородны, гнев справедлив, что создает для зрителя ситуацию моральной определенности и психологического комфорта.

Каждый кадр романтической драмы строится как идеальная открытка: чистые, яркие цвета, безупречный грим, медленные движения, долгие взгляды. Дом, квартира, даже офис выглядят как стерильно совершенное пространство. Это мир гиперреальности, где царит порядок и красота, что является визуальной метафорой социальной гармонии.

Эта визуально-поведенческая стратагема создает эффект «сладкой ваты для глаз и души». Зритель погружается в идеальный, эстетизированный мир, где красивые люди испытывают сильные, но правильные чувства и ведут себя благородно. Это не отражение реальности, а предложение соблазнительной утопии, в которой конфуцианские ценности (сдержанность, иерархия, гармония) представлены не как скучные правила, а как неотъемлемая часть прекрасной, успешной и эмоционально насыщенной жизни¹. Таким образом, привлекательность формы делает принятие традиционного содержания не просто безболезненным, но и желанным.

¹ См.: Власти Китая призвали телекомпании обогатить разнообразие телевизионных передач // СИНХУА Новости. RUSSIAN.NEWS.CN. 2024. 3 авг. URL: <https://russian.news.cn/20240803/20b6101c71a441d29b3ec1e820f16628/c.html> (дата обращения: 17.12.2025).

«Маленькая красная книжка»¹

Для западного зрителя становится полной неожиданностью, что в романтических дорамах часто можно увидеть курение, пьянство, кровавый мордобой, насилие, мужчины бьют по лицу женщин, старики ставят молодых людей на колени и наоборот. Многие сюжеты основаны на случайном пьяном сексе, при этом пьяны оба партнера или только партнерша. На фоне лаковой сказочной картинке это выглядит шокирующе, однако в то же время — это ключ к пониманию глубинных культурных кодов и их трансформации в современной китайской дорама.

Так, например, пьяный секс героев — один из самых показательных тропов, который иллюстрирует сложный баланс между цензурой, традиционной моралью и коммерческим желанием показать запретное. Это не про легитимацию брака в юридическом смысле, а про моральную и нарративную легитимацию отношений. Это абсолютно необходимый сюжетный механизм для обхода цензуры и сохранения чистоты героев. Алкогольное опьянение полностью снимает моральную ответственность с главных героев (особенно героини): они не распутные и не легкомысленные. Они — жертвы обстоятельств или предавших их близких. Кроме того, такой поворот сюжета удовлетворяет запрос аудитории на страсть и физическую близость, не нарушая государственных требований о здоровых ценностях и целомудренной любви. Это также отсылает к традиционной идее о том, что добродетельная женщина не может сознательно пойти на добрачную связь. Ей требуется уважительная причина, снимающая с нее вину.

Сочетание сюжетов «ошибка + ответственность + вмешательство семьи» наглядно показывает иерархию легитимации брака:

- случайная физическая связь нелегитимна, позорна, требует исправления;

- фиктивный/вынужденный брак восстанавливает социальные приличия, но не является конечной целью, это буферная зона для развития отношений;

- официальная регистрация в загсе по взаимной и осознанной любви — это единственная полная легитимация и счастливый финал; именно к этому стремятся все фиктивные пары.

Такая гениальная драматургическая стратегия позволяет достичь нескольких целей: показать страсть и близость (коммерческий интерес), оправдать ее с точки зрения морали (требование цензуры и традиционной этики), создать идеальные условия для развития классического романтического сюжета «от ненависти к любви» или «принудительная близость» и привести историю к социально и государственно одобряемому финалу — осознанному законному браку, который символизирует не только любовь, но и ответственность, зрелость и окончательную интеграцию пары в общество. Истинный брак начинается не в кабинете загса, а в тот момент, когда бабушка жениха надевает золотые браслеты на руки невесты, а отец невесты произносит тост перед сотней гостей. Дорама дотошно учит этой

¹ См.: «Маленькая красная книжка» — неофициальное название свидетельства о браке.

иерархии ценностей: закон важен, но благословение семьи и публичное признание — священны.

Границы дозволенного

Сцены курения, алкоголя, случайных связей у протагонистов романтических дорам бьют в самый центр парадокса китайской массовой культуры, но работают в рамках жестких правил.

NRTA стремится контролировать любой моральный месседж и его последствия¹. Цензура часто запрещает не сам факт показа, а его одобрительную или безнаказанную подачу. Например, запрещено показывать курящими несовершеннолетних, запрещена гламуризация курения (стильный герой, затягивающийся с видом победителя). Но курение как атрибут, скажем, переживающего стресс покинутого влюбленного или усталого бизнесмена вполне допустимо. Хотя NRTA прямо потребовало сократить такие сцены, но не исключило их полностью².

Распитие спиртных напитков — распространенный социальный ритуал, но цензура следит, чтобы не пропагандировалось пьянство как норма. Часто сцена застолья служит для раскрытия отношений (босс и подчиненный, друзья). При этом производители спиртного не могут быть спонсорами кинопродукта или надеяться на product placement, но сам факт употребления спиртного не табу.

Откровенные сцены, намеки на случайные связи, ЛГБТ*-отношения строго цензурируются. Однако сцены пьяного секса могут быть допустимы как сюжетный двигатель, ведущий героя к исправлению. В этом проявляется дидактическая функция дорамы. Так называемые грехи современности используются как отправная точка для морального роста персонажа в рамках китайской ценностной системы.

Конфуцианский нарратив самосовершенствования. Герой может начинать путь как испорченный «продукт» современного общества (циничный, пьющий, легкомысленный в связях), и весь сериал описывает его путь к восстановлению гармонии через осознание ответственности перед семьей, предками, обществом.

Семья как искупительная сила. Часто именно вмешательство семьи (родители, необходимость заботиться о ребенке, случайно зачатом в той самой пьяной связи) становится катализатором исправления. Это продвигает идею, что даже заблудший индивидуалист находит смысл и моральную опору только в семейных узах.

Коллектив против индивидуалистического разложения. Персонаж, злоупотребляющий алкоголем или ведущий распутную жизнь, часто показан как несчастный, одинокий, даже если внешне успешен. Его истинное счастье приходит через интеграцию в здоровый коллектив

¹ См., например: China, National Radio and Television Administration introduces new regulations for cable TV services // GLOBAL TIMES. 2023. 29 нояб. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202311/1302689.shtml> (дата обращения: 17.12.2025).

² Глава отдела телевизионных драм Государственного управления радио и телевидения ответил на вопросы журналистов о «14-м пятилетнем плане развития китайского телевизионного драматического искусства» // National Radio and Television Administration [Национальное управление радио и телевидения]. 2022. 10 февр. URL: https://www.nrtv.gov.cn/art/2022/2/10/art_3730_59523.html (дата обращения: 22.12.2025).

* Деятельность международного общественного движения ЛГБТ объявлена экстремистской и запрещена на территории России.

(рабочая команда, дружеская компания с правильными ценностями, семья).

Таким образом, показ грехов и пороков — это не нарушение цензуры, а ее стратагемное проявление. Цензура работает не на уровне запрета картинки, а на уровне контроля над моральным посылом. Показ плохого допустим и даже нужен, чтобы в финале триумф хорошего (китайского, традиционного, гармоничного) выглядел убедительнее и эмоционально весомее для современного зрителя. Такая стратагемная политика выполняет три функции:

— дидактическую — в романтических дорамах визуализируются чуждые модели поведения как тупиковые или проблемные, подводя зрителя к правильному выводу о необходимости семейных и коллективных ценностей;

— коммерческую — повышается реалистичность и взрослость контента для привлечения платежеспособной аудитории стриминговых платформ;

— идеологическая — демонстрируется способность китайской культурной системы переваривать и нейтрализовывать элементы западного социального поведения, превращая их в объект критики и точку роста для персонажа в рамках национальной моральной парадигмы.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что феномен глобальной популярности китайских романтических дорам не является ни стихийным прорывом национального кинематографа, ни простым копированием западных образцов. Перед нами сложносочиненный, многоуровневый механизм, в котором коммерческие, эстетические и идеологические задачи сплетены в тугой узел стратагемной культурной политики. Заимствуя внешние формы глобальной массовой культуры, жанровые клише, визуальный глянец, универсальные сюжетные схемы, китайская киноиндустрия последовательно перекодирует их, наполняя ценностным содержанием, ориентированным на традиционные для Китая представления о долге, семье, иерархии и коллективной ответственности.

Пять проанализированных сюжетных тропов романтических дорам демонстрируют удивительное единообразие «лекарства», которое предлагается зрителю под сладкой оболочкой развлечения. Будь то неравный брак, фиктивный союз или ошибка, ведущая к беременности, финальное разрешение конфликта неизменно возвращает героев в лоно семьи, восстанавливает иерархию и утверждает приоритет коллективного над личным. Визуально-поведенческая эстетика дорам — целомудренность, сдержанность, культ красивой заботы — работает как второй, невербальный, уровень воздействия, делающий традиционные ценности не назидательными, а эстетически привлекательными.

Ключевую роль в этом процессе играет государство в лице NRTA, которое выступает не просто цензором, но архитектором границ дозволенного, задающим русло, в котором творческая и коммерческая энергия может безопасно и продуктивно развиваться. Три функции, реализуемые через демонстрацию пороков, работают как

единый стратагемный комплекс. Дидактическая функция — визуализация чуждых моделей поведения как тупиковых, подведение зрителя к правильному выбору. Коммерческая функция — обеспечение конкурентоспособности продукта путем привлечения аудитории взрослыми темами, но лишенными разрушительного потенциала. Идеологическая функция — демонстрация силы самой системы: ее способности переварить, нейтрализовать и превратить в точку роста любые элементы чужого культурного влияния. В итоге феномен китайской драмы знаменует собой важный сдвиг в логике культурного влияния. На смену прямой пропаганде и открытому противостоянию нарративов приходит более тонкая стратегия, где ценности не декларируются, а встраиваются в структуру желания зрителя. Миллионы людей по всему миру, погружаясь в мир красивых историй, незаметно для себя начинают видеть в китайской семейной и социальной модели нечто притягательное, заслуживающее понимания и уважения. И в этом состоит эффективность стратагемы, сумевшей превратить развлечение в самый действенный инструмент культурной политики страны.

Список источников

1. Якушенков С. Н. Сшей ты мне, матушка, красное ханьфу // *Corpus Mundi*. 2020. 1 (4). С. 102—107.
2. *Communicating in the Third Space* / ed. by K. Ika and G. Wagner. London ; N. Y. : Routledge, 2008. 218 p.
3. Сигачев И. Д. Теория воображаемых ландшафтов А. Аппадурай в контексте анализа проблемы общего формирования и становления дискурса глобализации // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2025. № 8. С. 41—54.
4. Тарасова А. В. Понять, прочувствовать и присвоить: южнокорейский сериал «Лунные влюбленные — Алые сердца: Корё» в обсуждениях русскоязычных зрителей // *Наука телевидения*. 2018. № 14.4. С. 124—145.
5. Сун Ц., Си Л. Продвижение китайских сериалов в России: ключевые факторы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика*. 2025. Т. 30, № 2. С. 390—403.
6. Жюльен Ф. Трактат об эффективности / пер. с фр. Б. Крушняка ; науч. ред. Н. Трубникова. М. : Моск. филос. фонд ; СПб. : Унив. кн., 1999. 235 с.
7. Мясников В. С., Завьялова Т. Г. Зарождение основ стратагемного мышления в Китае // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2012. Т. 11, вып. 10: Востоковедение. С. 130—141.
8. Никонова С. Б. Фэнтези на метауровне. Очерк метафизики бессмертия (по мотивам телесериала «Далекие странники» (Китай, 2021) // *Terra Aestheticae*. 2021. № 1 (7). С. 128—151.
9. Чжоу Лися. Место китайских драм в российском социокультурном пространстве // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. № 4. С. 91—108.

References

1. Yakushenkov S.N. Sew me, mom, red hanfu, *Corpus Mundi*, 2020, 1 (4), pp. 102-107.
2. Ika K., Wagner G. (eds.) *Communicating in the Third Space*. London, New York, Routledge, 2008, 218 p.
3. Sigachev I.D. A. Appadurai's theory of imaginary landscapes in the context of the analysis of the problem of the general formation and development of the discourse of globalization, *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2025, no. 8, pp. 41-54.

4. Tarasova A.V. Understand, Feel, and Appropriate: South Korean TV Series “Moon Lovers - Scarlet Heart: Ryeo” in Discussions Among Russian-Speaking Viewers, *The Science of Television*, 2018, no. 14.4, pp. 124-145.
5. Sun Ts., Si L. Promoting Chinese TV series in Russia: Key factors, *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism*, 2025, vol. 30, no. 2, pp. 390-403.
6. Zhyulen F. A Treatise on Efficiency. Moscow, Mosk. filos. Fond, Saint Petersburg, Univ. kn., 1999, 235 p. (in Russ.)
7. Myasnikov V.S., Zavyalova T.G. The emergence of the foundations of stratagem thinking in China, *Bulletin of NSU. Ser.: History, philology*, 2012, vol. 11, iss. 10: *Oriental Studies*, pp. 130-141.
8. Nikonova S.B. Meta-Level Fantasy: An Essay on the Metaphysics of Immortality (based on the TV series “Far Wanderers” (China, 2021), *Terra Aestheticae*, 2021, no. 1 (7), pp. 128-151.
9. Chzhou Lisyа. The place of Chinese dramas in the Russian sociocultural space, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2021, no. 4, pp. 91-108.

Информация об авторах

Савина Татьяна Вячеславовна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: savina-tav@ranepa.ru
Илларионова Карина Игоревна — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: illarionova-ki@ranepa.ru

Information about the authors

Tatyana V. Savina — Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Foreign Languages and Linguistics, Siberian Institute of Management — branch of RANEPА, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: savina-tav@ranepa.ru
Karina I. Illarionova — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPА, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: illarionova-ki@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 28.01.2026.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 28.01.2026.

Музеи под открытым небом в Республике Хакасия: история и перспективы развития

Дмитрий Алексеевич Кранчев

Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова, Абакан, Российская Федерация, d.kranchev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4206-8455>

Аннотация. В статье дан анализ развития сети музеев под открытым небом в Республике Хакасия как уникального регионального феномена. Рассматриваются исторические предпосылки и факторы формирования данной модели, основанной преимущественно на музеефикации археологических памятников в их естественном ландшафте. Подробно описаны ключевые учреждения сети («Казановка», «Хуртуях тас», «Сундуки», «Салбыкская степь» и др.), их специфика и эволюция от охраны к комплексной интерпретации наследия. Особое внимание уделено современному состоянию музейных объектов, проблемам их сохранения и актуальным проектам развития музеев. Делается вывод о том, что хакасская модель успешно интегрирует уникальное наследие в социокультурный и экономический контекст региона, а ее дальнейшее развитие связано с балансом между сохранением аутентичности и повышением доступности для образовательных и туристических целей.

Ключевые слова: Республика Хакасия, музеи под открытым небом, музеефикация, археологическое наследие, историко-культурный ландшафт, музей-заповедник, сохранение наследия

Для цитирования: Кранчев Д. А. Музеи под открытым небом в Республике Хакасия: история и перспективы развития // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 97—109. EDN TYUZPS.

Open-air Museums in the Republic of Khakassia: History and Development Prospects

Dmitry A. Kranchev

Khakass National Museum of Local Lore named after L.R. Kyzlasov, Abakan, Russian Federation, d.kranchev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4206-8455>

Abstract. This article analyzes the development of the open-air museum network in the Republic of Khakassia as a unique regional phenomenon. It examines the historical prerequisites and factors behind the development of this model, based primarily on the museification of archaeological sites in their natural landscapes. Key institutions within the network (Kazanovka, Khurtuyakh Tas, Sunduki, Salbykskaya Steppe, etc.) are described in detail, along with their specific characteristics and evolution from conservation to comprehensive heritage interpretation. Particular attention is paid to the current state of museum exhibits, the challenges of their preservation, and current museum development projects. It is concluded that the Khakassian model successfully integrates unique heritage into the region's sociocultural and economic context, and its further development is linked to a balance between preserving authenticity and increasing accessibility for educational and tourist purposes.

Keywords: Republic of Khakassia, open-air museums, museumification, archaeological heritage, historical and cultural landscape, museum-reserve, heritage preservation

For citation: Kranchev D.A. Open-air Museums in the Republic of Khakassia: History and Development Prospects. *Siberia Humanitarian*. 2026;(1):97—109. (In Russ.). <https://elibrary.ru/tyuzps>.

Музеи под открытым небом, как особая форма сохранения, презентации и интерпретации историко-культурного наследия, заняли прочное место в мировой музейной практике. Эволюционируя от собраний памятников народного зодчества к комплексным проектам, интегрирующим природный ландшафт, археологические объекты и живые культурные традиции, они выполняют важнейшие социальные функции — образовательную, идентификационную, средообразующую. В Российской Федерации этот формат получил широкое распространение, отражая разнообразие ее регионов. Феномен в этом ряду представляют музеи под открытым небом Республики Хакасия, которые принципиально отличаются от классических скансенов (этнографические музеи под открытым небом). Так, уникальность хакасской модели заключается в ее по большей части археологической основе. В отличие от многих регионов, где подобные музеи создаются методом переноса или реконструкции объектов, в Хакасии они базируются на памятниках, интегрированных в естественный исторический ландшафт. Сочетание «музей-заповедник» здесь обретает буквальный смысл: это охраняемая территория, где

тысячелетние каменные изваяния, менгиры, курганы и наскальные рисунки (петроглифы) остаются на своих исконных местах, формируя аутентичную, насыщенную сакральными смыслами среду. Такой подход превращает музей из пространства показа в пространство переживания, где наследие воспринимается неразрывно с породившей его географией.

В 2026 г. исполняется 30 лет с момента создания в Хакасии первого учреждения такого типа — музея-заповедника «Казановка». Этот юбилей предоставляет возможность для ретроспективного анализа, оценки накопленного опыта, успехов и вызовов, с которыми столкнулась пионерная для Хакасии модель. «Казановка» стала не только научным и культурным центром, но и концептуальным прообразом для следующих проектов: музеев-заповедников «Хуртуях тас», «Сундуки», «Усть-Сос», сформировавших целую сеть под открытым небом, охватывающую ключевые археологические ландшафты Хакасии.

Развитие этих музеев получает мощный импульс в свете общероссийских культурно-политических инициатив. Объявление 2026 года Годом единства народов России (Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 962) актуализирует роль музеев как платформ для межкультурного диалога и укрепления общероссийской гражданской идентичности. Музеи под открытым небом Хакасии, представляя древнюю, многокомпонентную историю Южной Сибири — от окуневской и тагарской культур до средневековых государств енисейских кыргызов и традиционной культуры хакасского народа, являются наглядными проводниками идей исторического единства и культурного многообразия.

Таким образом, назрела необходимость комплексного анализа музеев под открытым небом Хакасии на стыке нескольких дискурсов: музеологии, археологии, культурологии и региональной политики. Целью данной статьи является историографический и проблемный анализ становления и развития сети музеев под открытым небом в Республике Хакасия, а также определение стратегических перспектив их развития в контексте современных социокультурных задач и государственных приоритетов.

Важно отметить, что в понятие «музей под открытым небом» в широком смысле мы включаем прежде всего традиционные музеи-заповедники, имеющие значительную территорию, музеи деревянной архитектуры, историко-этнографические и историко-археологические музеи, парковые комплексы и т. д. Подобные музеи объединяет одна особенность — обширная экспозиция под открытым небом, превращающая строения, сооружения, памятники и природные объекты в экспонаты, связанные с основными и локальными темами региона.

Всего на территории Республики Хакасия насчитывается 11 археологических музеев под открытым небом. Один республиканского подчинения — Хакасский республиканский национальный музей-заповедник «Казановка» (Аскизский район) и девять — муниципального: музеи-заповедники «Сундуки», «Сулеки» (Орджоникидзевский район), Ширинский археологический парк (Ширинский район), музеи под открытым небом «Бояры», «Поселок предков» (Боградский район), муниципальный музей «Древние курганы Сал-

быкской степи» (Усть-Абаканский район), музей-заповедник «Хуртуях тас», Полтаковский музей наскального искусства «Хайа хоос» (Аскизский район), музей под открытым небом «Усть-Сос» (Бейский район) и Арбатский муниципальный музей под открытым небом (Таштыпский район).

Хакасия резко выделяется среди регионов Южной Сибири числом археологических музеев, хотя схожее археологическое наследие характерно и для других территорий (Алтай, Тыва и т. д.). Объяснение этого явления дает Л. В. Еремин: природа хакасского «музейного феномена» может находиться лишь в плоскости оценки роли личностей, принимающих непосредственное участие в создании и деятельности археологических музеев [1, с. 155]. Поэтому рассматривать историю создания музеев под открытым небом в Хакасии стоит через изучение обстоятельств, приведших к созданию музея.

С 1960-х гг. в контексте общемирового и общесоюзного внимания к вопросам презентации и актуализации национального культурного наследия в республиках СССР начинает активно развиваться практика музеефикации памятников истории и культуры. Данный процесс подразумевал трансформацию самого объекта наследия в самостоятельную институцию музейного типа, функционирующую на месте его расположения. Хакасия, чей культурный фонд сформирован уникальными и многочисленными археологическими ландшафтами, уже в тот период объективно оценивалась специалистами как один из наиболее перспективных регионов для создания разветвленной сети музеев под открытым небом. Однако, несмотря на этот потенциал, вплоть до конца XX в. на территории региона не было учреждено ни одного подобного музея. Инициативы Л. Р. Кызласова и Я. И. Сунчугашева, неоднократно выступавших с предложениями по организации археологических парков еще в период существования Хакасской автономной области, не встречали противодействия, но и не получали поддержки [1].

Примечательный эпизод в области музейного проектирования имел место в 1980-е гг. В этот период в зонах интенсивного строительства оросительных систем на территории Аскизского и Бейского районов проводились масштабные спасательные археологические раскопки. В результате было исследовано несколько сотен курганов, относящихся к различным историческим эпохам. По завершении полевых работ у археологических экспедиций осталось значительное количество каменных плит с погребальных сооружений, многие из которых содержали выразительные петроглифические изображения. Под руководством археологов Д. Г. Савинова и Б. Н. Пяткина был осуществлен проект по реконструкции курганного комплекса с оградой из подлинных плит в пос. Есино (ныне — Полтаков). Статус полноценного музея данный объект приобрел лишь два десятилетия спустя, в 2003 г., когда на его базе был официально учрежден муниципальный музей наскального искусства.

Подобное длительное запаздывание реализации музейных проектов может быть объяснено комплексом факторов. Среди них — недооценка на уровне регионального управления значимости археологического наследия как стратегического культурного ресурса. Кроме того, существенную роль играл административный статус ре-

гиона: находясь в составе Красноярского края, Хакасская автономная область не обладала необходимой степенью самостоятельности в формировании собственной культурной политики, в том числе в сфере музейного строительства и охраны памятников.

Кардинальные изменения в данной ситуации произошли после выхода Хакасской автономной области из состава Красноярского края в 1991 г. Новый правовой статус обусловил пересмотр отношения к сфере культуры в целом и к проблеме музеефикации в частности. В первой половине 1990-х гг. республика осуществляла проектные разработки в музейной сфере преимущественно в рамках экологического и краеведческого направлений. Ярким примером может служить Июсский парк на территории Ширинского района. Анализ его концепции и экскурсионных программ [2] позволяет утверждать, что данное учреждение, по сути, являлось экомузеем, интегрирующим природное и историко-культурное наследие.

Важным документом, закрепившим новый вектор развития, стала Программа развития культуры Хакасии на 1996—2000 годы, утвержденная постановлением Верховного Совета Республики Хакасия от 14 февраля 1996 г. В ней в качестве одной из приоритетных задач было предусмотрено создание музеев под открытым небом и формирование соответствующей инфраструктуры музейных учреждений.

В начале 1990-х гг. Л. В. Ереминым был разработан проект археологического парка на базе историко-культурного комплекса Тарпиг в Орджоникидзевском районе [3, с. 34]. Однако к 1995 г., на этапе подготовки к реализации, стало очевидно, что узкоархеологическая тематика недостаточна для обеспечения долгосрочной жизнеспособности и востребованности будущего учреждения. В результате было принято стратегическое решение о расширении тематического диапазона за счет включения хакасской этнографической и экологической составляющих. Одновременно была произведена смена локации, базой для создания музея-заповедника была выбрана территория близ с. Казановки. Учреждение в 1996 г. Хакасского республиканского национального музея-заповедника «Казановка» стало знаковым событием, началом системного и масштабного процесса музеефикации историко-культурного и природного наследия Республики Хакасия. Предлагаем рассмотреть хронологию формирования музеев под открытым небом на территории Хакасии подробнее.

Хакасский республиканский национальный музей-заповедник «Казановка» основан в 1996 г. постановлением Совета Министров Республики Хакасия от 28 февраля 1996 г. № 50 и становится первым музеем-заповедником Хакасии. Территория близ с. Казановки была выбрана не случайно, она обладала значительным числом (более 2 тыс. [4, с. 101]) уникальных археологических памятников в хорошей степени сохранности. Также через Казановку проходит автомобильная дорога Аскиз — Вершина Тёи и железная дорога Абакан — Новокузнецк, что делает основную часть объектов экспозиции доступной для посетителей. Неоценимый вклад в создание первого в Хакасии музея-заповедника внесли: В. К. Кулимеева (предоставила материалы собственных полевых изысканий на территории будущего музея); Н. А. Боковенко (систематизировал на первоначальном этапе археологические памятники); Я. И. Сунчугашев (еще

в 1960—1980 гг. им была обследована территория будущего музея-заповедника и выявлены памятники земледелия и металлургии); Л. П. Мылтыгашева (оказала помощь при подготовке решения и реализации проекта); Л. В. Еремин (автор проекта музея-заповедника «Казановка»).

Полтаковский музей наскального искусства «Хайа хоос» вырос из инициативы археологов 1980-х гг. Первоначально обсуждалась идея создания стелария (место, где представлены археологические памятники из фондов музея, обнаруженные на территории Тувы) в центре с. Аскиз, но как раз в этот момент строился дом культуры в пос. Есино (Полтаков), и было принято решение установить все камни именно там. Импровизированный музей под открытым небом получил статус муниципального в 2003 г. Основу фондов Полтаковского музея наскального искусства составляют памятники археологии — стелы, изваяния и менгиры с нанесенными на них петроглифами. Это крупнейшая в Южной Сибири коллекция наскальных рисунков, организованная в форме экспозиции под открытым небом. В 2016 г. Полтаковский музей перешел в ведение музея-заповедника «Хуртуях тас» как обособленный отдел наскального искусства «Хайа хоос». За последние годы состояние представленной в нем коллекции курганных плит и стел заметно улучшилось. Многие из них установили в вертикальное положение, другие уложили на каменные подушки, чтобы с них стекала дождевая и талая вода. Это спасает ценные камни от разрушения и позволяет посетителям лучше рассмотреть нанесенные на них рисунки. В 2014 г. студенты Кемеровского госуниверситета под руководством ученых Е. А. Миклашевич и О. С. Советовой расчистили несколько десятков плит. В результате удалось открыть и сохранить ранее невидимые глазу изображения, ставшие доступными для тщательного научного исследования и экспонирования. Для удобства сотрудников и посетителей на территории музея возведена юрта. Продумывается создание навесов для защиты петроглифов от влаги, а с учетом роста числа посетителей планируется модернизация экспозиции [5, с. 120].

Музей-заповедник «Хуртуях тас» официально создан в 2003 г. [6], однако фактически его история начинается с середины XX в. и связана с каменным изваянием Улуг Хуртуях тас. В 1954 г. изваяние было перемещено в Хакасский республиканский краеведческий музей (директор А. Н. Липский). Причиной перемещения памятника стала попытка пресечь вандализм. Изваяние Хуртуях тас пользуется особым почитанием как объект женского культа и покровительница материнства. Сразу же после перемещения изваяния от местных жителей в органы государственной власти стали поступать просьбы о возвращении изваяния на первоначальное место. Процесс возвращения, активизировавшийся в 2000-е гг., был сопряжен с противоречиями. Общественность настаивала на немедленном переносе, тогда как научное сообщество указывало на риски разрушения памятника из-за длительного нахождения в помещении и наличия трещин, осложнявших транспортировку. Компромиссное решение, принятое в 2003 г., предусматривало передачу изваяния на временное хранение в создаваемый районный музей под открытым небом. Для обес-

печения сохранности стелы в 2004 г. над ней был построен павильон в виде юрты.

Сегодня экспозиция музея-заповедника объединяет археологические, этнографические и культурные элементы: стелу Улуг Хуртуях тас, хакасскую юрту XIX в., курганы тагарской археологической культуры. В сентябре 2025 г. в музее открыли уличную экспозицию, посвященную древнему изваянию. Перспективы дальнейшего развития сотрудники музея связывают с пополнением сведений об изваянии Улуг Хуртуях тас (архивная работа, фольклорные экспедиции) и последующим расширением освещения темы хакаской традиционной культуры [1, с. 159].

Муниципальный музей «Древние курганы Салбыкской степи» создан в 2007 г. по инициативе Совета по историко-культурному наследию [1, с. 159] (автор проекта — В. В. Тараканов). Инициатива создания музея на базе известного археологического комплекса «Большой Салбыкский курган» явилась своеобразной реакцией на растущую стихийную посещаемость объекта с учащающимися, как следствие, актами вандализма. Основу фонда музея составляют два крупнейших на территории Южной Сибири кургана — Салбык и Барсучий лог. В первые годы работы комплекса были оборудованы экспозиционные юрты, в которых представлены предметы материальной культуры тагарцев, а также макеты и реконструкции, возведены беседки для мастер-классов и встреч, создана необходимая инфраструктура. На территории музея «Древние курганы Салбыкской степи» ежегодно проходит посвящение в историки студентов первого курса института истории и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Концепцией развития археологического музейного комплекса «Долина царей» предусмотрено строительство всесезонного визит-центра на въезде в Салбыкскую долину. По проекту начало строительства планируется в 2026 г.

Арбатский муниципальный музей под открытым небом. В 2009 г. администрация Таштыпского района приняла решение о создании музея под открытым небом «Малоарбатинский писанец» на правом берегу р. Малые Арбаты. Музей под открытым небом был открыт в 2010 г. как филиал муниципального бюджетного учреждения культуры (МБУК) «Таштыпский муниципальный краеведческий музей». В 2012 г. реорганизован в МБУК «Арбатский муниципальный музей под открытым небом». Основой музея под открытым небом является археологический памятник «Малоарбатская писаница» (музеефицирован в 2009 г.), представляющий два разновременных пласта изображений, нанесенных природной краской охрой на поверхность скалы: антропоморфные окуневские личины эпохи ранней бронзы и хакаские тамговидные знаки этнографического времени. На территории музея расположена экспозиция быта кочевника, войлочная юрта с представлением традиционного хакаского быта. В 2011 г. открыта «Казачья усадьба», знакомящая с жизненным укладом казаков старейшего казачьего села. Казачья усадьба представляет собой реконструированную подлинную казачью избу Н. Н. Сипкина, построенную в 1896 г. Основу содержания музея составляют внебюджетные средства. Сегодня у музея есть проблемы

с ремонтом отдельных построек и остро стоит вопрос о строительстве фондохранилища¹.

Музей под открытым небом «Усть-Сос». В 2009 г. администрацией Бейского района было принято решение о создании музея под открытым небом «Усть-Сос», открыт он был в 2010 г. Создание музея позволило объединить в одном комплексе исторические, археологические, этнографические и ландшафтные памятники. Основным экспонатом музея является культовое каменное изваяние Алтын Арчол (Хуртуях тас палазы). Также на территории музея расположен юрточный комплекс с этнографическими экспозициями, курганные группы тагарской археологической культуры, крепости — све Кирбэ, Хан Обазы, Узун Чал и Муус тигей, копии поминальных стел с енисейской письменностью с озера Алтын Коль. По проекту развития музея в этнографическом комплексе будут расположены еще три юрты — воина, шамана и бая.

Музей-заповедник «Сундуки» изначально планировался как филиал музея под открытым небом «Сулек и Сундуки» Орджоникидзевского района [3, с. 41]. Шаг к объединению объектов не имел положительного эффекта, так как достопримечательности находятся на значительном удалении друг от друга и имеют различное содержание. С 2011 г. создается музей-заповедник «Сундуки», включающий в себя природную территорию горной гряды Сундуки, петроглифы, а также археологические объекты. В 2013 г. музей был реорганизован с выделением двух юридических лиц: музея-заповедника «Сундуки» и музея-заповедника «Сулеки»². На территории музея-заповедника «Сундуки» действует постоянная экспозиция в виде традиционного жилища хакасов (юрта). Территория представляет собой гряду из нескольких отдельно стоящих гор-останцов, высота некоторых достигает 200 м. Всего в горной цепи около двадцати возвышенностей, самых известных из них девять, а изучены только пять. Им присвоены порядковые номера. Первая — Сундук наиболее интересная и значимая в гряде. Имеет подковообразную форму с углублением внутри. А на самой высокой точке стоит естественная скала-останец, не до конца разрушенная ветрами и осадками. По утверждению археолога В. Е. Ларичева, первый Сундук, как и другие возвышенности в долине между реками Белый и Черный Июс, является самой древней в Азии астрономической обсерваторией [7]. В состав музея-заповедника входит гора Солбон, на ней сохранился петроглиф Белая лошадь (16 тыс. лет, по другим данным — от 18 до 32 тыс. лет). Сделанный методом скола солей известняка, петроглиф является единственным подобным изображением в России. На территории музея-заповедника проводят экскурсии, связанные с астрономическими аспектами археологических памятников. В музее су-

¹ См. об этом: Мусихина П. Мы заслужили внимания или о сложностях музейного дела // Земля Таштыпская. 2022. 22 апр. (№ 15). С. 17. (авторская орфография сохранена. — *ред.*)

² См.: О реорганизации муниципального бюджетного учреждения культуры «Музей Орджоникидзевского района» в форме выделения двух юридических лиц : постановление администрации Орджоникидзевского района Республики Хакасия от 5 июня 2013 г. № 331 // ООО «Арк-тур». Культурно-просветительский центр им. В. Е. Ларичева : офиц. сайт. URL: https://sunduki19.ru/web/public/upload_files/30_08_04_2020/1_1586331148Postanovleniye_o_reorganizatsii.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

существует риск повреждения некоторых объектов. Круглосуточная охрана объекта осуществляется только на территории административно-хозяйственных и экспозиционных юрт. Популярные объекты на четвертом, пятом Сундуках, святилище Белая лошадь и ряд других достопримечательностей комплекса находятся в свободном доступе [8]. В сентябре 2025 г. сообщалось, что на четвертом Сундуке туристами разрушена часть стены с петроглифами.

Музей-заповедник «Сулеки» начал свою работу в 2013 г. До создания музея-заповедника достопримечательность не была музеефицирована и не охранялась, поэтому многие рисунки утрачены. Стояла задача уберечь памятник от полного исчезновения, в неизменном виде сохранены лишь около 30 % изображений [9, с. 31]. Основным объект показа — Сулекская писаница, памятник изобразительного искусства в основном тагарской культуры и раннего Средневековья. Юртовый комплекс представлен пятью юртами. Юрты используются для экспозиционно-выставочной деятельности, создана юрта в честь сказителя П. В. Курбижекова [9, с. 30], юрта гида, имеются места для рекреации туристов, которые планируется обустроить. Первоочередная задача сотрудников — сохранение существующих рисунков, разрушающихся под действием не только антропогенного, но и природного фактора. Работа ведется современными методами цифрового копирования и графического воспроизведения как утраченных, так и ныне существующих рисунков. Результат такой работы можно демонстрировать через экран, печатно отдельными сценами и композициями.

Ширинский археологический парк. На основании республиканской целевой программы о популяризации культурного наследия и туризма¹ в Ширинском районе Хакасии была принята соответствующая районная программа. В рамках ее реализации в 2011 г. был открыт филиал автономного учреждения культуры «Ширинский районный краеведческий музей им. Д. С. Лалетина» — музей под открытым небом «Ширинский археологический парк». В этом же году была открыта первая музейная экспозиция — войлочная юрта, в которой воспроизведен быт и представлена древняя история Хакасии. На территории парка находятся све Чебаки, палеолитическая стоянка Малая Сыя, грот Проскурякова, пещера Археологическая, петроглифы озера Тус, Туимский кромлех и каменное изваяние Богиня Умай. Экскурсионные программы музея посвящены гроту Проскурякова со следами пребывания палеолитического человека и рисунками раннебронзового века; Археологической пещере — карстовой пещере, являющейся геологическим памятником. По склону горного массива Тогыс-Аз вдоль реки Белый Июс проложен пешеходный туристический маршрут — Тропа предков. Организован сплав по реке Белый Июс. Музей под открытым небом активно развивается. В первые годы появились четыре юрты (три — жилые, одна — используется как склад), баня, сторожевое помещение и беседки. В 2022 г. на территории археологического парка открылся

¹ См.: О Республиканской целевой программе «Популяризация культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009—2013 годы»: закон Республики Хакасия от 8 дек. 2008 г. № 83-ЗРХ // КОДЕКС: электрон. фонд правовых и норматив.-техн. документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819079557> (дата обращения: 20.01.2026).

арт-объект «Жилище древнего человека» — пещерное жилище с кроманьонцами. К 2024 г. был проведен капитальный ремонт Тропы предков, организованы площадки для кемпинга, построен визит-центр, что позволило увеличить поток туристов в музей.

Музей под открытым небом «Бояры». В рамках реализации республиканской целевой программы популяризации культурного наследия и развития туризма в 2011 г. был создан музей под открытым небом «Бояры» как филиал Боградского районного краеведческого музея. Основой музейного фонда являются археологические памятники — Большая и Малая Боярские писаницы, которые располагаются на хребте Бояры, наскальные изображения жилищ тагарского времени. Для освещения темы древних поселений и жилищ в Боградском районе имеется значительный потенциал. Например, грот Двуглазка является стоянкой первого человека на территории Хакасии. Музей под открытым небом «Бояры» практически не осуществляет экскурсионной деятельности, однако стихийные туристы его территорию посещают [10].

Музей под открытым небом «Поселок предков» — комплекс исторических реконструкций на территории участка Оглахты заповедника «Хакасский», открытый в 2017 г. Над созданием работал творческий коллектив, объединивший археологов, этнографов, архитекторов и сотрудников заповедника — Ю. Н. Есина, А. И. Поселянина, А. Л. Петренко, И. В. Егорова, К. М. Торбостаева, Т. Н. Доброва и др. Комплекс «Поселок предков», представляющий собой реконструкции жилищ начиная с ранней бронзы, скифского времени, может быть использован как для проведения занятий по краеведению, так и для знакомства всех желающих со страницами истории родной земли [11, с. 20]. В экспозициях воссозданы предметы интерьера, представлены оружие, доспехи и предметы мистического назначения. На территории музея расположена копия Оглахтинской крепости — све. Музей под открытым небом «Поселок предков» не доступен для самостоятельного просмотра, посещение возможно только в сопровождении аттестованного гида.

Создание новых музеев под открытым небом в Хакасии продолжается, знаменуя собой новый этап в развитии этой музейной формы. Так, с 2019 г. ведется работа на горе Крестик в окрестностях Саяногорска по созданию **музея под открытым небом «Казачий сторожевой пост»**. В XIX в. по указу Петра I на этой горе был построен Саянский казачий форпост для охраны границы. К 2024 г. завершилось строительство новодельной казармы, изгороди, сторожевой вышки, кузницы, конюшни, летней кухни и сцены.

Интересный проект реализуется на территории Алтайского района, недалеко от пос. Изыхские Копи — создание **Музея горной техники под открытым небом на горе Изых**, являющегося частью туристско-экскурсионного комплекса «Шахта-парк „Изых”». Выбор локации не случаен: именно с Изыхского месторождения, где позже возник поселок Изыхские Копи, началась промышленная угледобыча в Алтайском районе Хакасии. Идея создания музея зародилась в 2023 г. В 2024—2025 гг. шло благоустройство территории и установка экспонатов: карьерного самосвала БелАЗ, самоходного скрепера, бурового тракторного станка, вагонетки, бульдозера

ЧЕТРА Т-35. В планах — строительство полноценного музея шахтерской славы «Черное золото» (планируемое время открытия — 2028 г.). Экспозиция карьерной техники под открытым небом у пос. Изыхские Копи принадлежит МБУК «Музей Алтайского района». Существует проект создания геологического музея под открытым небом в окрестностях с. Советская Хакасия Боградского района, включающего комплекс рекреации и экопросвещения [12].

Таким образом, развитие сети музеев под открытым небом Республики Хакасия демонстрирует эволюцию от единичного пионерского проекта к системе, охватывающей ключевые историко-культурные ландшафты региона. Инициативы археологов, краеведов и местных сообществ часто были импульсом для создания музеев. Эволюция сети отражает расширение тематических рамок: от первоначального археоцентризма к интеграции этнографического компонента и, наконец, к появлению музеев не археологической направленности.

Однако динамичное развитие сопровождается системными вызовами, обусловленными уязвимостью памятников, актами вандализма, дефицитом финансирования, кадровыми проблемами, что ограничивает экскурсионную и научную деятельность музеев. Существует необходимость модернизации интерпретации, переход от пассивного показа к созданию комплексных образовательных программ, использованию цифровых технологий (3D-фиксация, дополненная реальность) для документирования и презентации утрачиваемых памятников.

Стратегические перспективы развития музеев под открытым небом Хакасии видятся в синтезе их уникальной аутентичности с современными музейными технологиями. Провозглашение 2026 года Годом единства народов России актуализирует их роль как платформ для диалога культур, наглядно демонстрирующих глубину исторических корней и взаимовлияния народов Южной Сибири. Дальнейшее развитие сети должно быть нацелено на укрепление охраны, внедрение научно обоснованных концепций интерпретации, создание современной туристской инфраструктуры. Таким образом, музеи под открытым небом Хакасии из формы сохранения локального наследия трансформируются в значимый инструмент формирования культурного имиджа региона и укрепления общероссийской гражданской идентичности.

Список источников

1. Еремин Л. В. Хакасский «музейный феномен» // Ада чир-суу — Отечество. 2011. № 1. С. 154—161.
2. Дмитриев В. Е. В лабиринтах пещер, гор и истории, или Несколько дней в Июском природном парке. Шира : Госкомитет экологии и природных ресурсов Республики Хакасия, 1993. 47 с.
3. Еремин Л. В. Музеи-заповедники Хакасии. Абакан : Изд-во Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2011. 140 с.
4. Еремин Л. В. Священные горы Хакасии: проблемы охраны и музеефикации // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 101—103.

5. Мамышев А. В. Музей петроглифов Аскизского района: о деятельности отдела наскального искусства МАУК МЗ «Хуртуях тас» // Ермолаевские чтения — 2019 : сб. тр. конф. (Кызыл, 23—25 мая 2019 г.). Кызыл, 2019. С. 118—121. EDN: BQYEOS.
6. Еремин Л. В. Мать матерей: Улуг Хуртуях тас // Сокровища культуры Хакасии. 2009. С. 364—367.
7. Сундуки — великий сакральный центр Северной Хакасии (мифологическое, эпосное и естественно-научное в культовых памятниках древних культур юга Сибири, совмещенных с творениями природы) / В. Е. Ларичев, Е. Г. Гиенко, С. А. Паршиков, С. А. Прокопьева, Г. Ф. Серкин // Астроархеология — естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии : сб. науч. ст. Красноярск : Горд, 2009. С. 73—91.
8. Хроленко Т. А. О мерах по сохранению и популяризации горной гряды Сундуки // Символ науки. 2018. № 7. С. 55—58.
9. Пакачакова Н. П. Музеи под открытым небом как инструмент сохранения материальной и духовной культуры (на примере музея под открытым небом «Сулекская писаница» в Хакасии) // Российская наука в современном мире : сб. ст. XXI междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15 апр. 2019 г.). Ч. 2. М. : Актуальность. РФ, 2019. С. 29—32. EDN: PPPNIK.
10. Еремин Л. В. Репрезентация археологического и этнографического наследия в музеях-заповедниках Хакасии // Археология евразийских степей. 2024. № 5. С. 104—110.
11. Кранчев Д. А., Поселянин А. И., Петренко А. Л. Реконструкция жилищного комплекса таштыкской культуры // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2025. № 2 (52). С. 12—20. EDN: YHKTJO.
12. Махрова М. Л., Чика Е. А. О геологическом музее под открытым небом как объекте рекреации и экопросвещения населения на территории Хакасии // Фундаментальные и прикладные аспекты устойчивого развития ресурсных регионов : сб. науч. ст. V (XXII) Всерос. науч. конф. (Новокузнецк, 27—30 нояб. 2024 г.). Новокузнецк : Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 2025. С. 143—147.

References

1. Yeremin L.V. The Khakassian “museum phenomenon”, *Ada chir-suu = Fatherland: local history almanac*, 2011, no. 1, pp. 154-161.
2. Dmitriev V.Ye. In the labyrinth of caves, mountains and history, or a few days in the Iyus Nature Park. Shira, Goskomitet ekologii i prirodnikh resursov Respubliki Khakasiya, 1993, 47 p.
3. Yeremin L.V. Museum-Conservation Parks of Khakassia. Abakan, Izd-vo Khakasskii gos. un-t im. N.F. Katanova, 2011, 140 p.
4. Yeremin L.V. Sacred Mountains of Khakassia: Problems of Protection and Museumization, *Humanities in Siberia*, 2013, no. 3, pp. 101-103.
5. Mamishev A.V. Askiz District Petroglyph Museum: about the activities of the Rock Art Department of the Municipal Autonomous Institution of Culture of the Ministry of Health “Khurtuyakh Tas”, *Ermolaev Readings 2019, sb. tr. konf. (Kizil, 23-25 May 2019)*. Kizil, 2019, pp. 118-121. EDN: BQYEOS.
6. Yeremin L.V. Mother of mothers: Ulug Khurtuyakh tas, *Cultural treasures of Khakassia*, 2009, pp. 364-367.
7. Larichev V.Ye., Gienko Ye.G., Parshikov S.A., Prokopeva S.A., Serkin G.F. Sundukki is the great sacred center of Northern Khakassia (mythological, epic, and natural-scientific elements in the cult monuments of ancient cultures of southern Siberia, combined with the creations of nature), *Astroarchaeology as a natural scientific tool for understanding the protosciences and astral religions of the priesthood of the ancient cultures of Khakassia*, sb. nauch. st. Krasnoyarsk, Gorod, 2009, pp. 73-91.
8. Khrolenko T.A. On measures to preserve and popularize the Sundukki mountain range, *Symbol of science*, 2018, no. 7, pp. 55-58.

9. Pakachakova N.P. Open-air museums as a tool for preserving material and spiritual culture (on the example of the open-air museum “Sulekskaya Pisanitsa” in Khakassia), Russian science in the modern world, sb. st. XXI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moscow, 15 April 2019), part 2. Moscow, Aktualnost. RF, 2019, pp. 29-32. EDN: PPPNIK.
10. Yeremin L.V. Representation of archaeological and ethnographic heritage in the museum-conservation parks of Khakassia, Archaeology of the Eurasian steppes, 2024, no. 5, pp. 104-110.
11. Kranchev D.A., Poselyanin A.I., Petrenko A.L. Reconstruction of a residential complex of the Tashtyk culture, Bulletin of Katanov Khakass State University, 2025, no. 2 (52), pp. 12-20. EDN: YHKTJO.
12. Makhrova M.L., Chika Ye.A. On the open-air geological museum as a recreational and environmental education facility for the population of Khakassia, Fundamental and applied aspects of sustainable development of resource regions, sb. nauch. st. V (XXII) Vse-ros. nauch. konf. (Novokuznetsk, 27-30 November 2024). Novokuznetsk, Izd-vo Kemerov. gos. un-ta, 2025, pp. 143-147.

Информация об авторе

Кранчев Дмитрий Алексеевич — экскурсовод, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова, Абакан, Российская Федерация. E-mail: d.kranchev@mail.ru

Information about the author

Dmitry A. Kranchev — Tour Guide, Khakass National Museum of Local Lore named after L.R. Kyzlasov, Abakan, Russian Federation. E-mail: d.kranchev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 21.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

Охрана культурного наследия в международном праве в условиях террористических угроз и вооруженных конфликтов

Владислав Викторович Степанец

Независимый исследователь, Белград, Республика Сербия, stepashka1357@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется система международных правовых механизмов охраны культурного наследия в условиях современных террористических угроз и вооруженных конфликтов. Автор анализирует двойственную природу террористических атак на объекты культуры: с одной стороны, как инструмента психологического давления и уничтожения символов идентичности, с другой — как источника финансирования экстремистской деятельности через незаконный оборот артефактов. В работе представлен системный анализ международных конвенций, формирующих многоуровневую систему защиты культурного наследия: Гаагской конвенции 1954 года (защита в условиях вооруженных конфликтов), Конвенции ЮНЕСКО 1970 года (предотвращение незаконного оборота культурных ценностей), Конвенции об охране всемирного наследия 1972 года, Конвенции об охране подводного наследия 2001 года и Конвенции о нематериальном наследии 2003 года. Особое внимание уделяется взаимодействию этих инструментов защиты культурного наследия в условиях террористических угроз. На основе анализа резолюций Совета Безопасности ООН № 2199 (2015 г.) и № 2347 (2017 г.), а также национальных законодательств Ирана, Ирака и Сирии выявляются пробелы в существующей системе защиты и предлагаются пути совершенствования международного сотрудничества в сфере борьбы с разграблением и уничтожением культурных объектов. Рассматривается прецедентное значение решения Международного уголовного суда 2016 года, признавшего уничтожение культурных объектов военным преступлением. Делается вывод о необходимости признания уничтожения культурного наследия преступлением против человечества и усиления координации между государствами, международными организациями (ЮНЕСКО, Интерпол, Управление ООН по наркотикам и преступности) и частным сектором (музеи, аукционные дома) в противодействии незаконной торговле культурными ценностями.

Ключевые слова: культурные ценности, терроризм, международное право, ЮНЕСКО, незаконный оборот артефактов, Совет Безопасности ООН, сохранение мирового культурного наследия

Для цитирования: Степанец В. В. Охрана культурного наследия в международном праве в условиях террористических угроз и вооруженных конфликтов // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 110—120. EDN KPVMHF.

Science and Culture

Original article

Cultural Heritage Protection in International Law in the Context of Terrorist Threats and Armed Conflicts

Vladislav V. Stepanets

Independent Researcher, Belgrade, Republic of Serbia, stepashka1357@gmail.com

Abstract. The article examines the system of international legal mechanisms for protecting cultural heritage in the context of contemporary terrorist threats and armed conflicts. The author analyzes the dual nature of terrorist attacks on cultural sites: on the one hand, as a tool of psychological pressure and the destruction of symbols of identity, and on the other, as a source of funding for extremist activities through the illicit trafficking of artifacts. The paper presents a systematic analysis of international conventions that form a multi-layered system for protecting cultural heritage: the 1954 Hague Convention (Protection in Armed Conflicts), the 1970 UNESCO Convention (Prevention of Illicit Trafficking in Cultural Property), the 1972 World Heritage Convention, the 2001 Convention on the Protection of the Underwater Heritage, and the 2003 Convention on the Intangible Heritage. Particular attention is paid to the interaction of these tools for protecting cultural heritage in the face of terrorist threats. Based on an analysis of UN Security Council resolutions 2199 (2015) and 2347 (2017), as well as the national legislation of Iran, Iraq, and Syria, gaps in the existing protection system are identified and ways to improve international cooperation in combating the looting and destruction of cultural objects are proposed. The precedent-setting significance of the 2016 International Criminal Court ruling recognizing the destruction of cultural objects as a war crime is considered. It is concluded that the destruction of cultural heritage must be recognized as a crime against humanity and that coordination must be strengthened between states, international organizations (UNESCO, INTERPOL, the UN Office on Drugs and Crime), and the private sector (museums, auction houses) in combating the illicit trade in cultural property.

Keywords: cultural property, terrorism, international law, UNESCO, illicit trafficking of artifacts, UN Security Council, preservation of world cultural heritage

For citation: Stepanets V.V. Cultural Heritage Protection in International Law in the Context of Terrorist Threats and Armed Conflicts. *Siberia Humanitarian*. 2026;(1):110—120. (In Russ.). <https://elibrary.ru/kpvmhf>.

Терроризм и вооруженные конфликты представляют серьезную угрозу мировому культурному наследию. Международное сообщество сталкивается с ростом числа деяний, направленных на уничтожение всемирного культурного наследия, разграблением и незаконным оборотом культурных ценностей, совершаемыми террористическими группами. Такие деяния приносят финансовые доходы террористическим организациям и укрепляют их оперативные возможно-

сти [1, p. 138]. Разграбление предметов культуры — не новое явление, особенно в странах со слабыми государственными институтами. Разрушение авторитета государства после вооруженных конфликтов усугубляет проблему. Намеренное уничтожение и кражу культурных ценностей, начавшихся в Афганистане при режиме талибов, в последнее время продолжает ИГИЛ¹ и его сторонники в Ираке, Ливии, Сирии, а также другие исламистские радикальные группы (например, в Мали). В случае ИГИЛ прибыль извлекается из продажи на черном рынке предметов, награбленных в местах археологических раскопок и из музеев, а также из налогообложения перемещения таких предметов через подконтрольные территории.

Международное сообщество через Совет Безопасности ООН и ЮНЕСКО противодействует этим угрозам, призывая к предотвращению незаконного оборота и восстановлению утраченных объектов. Национальные законодательства, например Ирана, Ирака, Сирии, также стремятся защитить культурное наследие, но их эффективность ограничена.

В рамках статьи на основе анализа международных нормативных правовых актов охарактеризована деятельность международного сообщества для предотвращения незаконного оборота культурных ценностей, являющегося источником финансирования терроризма по всему миру. Особую группу правовых источников составляют документы международных организаций: резолюции Совета Безопасности ООН, конвенции ЮНЕСКО, а также национальные законодательства Ирана, Ирака и Сирии, анализ которых позволяет оценить эффективность существующих правовых механизмов.

Проблема охраны культурного наследия в условиях террористических угроз привлекает внимание исследователей различных научных направлений. Значительный вклад в изучение незаконного оборота культурных ценностей как транснационального преступного феномена внес П. Б. Кэмпбелл, рассматривающий торговлю древностями в контексте сетевой структуры организованной преступности [1]. Его исследование демонстрирует интеграцию террористических групп в существующие каналы нелегальной торговли артефактами.

Правовые аспекты защиты культурного наследия разрабатываются в трудах П. В. Баренбойма и А. Л. Захарова, анализирующих значение Пакта Рериха и Гаагской конвенции 1954 года для современной международной системы правовой охраны [2]. Европейский опыт противодействия преступным ассоциациям, специализирующимся на торговле предметами искусства, исследует П. Г. Ферри [3].

Российская историография проблемы представлена работой А. В. Богданова, И. И. Ильинского, В. Е. Хазовой, Е. Н. Хазова, анализирующих криминалистические аспекты хищения предметов, имеющих культурную ценность [4]. Международно-правовые механизмы противодействия незаконному обороту культурных ценностей исследует М. А. Орешина [5], а И. П. Можая систематизирует основные направления борьбы с преступными посягательствами на

¹ Включено в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

культурное наследие [6]. Экзистенциальное значение сохранения культурной памяти для преодоления времени и обеспечения связи поколений подчеркивает Д. С. Лихачев [7].

Эволюция международного права в сфере культуры привела к формированию специализированных режимов охраны для различных категорий наследия. Системный анализ конвенций ЮНЕСКО позволяет выделить несколько ключевых объектов правовой защиты (архитектурное, археологическое, художественное наследие, а также подводное и нематериальное наследие), каждый из которых требует специфических мер охраны.

Фундаментальное значение для защиты архитектурного, художественного и археологического наследия имеет Конвенция ЮНЕСКО о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 года). Статья 1 Конвенции дает широкое определение культурных ценностей, охватывающее «памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские», «археологические месторасположения», «архитектурные ансамбли», а также «произведения искусства, рукописи, книги и другие предметы художественного, исторического или археологического значения». Этот документ впервые установил, что ущерб культурным ценностям каждого народа является ущербом для наследия всего человечества (преамбула). Конвенция обязывает стороны принимать меры по охране ценностей уже в мирное время (ст. 3) и устанавливает два режима защиты: общую и специальную защиту для особо важных объектов, заносимых в Международный реестр культурных ценностей (гл. II). Второй протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года (Гаага, 26 марта 1999 года) усилил ответственность за разрушение памятников и ввел понятие «усиленная защита» для объектов, имеющих выдающееся значение для человечества.

Важнейшим инструментом предотвращения незаконного оборота выступает Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14 ноября 1970 года). Конвенция определяет культурные ценности как ценности религиозного или светского характера, представляющие значение для археологии, истории, литературы, искусства и науки (ст. 1). Она обязывает государства — участников Конвенции создавать национальные службы охраны наследия, вводить сертификаты на вывоз ценностей и способствовать их возвращению законным владельцам (ст. 5, 6, 7).

Специализированным инструментом, дополняющим гаагскую систему, выступает Конвенция ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия (Париж, 2 ноября 2001 года). Она определяет подводное культурное наследие как «все следы человеческого существования, имеющие культурный, исторический или археологический характер, которые частично или полностью, периодически или постоянно находятся под водой на протяжении не менее 100 лет» (ст. 1). К нему относятся затонувшие суда, летательные аппараты, их грузы, а также археологические объекты и сооружения под водой. Конвенция устанавливает приоритет сохранения наследия *in situ*

(на месте обнаружения) и категорически запрещает его коммерческую эксплуатацию (ст. 2).

Особое место в системе охраны занимает Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (Париж, 17 октября 2003 года). Под нематериальным наследием понимаются «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства», признанные сообществами в качестве части их культурного наследия (ст. 2). Конвенция выделяет пять основных областей проявления такого наследия: устные традиции (включая язык как носитель), исполнительские искусства, обычаи и празднества, знания о природе и вселенной, а также навыки традиционных ремесел (ст. 2.2). Этот документ принципиально важен для понимания того, что уничтожение материальных памятников террористами наносит невосполнимый удар и по связанным с ними нематериальным практикам и традициям.

Завершает систему Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 года), которая создала механизм включения объектов в Список всемирного наследия и установила обязательства государств по его сохранению. Конвенция определяет культурное наследие как памятники, ансамбли и достопримечательные места, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки (ст. 1).

Таким образом, в современном международном праве сформирована многоуровневая система защиты культурного наследия, включающая документы:

- по охране архитектурного, художественного и археологического наследия в условиях вооруженных конфликтов;
- предотвращению незаконного оборота культурных ценностей;
- защите подводного наследия от коммерческой эксплуатации;
- сохранению нематериальных форм;
- формированию режима международного признания выдающейся универсальной ценности объектов.

В контексте террористических угроз особое значение приобретает взаимодействие этих инструментов защиты, так как, например, разрушение древних храмов в Пальмире (объекты, включенные в Список всемирного наследия) повлекло уничтожение связанных с ними религиозных практик (подпадающих под охрану по Конвенции 2003 г.) и сопровождалось разграблением артефактов, запрещенным Конвенцией 1970 г. и Гаагской конвенцией.

Терроризм является одной из наиболее серьезных угроз современности, а последствия террористических актов выходят далеко за пределы человеческих жертв и экономического ущерба. Одной из ключевых мишеней террористических актов нередко становятся объекты культурного наследия — символы идентичности, истории и духовных ценностей народов. Их уничтожение или повреждение наносит невосполнимый удар по культуре, лишая общества уникального исторического контекста и коллективной памяти. Этот процесс не только разрушает материальные свидетельства прошлого, но и подрывает социальную сплоченность, усиливает меж-

культурные противоречия и препятствует сохранению глобального культурного разнообразия.

Терроризм создает специфические риски для культурных ценностей. Гагская конвенция 1954 г. и Конвенция ЮНЕСКО 1970 г. подтвердили необходимость принятия специальных защитных мер, однако террористические группы, как негосударственные акторы, не являются участниками этих соглашений [2, с. 109—115]. Некоторые страны — участники Гагской конвенции 1954 г., вовлеченные в различные вооруженные конфликты, подвержены риску утраты культурных ценностей, исторических зданий и религиозных памятников. Помимо риска нанесения ущерба в результате вооруженного конфликта, присутствие террористических групп на их территории повышает риск мародерства.

Нестабильная политическая ситуация в стране и отвлечение сил безопасности создают условия для тайных раскопок и незаконного вывоза артефактов. Террористические группы активно используют разрушение и расхищение культурных ценностей в собственных целях [1, р. 113—153]. Находясь вблизи источников древностей, они уничтожают памятники, имеющие религиозное или этническое значение, а также используют артефакты в политических и пропагандистских целях.

Объекты культурного наследия — древние храмы, музеи, библиотеки, археологические памятники — становятся целями террористов именно в силу своей символической значимости. Уничтожение статуй Будды в Бамиане талибами (2001), разграбление музеев в Ираке и Сирии боевиками ИГИЛ¹ направлены на стирание исторической памяти и культурной идентичности. Эти акции служат инструментом психологического давления и пропаганды, демонстрируя способность террористов уничтожать то, что ценно для общества. Идеологическая мотивация также играет роль: экстремисты, отвергающие иные религии и культуры, рассматривают памятники как символы чуждой идеологии, подлежащие уничтожению. Наконец, присутствует и прагматический аспект: разграбление и последующая нелегальная торговля артефактами становятся важным источником финансирования террористической деятельности [5, с. 141].

Международное сообщество осознает масштаб угрозы. ООН, и прежде всего ЮНЕСКО, координирует усилия по сохранению культурных объектов в зонах конфликтов. Так, 12 февраля 2015 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 2199, осуждающую уничтожение культурного наследия террористическими группами и призывающую государства пресекать незаконную торговлю культурными ценностями. ЮНЕСКО разработала стратегию защиты культурного наследия в условиях вооруженных конфликтов, включающую мониторинг объектов, обучение специалистов и содействие восстановлению поврежденных памятников. Многие страны, территории которых пострадали от террористических атак, усилили национальное законодательство и сотрудничают с международными ор-

¹ Включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

ганизациями для предотвращения контрабанды артефактов. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2199 подчеркивает серьезность угрозы терроризма для культурного наследия и закрепляет конкретные меры противодействия. Документ отражает глобальный консенсус о необходимости борьбы с группами, использующими разграбление и уничтожение культурных объектов как источник финансирования и средство пропаганды [4, с. 169—176]. В Резолюции осуждается разрушение культурного наследия в Ираке и Сирии, особенно преднамеренные акты вандализма со стороны ИГИЛ и «Джебхат ан-Нусра»¹. Подчеркивается, что эти группы получают доходы от разграбления мест археологических раскопок, музеев, библиотек и архивов, используя незаконный вывоз ценностей.

Государства — члены ООН обязаны предотвращать торговлю культурными объектами, незаконно изъятыми из Ирака после 6 августа 1990 г. и из Сирии после 15 марта 2011 г., в том числе трансграничную торговлю ими. Резолюция призывает ЮНЕСКО, Интерпол и другие международные организации оказывать поддержку в реализации этих положений.

Принятая 24 марта 2017 г. резолюция № 2347 Совета Безопасности ООН полностью посвящена мерам по борьбе с использованием террористическими группами культурных ценностей. Резолюция призвала государства:

- запрашивать и оказывать содействие в расследовании, уголовном преследовании, аресте, конфискации, возвращении и реституции культурных ценностей;
- вводить или совершенствовать национальные списки культурного наследия, обеспечивая их доступность в цифровой форме;
- принимать нормативные положения о вывозе и ввозе, включая сертификацию происхождения;
- использовать и пополнять базы данных Интерпола, ЮНЕСКО и Всемирной таможенной организации (ARCHEO), а также предоставлять информацию для портала SHERLOC УНП ООН² и Группе по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями.

Резолюцией № 2347 также предусмотрено активное участие частного сектора (музеи, ассоциации предпринимателей, рынки предметов старины) в обеспечении стандартов должной осмотрительности для предотвращения торговли похищенными культурными ценностями.

ЮНЕСКО, играющая роль координатора усилий по защите наследия, разработала программы мониторинга объектов в зонах конфликтов, поддерживает базу данных национальных законодательств (3 110 законов 189 стран), что помогает гармонизировать правовые рамки для предотвращения незаконного оборота [6, с. 79]. ЮНЕСКО использует веб-оповещения для информирования о похищенных ценностях Интерпола и таможенных служб. Совместные инициативы, такие как Совместные действия против незаконного оборота

¹ Включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

² Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (англ. United Nations Office on Drugs and Crime).

объектов культурного наследия (СОНОК)¹, направлены на исследование, обмен информацией, обучение правоохранительных органов и укрепление международного сотрудничества [6, с. 83]. СОНОК представляет собой практическую реализацию тех мер, которые закреплены в резолюциях Совета Безопасности ООН (№ 2199 и № 2347), демонстрирует переход от декларативных призывов к конкретным действиям по пресечению финансирования терроризма через незаконную торговлю артефактами. СОНОК направлена на объединение усилий трех агентств, ЮНЕСКО, ООН и Интерпола, для усиления борьбы с транснациональной преступностью в сфере незаконного оборота объектами культурного наследия. Пилотной площадкой для реализации инициативы выбран Средиземноморский регион, где проблема незаконного оборота культурных ценностей стоит особенно остро.

Инициатива СОНОК направлена на решение следующих задач:

- повышение осведомленности о проблеме незаконного оборота культурных ценностей;
- укрепление потенциала правоохранительных органов в вопросах выявления, расследования и пресечения преступлений;
- активизацию международного сотрудничества в борьбе с этим видом транснациональной организованной преступности.

Деятельность в рамках инициативы опирается на ключевые международные инструменты, включая Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности и Международные руководящие принципы принятия мер в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в отношении незаконного оборота культурных ценностей и других связанных с ним преступлений.

Национальные законодательства в этой сфере варьируются в зависимости от исторического контекста, правовых традиций и текущих угроз. Законодательство Ирана, Ирака и Сирии отражает уникальные контексты этих стран, однако его реализация осложняется конфликтами и деятельностью террористических групп. В Иране действует Закон об охране национального наследия (1930 г. с поправками), запрещающий незаконный вывоз культурных ценностей и требующий государственной регистрации археологических находок. После Исламской революции 1979 г. контроль за экспортом был усилен. Закон о борьбе с финансированием терроризма (2018) включает положения о защите культурных объектов и требует координации действий Корпуса стражей исламской революции и Министерства культурного наследия.

Ирак после разграбления культурного наследия в период оккупации ИГИЛ (2014—2017) принял Закон № 55 «О предметах древности и культурном и историческом наследии» (2015), который запрещает незаконный вывоз, предусматривает суровое наказание за хищения и обязывает силы безопасности координировать действия с Государственным советом по древностям и наследию.

¹ СОНОК (русскаяязычная аббревиатура), или CATCH (англ. Co-Action Against Trafficking in Cultural Heritage), — это совместная инициатива по борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей, запущенная в 2023 г. тремя ключевыми международными организациями: ЮНЕСКО, УНП ООН и Интерполом.

В Сирии, столкнувшейся с систематическим разграблением и уничтожением памятников (включая объекты Всемирного наследия в Пальмире, Алеппо и Дамаске), национальное законодательство было адаптировано к новым вызовам после 2014 г. Генеральное управление древностей и музеев (DGAM) инициировало пересмотр Закона о памятниках Сирийской Арабской Республики от 26 октября 1963 г. № 222 введением обязательного мониторинга объектов в зонах конфликта и создание реестров похищенных ценностей для передачи в Интерпол и ЮНЕСКО. Указом президента была усилена ответственность военных и правоохранительных органов за защиту культурных ценностей, предусмотрено создание временных хранилищ для эвакуированных артефактов.

Дополняя резолюцию Совета Безопасности ООН от 19 декабря 2014 г. № 2195 о связях между терроризмом и транснациональной организованной преступностью, резолюция Совета Безопасности ООН от 12 февраля 2015 г. № 2199 посвятила отдельный раздел культурному наследию. Совет Безопасности осудил разрушение объектов культурного наследия в Ираке и Сирии ИГИЛ и «Джебхат ан-Нусра», признав наличие тесных связей между незаконным оборотом культурных ценностей и финансированием терроризма. Все государства-члены должны принять меры для предотвращения торговли культурными ценностями, незаконно вывезенными из этих стран.

В современных условиях особое значение приобретает проверка обстоятельств уничтожения, повреждения и разграбления культурных ценностей в результате актов международного терроризма. В Сирии, Ираке, Йемене и Мали — странах, изобилующих археологическими памятниками и артефактами, являющимися культурной памятью не только этих народов, но и всего человечества — памятники подвергаются систематическому уничтожению.

Позиция ООН однозначна: уничтожение культурного наследия рассматривается как преступление против человечества. В 2016 г. Международный уголовный суд впервые признал уничтожение культурных объектов военным преступлением, осудив лидера малийской экстремистской группировки за разрушение мавзолеев в Тимбукту. Это решение стало важным прецедентом, демонстрирующим признание международным правом культурного наследия неотъемлемой частью глобальной безопасности.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Террористические группы трансформировали подход к культурному наследию, используя его в трех взаимосвязанных направлениях: как мишень для идеологического подавления (уничтожение символов идентичности), как источник финансирования (незаконный оборот артефактов) и как инструмент пропаганды (демонстрация актов вандализма для устрашения). Эта multifunctionality требует комплексного подхода к противодействию.

Существующая система международной правовой охраны создает нормативную основу для защиты культурного наследия. Ключевой проблемой остается имплементация этих норм на национальном уровне и привлечение к ответственности негосударственных акторов.

Эффективное противодействие незаконному обороту культурных ценностей требует тесного сотрудничества между государствами,

международными организациями (ЮНЕСКО, Интерпол, УНП ООН) и частным сектором (аукционные дома, музеи, ассоциации коллекционеров). Инициатива СОНОК представляет собой перспективную модель такого взаимодействия.

Признание Международным уголовным судом уничтожения культурных объектов военным преступлением создает прецедент, который должен быть развит в практике национальных судов и международных трибуналов.

Внедрение цифровых технологий (базы данных похищенных ценностей, реестры национального наследия, веб-оповещения) существенно повышает эффективность контроля за перемещением культурных ценностей и их идентификации.

Опыт Ирана, Ирака и Сирии демонстрирует, что даже в условиях конфликта можно адаптировать национальное законодательство к новым вызовам. Особое значение имеет координация между военными, правоохранительными органами и структурами, отвечающими за охрану культурного наследия.

Культурное наследие — это не совокупность материальных объектов, а живая связь между прошлым, настоящим и будущим, и его сохранение остается одной из важнейших задач современности. Противодействие террористическим угрозам в этой сфере требует не только совершенствования правовых механизмов, но и формирования глобального консенсуса о ценности культурного разнообразия как основы устойчивого развития человечества.

Список источников

1. Campbell P. B. The Illicit Antiquities Trade as a Transnational Criminal Network: Characterizing and Anticipating Trafficking of Cultural Heritage // *International Journal of Cultural Property*. 2013. No. 20. P. 113—153.
2. Баренбойм П. В., Захаров А. Л. Пакт Рериха в XXI веке. М. : Летний сад, 2010. 115 с.
3. Ferri P. G. Fighting criminal associations trafficking in cultural and artistic goods // *The European Review of Organised Crime*. 2014. No. 2. P. 119—128.
4. Противодействие хищениям предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность / А. В. Богданов, И. И. Ильинский, В. Е. Хазова, Е. Н. Хазов // *Вестник Московского университета МВД России*. 2019. № 3. С. 169—176.
5. Орешина М. А. К вопросу о противодействии незаконному обороту культурных ценностей // *Международная жизнь*. 2018. № 12. С. 134—151.
6. Можаяева И. П. Основные направления противодействия преступным посягательствам на культурные ценности // *Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 3. С. 72—89.
7. Лихачев Д. С. Память преодолевает время // *Наше наследие*. 2014. № 108. С. 1—4.

References

1. Campbell P.B. The Illicit Antiquities Trade as a Transnational Criminal Network: Characterizing and Anticipating Trafficking of Cultural Heritage, *International Journal of Cultural Property*, 2013, no. 20, pp. 113-153.
2. Barenboim P.V., Zakharov A.L. The Roerich Pact in the 21st Century. Moscow, Letnii sad, 2010, 115 p.
3. Ferri P.G. Fighting criminal associations trafficking in cultural and artistic goods, *The European Review of Organised Crime*, 2014, no. 2, pp. 119-128.

4. Bogdanov A.V., Ilinskii I.I., Khazova V.Ye., Khazov Ye.N. Combating the theft of objects or documents of special historical, scientific, cultural, religious and artistic value, Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 3, pp. 169-176.
5. Oreshina M.A. On the issue of combating the illegal circulation of cultural property, International Life, 2018, no. 12, pp. 134-151.
6. Mozhaeva I.P. Main directions of counteracting criminal attacks on cultural property, Journal of the Higher School of Economics, 2020, no. 3, pp. 72-89.
7. Likhachev D.S. Memory overcomes time, Our Heritage, 2014, no. 108, pp. 1-4.

Информация об авторе

Степанец Владислав Викторович — независимый исследователь, Белград, Республика Сербия. E-mail: stepashka1357@gmail.com

Information about the author

Vladislav V. Stepanets — Independent Researcher, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: stepashka1357@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 21.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ EDUCATION AND UPBRINGING

Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 121—128.
Siberia Humanitarian. 2026;(1):121—128.

Образование и воспитание

Научная статья
УДК 378.096:316.61-054.6
EDN WVDFBW

Социокультурная адаптация иностранных студентов в процессе обучения на подготовительном факультете вуза

Светлана Сергеевна Лопатина

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск,
Российская Федерация, s.s.lopatina@nsuem.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1690-4384>

Аннотация. Статья посвящена проблемам социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся на подготовительном факультете Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) и Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ). Современное учреждение высшего образования должно способствовать организации обучения русскому языку и базовым дисциплинам на подготовительном факультете, а также эффективной социокультурной адаптации иностранных студентов для комфортного обучения и жизни в России. В статье представлен анализ различных аспектов социокультурной адаптации: языковой, культурный, психологический, социальный, академический, межкультурный. Предложены пути адаптации в период обучения в вузе. Изучение коллокаций и языкового портрета слова способствует языковой адаптации иностранных студентов. Культурная адаптация происходит посредством учебной и внеучебной деятельности. Психологической социокультурной адаптации будет способствовать комфортное эмоциональное состояние студентов, формирование положительных эмоций. Социальный аспект связан с готовностью иностранных студентов адаптироваться к социальной жизни в новой стране. Академический аспект предполагает комфортное обучение, общение в образовательном пространстве вуза. Межкультурная социокультурная адаптация характеризуется готовностью студентов вступать в коммуникацию в поликультурных группах. В статье представлены комментарии иностранных студентов, обучающихся на подготовительном факультете НГУЭУ и НГТУ об аспектах социокультурной адаптации.

Ключевые слова: подготовительный факультет, иностранные студенты, социокультурная адаптация, аспекты социокультурной адаптации, учебная и внеучебная деятельность, образовательное пространство вуза, довузовская подготовка иностранных граждан, подготовительный факультет, рабочие программы дисциплин

Для цитирования: Лопатина С. С. Социокультурная адаптация иностранных студентов в процессе обучения на подготовительном факультете вуза // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 121—128. EDN WVDFBW.

Education and upbringing

Original article

Sociocultural Adaptation of International Students in University Preparatory Courses

Svetlana S. Lopatina

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation, s.s.lopatina@nsuem.ru ORCID: 0000-0002-1690-4384

Abstract. The article examines the sociocultural adaptation of international students taking preparatory courses at Novosibirsk State Technical University (NSTU) and Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM). A modern higher education institution should facilitate the teaching of Russian and core subjects at the preparatory courses, as well as the effective sociocultural adaptation of international students to ensure comfortable study and life in Russia. The article analyzes various aspects of sociocultural adaptation: linguistic, cultural, psychological, social, academic, and intercultural. The article proposes pathways for adaptation during university studies. The study of collocations and the linguistic portrait of words facilitates the linguistic adaptation of international students. Cultural adaptation occurs through academic and extracurricular activities. Students' comfortable emotional state and the development of positive emotions contribute to psychological sociocultural adaptation. The social aspect relates to the readiness of international students to adapt to social life in a new country. The academic aspect involves comfortable learning and interaction within the university's educational environment. Intercultural sociocultural adaptation is characterized by students' willingness to communicate in multicultural groups. This article presents comments from international students studying at the preparatory courses of NSUEM and NSTU on aspects of sociocultural adaptation.

Keywords: preparatory courses, international students, sociocultural adaptation, aspects of sociocultural adaptation, academic and extracurricular activities, university educational environment, pre-university training of international students, preparatory course curricula

For citation: Lopatina S.S. Sociocultural Adaptation of International Students in University Preparatory Courses. *Siberia Humanitarian*. 2026;(1):121—128. (In Russ.). <https://elibrary.ru/wvdfbw>.

В настоящее время в Новосибирск для обучения на подготовительном факультете приезжает молодежь из Камеруна, Нигерии, Буркина Фасо, Мали, Замбии, Зимбабве, Бангладеш, Лаоса, Китая, Мексики, Монголии, Йемена, Пакистана, стран Центральной Азии. Целью та-

кого обучения является поступление в дальнейшем на первый курс университета. Качество обучения иностранцев в вузах в России, а также их жизни в нашей стране во многом зависят от успешной адаптации к новой социокультурной среде. Задача современного вуза — не только обеспечить эффективное обучение русскому языку и подготовку по базовым дисциплинам для поступления, но и способствовать социокультурной адаптации иностранцев в образовательном пространстве вуза.

Проблеме довузовской подготовки иностранных абитуриентов, их обучению на подготовительном факультете вуза посвящено немало работ. Так, Г. А. Абдрахимова, А. И. Азнабаева раскрывают методику обучения иностранцев русскому языку на подготовительных курсах с целью их адаптации [1, с. 214], О. В. Александрова характеризует психолого-педагогическое сопровождение иностранных студентов, выделяя два уровня, анализирует педагогические условия, необходимые для адаптации [2, с. 70]. Исследователь Т. Н. Алексеев отмечает актуальность комплексного подхода в процессе социокультурной адаптации иностранных студентов в период довузовской подготовки, подчеркивая, что изучение только русского языка и базовых дисциплин недостаточно для эффективной социокультурной адаптации [3, с. 38]. Исследователь И. С. Баталова актуализирует условия, необходимые для образовательного процесса иностранных студентов в МГТУ им. Н. Э. Баумана [4, с. 45]. Различные аспекты адаптации иностранных студентов к жизни в России рассматривает в своих исследованиях Е. М. Борисова [5, с. 105], а Ю. Г. Воробьева анализирует методические подходы и организационные аспекты адаптации иностранных студентов к жизни в России [6, с. 89].

Социокультурная адаптация — процесс приспособления человека к условиям жизни, нормам поведения, нормам общения в новой социальной среде. В процессе обучения на подготовительном факультете иностранные студенты должны не только изучить русский язык на уровне А1 и А2, освоить базовые предметы для поступления на 1 курс университета, но и комфортно чувствовать себя в России, знать и применять свои знания в разных ситуациях общения. Однако во многих вузах обучение на подготовительном факультете ограничивается изучением русского языка и базовых дисциплин. Студенты не имеют представления об университете, своей будущей специальности и общаются только в своей группе, плохо знают город, посещают ограниченный круг мероприятий, не имеют представления о российской культуре и нормах поведения в новой социокультурной среде. Кроме того, в группах, где обучающиеся представляют разные культуры, студенты, как правило, общаются только со своими соотечественниками. Иностранные студенты, как правило, изолированы от активной жизни университета во время обучения как на подготовительном факультете, так и на первом курсе университета.

Для успешной социокультурной адаптации иностранных студентов необходимо, на наш взгляд, предложить пути ее формирования. Современные ученые в области социологии, педагогики и психологии выделяют различные аспекты социокультурной адаптации. Коллин Уорд и Энтони Кеннеди отмечают значение психологической адаптации, когда человек, находящийся в новой социокультурной

среде, чувствует удовлетворенность своей жизнью, считает, что у него все благополучно. Исследователи предлагают следующую идею для успешной психологической адаптации: индивид не ждет пассивной адаптации, а активно переосмысливает собственную идентичность, осваивает новые навыки социального поведения [7, р. 661, 666]. Джон Берри с соавторами предложил стратегии, которые определяют уровень социокультурной адаптации: интеграция, ассимиляция [8, р. 31]. Юн Ким выделила когнитивный, аффективный, операциональный аспекты адаптации, которые измеряются сформированными компетенциями [9, р. 112]. В своих исследованиях Т. Г. Стефаненко предлагает механизмы защиты идентичности в процессе социокультурной адаптации. Автор выделяет психологическую адаптацию — изменение в психологической реальности индивида, затрагивание личностных установок и убеждений (успешность адаптации переживается как удовлетворенность жизнью, благополучие), а также социально-культурную адаптацию, связанную с межгрупповыми взаимодействиями, вовлечением в новую культурную и социальную реальность (успешность проявляется в «полноправном межличностном взаимодействии») [10, с. 113]. Л. Л. Шпак, рассматривая социокультурную адаптацию через деятельностный аспект, определяет ее как «форму взаимоприспособления субъектов и социокультурной среды на основе обмена духовно-практическими возможностями и результатами деятельности в конкретных адаптивных ситуациях» [11, с. 67], а М. В. Ромм актуализирует информационный аспект в рамках социальной адаптации личности [12, с. 162]. Ученый использовал концепцию социальной информации как идеального отражения процессов, происходящих в обществе, при этом инфовзаимодействия не задаются произвольно, а формируются в ходе адаптивной деятельности.

Мы предлагаем обозначить аспекты социокультурной адаптации иностранных студентов в образовательном пространстве вуза и предложить ее пути в процессе обучения на этапе довузовской подготовки.

Языковой аспект. На подготовительном факультете предусмотрено достаточно много учебных часов для изучения русского языка, так как чаще всего иностранные студенты поступают на подготовительный факультет, имея нулевой уровень владения русским языком. Считаем важным после полугода изучения русского языка интегрировать в рабочую программу дисциплины упражнения, связанные с коллокациями и языковым портретом слов, относящихся к будущей профессиональной деятельности. Например, в Новосибирском государственном университете экономики и управления на семинарах по русскому языку для студентов подготовительного факультета активно используется Национальный корпус русского языка, работа с которым позволяет студентам знакомиться с коллокациями, связанными с экономическими понятиями. Выполняя упражнения с использованием коллокаций, иностранные студенты свободно ориентируются в профессиональной тематике, читают экономические тексты, что способствует развитию языковой интуиции и дальнейшей успешной работе с корпусными элементами. Изучение языкового портрета слова помогает иностранным студентам анализиро-

вать использование слов в контексте, отслеживать изменение в значении слова в историческом аспекте.

Культурный аспект социокультурной адаптации иностранных студентов предполагает изучение культуры России в рамках учебной и внеучебной деятельности. На наш взгляд, на подготовительном факультете важно внедрить в учебный процесс дисциплину «Культура России», изучение которой будет способствовать углублению знаний о стране, ее традициях и обычаях, и в целом эффективной социокультурной адаптации. Изучение дисциплины познакомит иностранных студентов с культурным наследием страны в области литературы, архитектуры, танца, музыки, живописи и т. п. Особое внимание в рамках освоения дисциплины необходимо уделить изучению устного народного творчества, а также сравнительному анализу русского фольклора и фольклора родной страны иностранных студентов. Поступив на первый курс университета, иностранные студенты смогут осознанно продолжать изучение этой дисциплины. В процессе внеучебной деятельности необходимо обеспечить совместное участие российских и иностранных студентов в культурных вузовских мероприятиях: литературных гостиных, фестивалях, национальных праздниках, что позволит найти практическое применение знаниям, полученным из курса дисциплины «Культура России».

Психологический аспект. Психологическая адаптация предполагает не только активную работу психолога на подготовительном факультете для мониторинга психологического состояния студентов, но и беседы с педагогами, тьюторами, сотрудниками отдела международного сотрудничества. В Новосибирском государственном техническом университете для эффективной социокультурной адаптации сотрудники отдела международного сотрудничества активно взаимодействуют с педагогами, работающими на факультете, привлекают тьюторов при возникновении проблем в учебе и жизни студента, что способствует комфортному эмоциональному состоянию студентов, повышению их уровня мотивации к учебе, формированию положительных эмоций. Регулярная психологическая помощь, обсуждение тревожащих факторов с педагогами, психологами, специалистами будут способствовать эффективной социокультурной адаптации иностранных студентов.

Социальный аспект связан с готовностью иностранных студентов адаптироваться к социальной жизни в новой стране: не только к общению в стенах вуза, в рамках учебной группы, но и конструктивному общению с разными людьми и в разных ситуациях (магазин, поликлиника, театр, концерт, музей, городские мероприятия). Преподаватели подготовительного факультета и тьюторы могут организовывать экскурсии по значимым для студентов местам в первый месяц их жизни в новом городе. После первого знакомства с городом, стоит запланировать знакомство с местами отдыха, посещение театров, цирка, музеев. Для успешной социокультурной адаптации также необходимо участие в региональных мероприятиях, программе «Благоприятная среда», позволяющая всем иностранным студентам, обучающимся в разных вузах, но проживающим в одном городе, общаться, вместе учиться жить в новой социокультурной среде.

Академический аспект социокультурной адаптации предполагает комфортное обучение, общение в образовательном пространстве вуза. Этого можно достичь посредством знакомства иностранных студентов с особенностями обучения на факультете, а также сотрудниками деканата, ректором. Конструктивное общение с преподавателями может быть выстроено при помощи студентов-тьюторов, которые знакомят иностранных студентов с особенностями общения в академической среде, допустимом и недопустимом поведении. Необходимы встречи декана факультета с будущими студентами, знакомство с преподавателями в процессе мероприятий, организуемых факультетом, а также общение со студентами группы. На наш взгляд, важная роль в установлении такого общения принадлежит иностранным студентам, которые уже учатся на старших курсах. Прошедшие этап академической адаптации, они могут помочь студентам подготовительного факультета адаптироваться к учебе в университете.

Межкультурный аспект социокультурной адаптации характеризуется готовностью студентов вступать в коммуникацию в поликультурных группах. С первого дня обучения на подготовительном факультете необходимо сформировать готовность к межкультурной коммуникации представителей разных культур и традиций, развивая эмпатию и толерантность. Для этого важна интеграция в учебный план подготовительного факультета дисциплины «Межкультурная коммуникация», которая дает не только знания о разнице в культурах, но и помогает приобрести практические навыки коммуникации посредством тренингов, деловых и ролевых игр, изучения культурных традиций, моделирования конфликтных ситуаций. Изучение этой дисциплины будет способствовать развитию эмпатии, толерантности, формированию уважительного отношения к культурным традициям других народов.

Студенты Новосибирского государственного университета экономики и управления, Новосибирского государственного технического университета дали комментарий в интервью с автором настоящей статьи относительно некоторых аспектов социокультурной адаптации:

Кхунгхамла Оби (Лаос): «Знакомство с коллокациями и языковым портретом слова на занятиях по русскому языку на подготовительном факультете НГУЭУ помогли мне запомнить многие экономические термины, понять их значение и употребление. Теперь я свободно читаю и понимаю тексты экономической тематики».

Джахедул Ислам (Бангладеш): «Праздник Масленицы помог мне узнать о культурных традициях России, стать ближе к русской культуре. Теперь я с удовольствием читаю о культурных традициях страны в Интернете».

Ричард Чикумбо (Зимбабве): «В университете сотрудники международного офиса постоянно беседуют с нами о нашем самочувствии, настроении, интересуются нашими проблемами и успехами в учебе. Это очень хорошо!»

Раза Хурам (Пакистан): «Для знакомства иностранных студентов с Новосибирским университетом была организована экскурсия по городу, студенты из разных стран, которые уже обучаются на первом и втором курсах НГТУ, рассказали о местах отдыха в Новоси-

бирске, показали театры, поликлинику, торговые центры, кафе и аптеки. За короткое время я узнал много нового благодаря экскурсиям по городу».

Шейк Фадиль (Буркина Фасо): «Я учусь на подготовительном факультете, но уже много знаю об университете, потому что проректор по внешним связям встречался с нами, рассказывал об истории университета, специальностях, на которые мы можем поступать. Декан факультета рассказывал нам о профессии инженера, это очень хорошая профессия, сотрудники деканата рассказывают нам о том, как мы будем учиться на первом курсе».

Мелисса (Кот-д'Ивуар): «В нашей группе на подготовительном факультете учатся ребята из разных стран. Каждый студент рассказал о кухне, особенностях одежды, культурных традициях своей страны. Это очень интересно! Я хочу изучать разные культуры, чтобы общаться с разными людьми».

Таким образом, социокультурная адаптация иностранных студентов в период обучения на подготовительном факультете должна стать первой ступенью их эффективной адаптации в России. Этот процесс многоаспектный, поэтому в учебный план факультета необходимо интегрировать новые дисциплины, дополнять и расширять рабочую программу обучения русскому языку, особое внимание уделить внеучебной деятельности.

Список источников

1. Абдрахимова Г. А., Азнабаева А. И. Организация учебного процесса на подготовительном факультете для иностранных граждан // Вестник Казанского технологического университета. 2018. № 15. С. 213—217.
2. Александрова О. В. Психолого-педагогическое сопровождение адаптации иностранных студентов в российском вузе // Высшее образование в России. 2019. № 1. С. 68—75.
3. Алексеенко Т. Н. Подготовка иностранных учащихся к обучению в российских университетах: опыт СПбГУ // Педагогический журнал. 2020. № 2. С. 35—42.
4. Баталова И. С. Опыт организации образовательного процесса для иностранных студентов в МГТУ им. Н. Э. Баумана // Инновационные технологии в образовании. 2021. № 1. С. 43—50.
5. Борисова Е. М. Проблемы адаптации иностранных студентов в условиях российского вуза // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 3. С. 103—110.
6. Воробьева Ю. Г. Особенности учебной деятельности иностранных студентов подготовительных факультетов вузов России // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: гуманитарные и социальные науки. 2023. № 1. С. 87—94.
7. Ward C., Kennedy A. The measurement of sociocultural adaptation // International journal of intercultural relations 23 (4). P. 661, 659—677.
8. Contexts of Acculturation // Immigrant Youth in Cultural Transition Mahwah / J. W. Berry, L. S. Phinney, D. L. Sam, P. Vedder (eds.). N. Y. : Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 27—42.
9. Kim Y. Y. Communication and cross-cultural adaptation: An integrative theory. Clevedon, Avon : Multilingual Matters, 1988. 223 p.
10. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : практикум : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект-Пресс, 2008. 208 с.
11. Шпак Л. Л. Социокультурная адаптация: сущность, направления, механизм реализации : дис. ... докт. социол. наук. М., 1992. 398 с.

12. Ромм М. В. Социальная адаптация личности в России: парадигмы и контroversы // Теория и практика социальной работы на рубеже веков : материалы и доклады Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 14—16 февр. 2001 г.) : в 2 т. Новосибирск : Соцтехсервис, 2001. Т. 1.

References

1. Abdrakhimova G.A., Aznabaeva A.I. Organization of the educational process at preparatory course for foreign citizens, Bulletin of the Kazan Technological University, 2018, no. 15, pp. 213-217.
2. Aleksandrova O.V. Psychological and pedagogical support for adaptation of foreign students at Russian university, Higher education in Russia, 2019, no. 1, pp. 68-75.
3. Alekseenko T.N. Preparing International Students for Study at Russian Universities: The St. Petersburg State University Experience, Pedagogical Journal, 2020, no. 2, pp. 35-42.
4. Batalova I.S. Experience in organizing the educational process for international students at Bauman Moscow State Technical University, Innovative Technologies in Education, 2021, no. 1, pp. 43-50.
5. Borisova Ye.M. Problems of adaptation of foreign students in Russian university, Contemporary Issues of Science and Education, 2022, no. 3, pp. 103-110.
6. Vorobeva Yu.G. Specificity of Educational activities of foreign students at preparatory courses of Russian universities, Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences, 2023, no. 1, pp. 87-94.
7. Ward C., Kennedy A. The measurement of sociocultural adaptation, International journal of intercultural relations, 1999, 23 (4), pp. 661, 659-677.
8. Berry J.W., Phinney L.S., Sam D.L., Vedder P. (eds.) Contexts of Acculturation, Immigrant Youth in Cultural Transition Mahwah. New York, Lawrence Erlbaum Associates, 2006, pp. 27-42.
9. Kim Y.Y. Communication and cross-cultural adaptation: Anintegrative theory. Clevedon, Avon, Multilingual Matters, 1988, 223 p.
10. Stefanenko T.G. Ethnopsychology, praktikum, ucheb. posobie dlya vuzov. Moscow, Aspekt-Press, 2008, 208 p.
11. Shpak L.L. Sociocultural adaptation: essence, directions, implementation mechanism. Dr. social. sci. diss. Moscow, 1992, 398 p.
12. Romm M.V. Social adaptation of the individual in Russia: paradigms and controversies, Theory and practice of social work at the turn of the century, materiali i dokladi Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Novosibirsk, 14-16 February 2001), in 2 vol. Novosibirsk, Sotstekhservis, 2001, vol. 1.

Информация об авторе

Лопатина Светлана Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: s.s.lopatina@nsuem.ru

Information about the author

Svetlana S. Lopatina — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Marketing, Advertising and Public Relations of the Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: s.s.lopatina@nsuem.ru

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.

The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 21.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубов Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических наук и международных отношений, ведущий научный сотрудник, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Zubovv27@mail.ru

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Илларионова Карина Игоревна — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ilarionova-ki@ranepa.ru

Кранчев Дмитрий Алексеевич — экскурсовод, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова, Абакан, Российская Федерация. E-mail: d.kranchev@mail.ru

Лопатина Светлана Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: s.s.lopatina@nsuem.ru

Любченко Алиса Михайловна — студент, Павийский университет, Павия, Италия. E-mail: alisalubchenko777@gmail.com

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Палишева Наталья Витальевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических наук и международных отношений, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, доцент кафедры всеобщей истории, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: palisheva17@yandex.ru

Савина Татьяна Вячеславовна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и лингводидактики, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: savina-tav@ranepa.ru

Симакова Софья Александровна — директор Центрального дома культуры Яшкинского муниципального округа, председатель Кемеровской региональной ассоциации общественных объединений «Координационный совет немцев», член совета по делам национальностей при губернаторе Кемеровской области — Кузбасса, Кемерово, Российская Федерация. E-mail: simasofya@yandex.ru

Степанец Владислав Викторович — независимый исследователь, Белград, Республика Сербия. E-mail: stepashka1357@gmail.com

Сусликова Ксения Денисовна — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: suslikowa.ksenia@yandex.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Vladimir E. Zubov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social and Political Sciences and International Relations, Leading Researcher, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Zubovv27@mail.ru

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Karina I. Illarionova — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: illarionova-ki@ranepa.ru

Dmitry A. Kranchev — Tour Guide, Khakass National Museum of Local Lore named after L.R. Kyzlasov, Abakan, Russian Federation. E-mail: d.kranchev@mail.ru

Svetlana S. Lopatina — Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Marketing, Advertising and Public Relations of the Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: s.s.lopatina@nsuem.ru

Alisa M. Lyubchenko — Student, University of Pavia (UNIPV), Pavia, Italy. E-mail: alisalyubchenko777@gmail.com

Natalya M. Markdorf — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Natalia V. Palisheva — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Social and Political Sciences and International Relations, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Associate Professor of the Department of General History, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: palisheva17@yandex.ru

Tatyana V. Savina — Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Foreign Languages and Linguistics, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: savina-tav@ranepa.ru

Sofia A. Simakova — Director of the Central House of Culture of Yashkinsky Municipal District, Chair of the Kemerovo Regional Association of Public Organizations “Coordinating Council of Germans”, Member of the Council on Nationalities under the Governor of Kemerovo Oblast-Kuzbass, Kemerovo, Russian Federation. E-mail: simasofya@yandex.ru

Vladislav V. Stepanets — Independent Researcher, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: stepashka1357@gmail.com

Ksenia D. Suslikova — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: suslikowa.ksenia@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);

5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);

5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором:

— УДК;

— заглавие статьи — на русском и английском;

— подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;

— сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;

— аннотация — на русском и английском (Abstract);

— ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (Keywords);

— благодарности (при желании) — на русском и английском (Acknowledgments);

- знак охраны авторского права;
- перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (References);
- информация об авторе (авторах) (Information about the author(authors)).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (авторов¹) (полностью);
- наименование организации (организаций²), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);
- адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (авторов);
- открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии);
- автор, ответственный за переписку (Corresponding author) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

- введение;
- основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подрубрики);
- заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png**.
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночные подписи. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа

«В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.
2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.
3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.
4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin : Four Courts Press, 2002. 262 p.

References

1. Konev E. Projected vectors of development of foreign media, Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU). Minsk, BGU, 2018, pp. 294—297.
2. Ogilvi D. Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser, Moscow, Asociacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.
3. Braslavets L.A. Social networks as mass media: towards the formulation of the problem, Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism, 2009, no. 1, pp. 125—132.
4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin, Four Courts Press, 2002, 262 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.

Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

EDN (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. EDN XXXXXX.

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). <https://elibrary.ru/xxxxxx>.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.

